

KI 1472393

Александр Сидоренко

НАШИ

ДЕТИ

Александр Сидоренко

Наши дети

Рассказы

Вологда-Череповец
2002

Сидоренко А.М.

Наши дети.

Рассказы.(Истина где-то рядом. Несекретные материалы).- 2002. - 240 с.

Заказ А-71

© Сидоренко А.М. 2002

© ООО «Полиграфист»

Александр Сидоренко

Сидоренко Александр Михайлович родился 25 сентября 1957 года в городе Ейске Краснодарского края. В настоящее время живет в городе Череповце, работает учителем русского языка и литературы. Имел публикации в периодических изданиях г.г. Вологды и Череповца: газетах "Речь", "Курьер", альманахах "Автограф", "Воскресенский проспект". Автор сборника стихов "Чужой".

Мамонт

1

Очень хотелось есть, очень. Денис подошел к зеркалу, снял майку и стал себя рассматривать.

- Ну, что? Кажется, немного похудел. Не зря же шесть часов подряд ничего в рот не брал, ни крошки. И в туалете сидел-высиживал, и высидел немало.

Он стал к зеркалу боком. От груди, которая двумя белыми, вялыми сисями свисала вниз, ровным бугром сваливался рыхлый бело-розовый живот и пропадал в трусах.

- Нет, не похудел.

Денис повернулся к зеркалу лицом. Первое, что бросалось в глаза, был пуп с хмуро нависшей над ним складкой жира. Собственно говоря, пупка почти не было видно - он прятался глубоко-глубоко, а вместо него зияла черная бездонная дырка. А на боках пригорками бугрился жир, белый, дряблый, чуть колышущийся, если Денис двигал животом. А на самом животе жир свободно плавал туда-сюда вместе с кожей и, если Денис замирал, все еще колыбался.

Ляжки. Они втерлись друг в друга, сливаясь в одну большую ногу с черной полосой посередине, как у толстых женщин на пляже.

Сзади ничего нельзя было увидеть. Денис потрогал свою попу руками. Мягкие булочки были податливы и вялы, а в щелочках-складках между ними было влажно, и теплый пот, скапливаясь там, сочился капельками, отчего коже постоянно зудела, чесалась и краснела.

- Нет, не похудел.

Денис вспомнил школьную раздевалку при спортивном зале и увидел, как веселые мальчишки - его одноклассники - быстро снимали брюки, трусы и, ничуть не стесняясь своих щуплых и упругих тел с маленькими быстрыми мышцами, надевали плавки и не спешили брать майки, а разгуливали по раздевалке так - в одних узких матерчатых полосках. А под кожей у них жили мышцы: маленькие и побольше, длинные и треугольничком. И ляжки у них не терлись друг о друга, а каждая нога была сама по себе.

А Денис спешил как можно быстрее все снять и все надеть: спортивные трусы почти до колен и футболку навыпуск. И попросторнее, чтобы не так обозначалась грудь.

- Не, не похудел, - он чуть-чуть втянул в себя живот и напрягся, надулся. Так, вроде, получше. Но так всегда не получится - он и так недавно едва не потерял сознание на школьной линейке, когда Маша стояла рядом, а пиджака на Денисе не было - была лишь легкая прозрачная рубашка. И он мучительно втягивал в себя живот и держал его там, внутри, пока сердце не забилось часто-часто и в глазах не пошли черные круги.

- Нет - так долго не получится.

Денис натянул майку, отошел от зеркала и бросил взгляд на дверь в кухню. Он живо представил себе, как в холодильнике на верхней полочке лежит батон свежей колбасы. "Любительской". С кружочками белого вкусного жирка. А немного ниже - сковородка с недоеденной картошкой и блюдец с маслом, и пломбир в морозилке. А в хлебнице черный пахучий "бородинский" и пачка печенья. И еще...

Денис прошел мимо кухни, достал из кармана жвачку и стал ее яростно жевать. Потом взял с полки первую попав-

шуюся книгу и принялся читать откуда-то с середины, не понимая, что читает. Но чем дальше он читал, тем больше ничего не понимал и тем ярче вырисовывалось перед ним одно слово: ЕСТЬ. Оно принимало причудливые очертания и звучало в ушах, звало, требовало и заглушало все остальное. Есть! Есть!

- А-а-а... - Денис захлопнул книгу, швырнул ее и ринулся на кухню. Он открыл холодильник, схватил колбасу, масло, сделал себе огромный бутерброд и забылся в тихой радости, заглушившей на сладкий миг тревоугодия даже самую мысль, сделавшуюся его проклятьем - ТЫ ТОЛСТЫЙ!

2

- Денис, а Денис, это тебе, - Колька - "сзади" тыкал его в спину ручкой и, удивленно повторяя, шептал: - Это тебе, слышь... "

Денис обернулся и взял из Колькиных пальцев аккуратно сложенную записочку, Приятно волнуясь - от кого бы это, никогда никто записок ему не посылал - развернул ее - и на висках выступили крупные капли пота, а сердце задрожало и запело. Нет, такого не бывает.

"Дениска, у меня сломался "маг" - помоги починить после школы. Маша".

- Это - как, это - мне? Маша? К ней домой? - сплошной телеграммой простучало в голове. Но он сдержал себя и постарался, не привлекая внимания, осмотреть класс. Наверное, все уже видели, что случилось нечто возмутительное и удивительное и сейчас будут на него смотреть, перешептываясь и негодуяюще усмехаясь. Он и Маша. Это все

равно, если бы по аллее под ручку шли английская королева и местный бомж Петрович. Но все-таки он взял ручку и написал, старательно выводя буквы: "Да, конечно, я помогу, " и вернул записку Кольке, который, выпятив нижнюю губу и покачивая головой, посмотрел на него.

И - все, и - ничего, никто. Шел обычный урок, который, правда, уже никакого отношения к Денису не имел.

... Он не любил выходить на улицу: ему постоянно казалось, что в спину выстрелят: "Хома! Или, что хуже, прохожие будут смотреть на него с деланным восхищением - такого не бывает! - и потом (он чувствовал) будут оборачиваться вслед, покачивая головой: "Вот это да!"

А в школу ходить было надо. Каждый день. Как на расстрел.

Вечером Денис садился в своей комнате, заваленной частями магнитофонов, телевизоров, разноцветными мотками проводов, платами и книгами по радиоэлектронике, и паял, скреплял, мудрил. А то ложился на диван к телевизору, чем-нибудь хрустя. Или играл с отцом в шахматы.

Его обижали. Как-то беззлобно, по привычке: то по животу похлопают: "Ого! Звенит!", то незаметно сунут ему за воротник сзади бумажку с подписью: "Вечно голодный" или "Ел рыбу с молоком - могу рвануть". А когда на уроке биологии Валентина Давыдовна рассказывала о возможных причинах гибели мамонтов, Толя Блохин, посмотрев в сторону Дениса, хмыкнул и усмехнулся: "Вымерли, да не все". С тех пор и прилипла к нему кличка "мамонт". И он сам вольно или невольно привык к ней и откликался без обид, забывая на шесть школьных часов свое имя.

И все бы ничего, но однажды в класс пришла "новень-

кая", этакая "фитюлечка" : маленькая, курносенькая, тоненькая, джинсы в обтяжечку, с модной короткой стрижкой. Первое, что она сделала отличительного на первой же перемене - врезала по физиономии Алешеньке Сизову, вздумавшему проверить ее на прочность. Он, изгибаясь, подошел к ней, томно заглянул в глаза и положил свои красивые руки ей на плечи: "Как тебе у нас, милая? " и чуть притянул к себе. "Милая" спокойно сбросила его руку и маленьким кулачком "от себя" ударила Лешеньку в глаз.

Девчонки грозно перешептывались на своих партах до конца уроков, перебрасывались записками и злобно смотрели на нее - речь шла о "темной" после школы. Но за это время синяк под Лешиным глазом принял вполне зримые очертания и впечатлительный синюшный цвет - и "темная" как-то сама собой не состоялась. Девчонки "побрехали" с недельку со стороны и, убедив себя: "Сам, дурак, виноват" - успокоились.

"Маленькая" (так окрестили новенькую) быстро прижилась. Как и все, бегала за угол быстро-быстро вытянуть сигаретку, билась в красивой агонии на нечастых дискотеках и лихо списывала все, что можно было списать. И через месяц был вынесен негласный приговор - своя, прочее - забыто.

А Денис месяц назад впервые подошел к зеркалу и, неуверенно стянув майку, стал себя внимательно рассматривать, не понимая, зачем он это делает и, собственно говоря, что ему от себя нужно.

... Последние два урока он был рассеян и на лабораторной по химии сливал в реторты подряд все, что было под рукой, отчего реакция шла странно, непредсказуемо, не по

нимая, что от нее хотят. Из пробирки пахло гнусью и катастрофой, а Мишка-сосед дал Денису подзатыльник и покрутил пальцем у виска: "Ты че, вольтанулся: ща как рванет - и брюхо твое не поможет - весь класс твоим говном зальет и кишки твои у Машки на шее наматает" .

Денис испугался, срочно стал разливать эту гадость по разным ретортам и добавлять воду на манер смывного бачка. Но оказалось, что это было не вода, а что-то другое, и дышать в классе уже не хотелось - все зажимали носы и тихо протестовали: все пять Денисовых реторт дышали смрадом и гнилью. Антонина Дмитриевна не выдержала, подошла к его парте, торжественно, на вытянутых руках вынесла штатив из класса и вылила в унитаз.

Но за минуту, пока ее не было, Денис узнал о себе много нового. Это касалось особенностей его пищеварения, внешних данных и умственных способностей. Он сидел, после каждой реплики все глубже втягивая голову в плечи и не решаясь поднять глаза.

Вернувшись, Антонина Дмитриевна приказала открыть окно и велела продолжать, молча и выразительно посмотрев на Дениса. Штатив же - от греха - она оставила у себя.

"Ну - все. Теперь - все, - обреченно стучало в голове. - Куда теперь мне? Все смеялись - она тоже смеялась. Теперь все".

Раздался звонок. Через три минуты в классе уже никого не было - надо было успеть захватить футбольное поле, да так, чтобы на обоих воротах стояли "свои" вратари, иначе и до драки с другим классом дойти может.

Денис вылез из-за парты, запихал все свое в портфель и поплелся из класса.

На улице было свежо, ярко и пахло вечерним апрельским солнцем. Серый цвет таял и превращался в серебряный. Между луж на асфальте малыши уже успели начертить прыгалки "серебро-золото" и вовсю спорили: "заступил - не заступил". От школьной березовой рощицы тянуло приятным холодком талого снега, а на балконах соседних домов выросли вечерние мужики-курильщики, в майках, с упругими животами-барабанами.

Денис спустился по ступенькам крыльца и пошел домой.

- Эй-эй, Денис, погоди!

Он оглянулся. Маша с сумочкой-портфельчиком в руке мелко-мелко сбегала вниз:

- Ты куда? Ты же обещал после уроков.

- Я думал...

- Что ты думал?

- Ну, это... В общем, я думал, что теперь...

- Ничего не "теперь" - пошли. Я во-о-он там живу - видишь мужика в синей майке на балконе, который курит?

- Ага.

- Это папа. Пошли.

- А - ничего?

- Пошли-пошли-пошли-пошли, - она схватила Дениса за руку и потащила за собой, убыстряя шаг, а он покорно шел чуть сзади, как малыш за мамой, держась за Машину руку и ничего не понимая.

Вдруг с футбольного поля кто-то крикнул: "Слон и Моська", и раздался всеобщий хохот. А потом уже другой голос, постарше: "Эй, мамонт, не раздави ее!" - и хохот стал глуше, гаже.

В Денисе что-то закипело и стало подступать к горлу. Он замедлил шаг, намереваясь сделать нечто необычное для себя, и ноги его уже было повернулись в сторону поля, но Маша протараторила: "Куда-куда-куда-нет-нет-нет", крепче сжала своими маленькими пальцами его большую ладонь и потащила дальше. И он повиновался, все еще отыскивая глазами кого-то на футбольном поле.

4

- Папа, это Денис. Денис - это папа, - единым духом выпалила Маша. - Все, не мешай нам: - Она быстро сбросила туфельки и, едва дав Денису разуться, потащила его через зал в свою комнату.

А папа, в синей майке, обтягивающей большой волосатый живот, в широком трико и старых тапочках на босу ногу, кивнул Денису: "Угу", и исчез в кухне вонять сигаретой.

- Я здесь живу. Это - тебе неинтересно. Это - тоже не интересно. Это - вообще неинтересно. Маша расшвыряла по сторонам большого плюшевого медведя, симпатичного безобразного шимпанзе высотой в пол-Дениса, журналы с яркими обложками и что-то еще. Все это мелькнуло перед его глазами и забилося по углам.

- Садись, - она пихнула Дениса в огромное мягкое кресло: - А вот и он. - Маша с трудом сняла со стола и поставила перед гостем огромный музыкальный центр.

- Вот, вчера еще играл, а вечером что-то щелкнуло - и пшик. Гад! - она шлепнула по черной поверхности магнитофона ладонью: - Я уж его и так, и эдак - молчит. Сделай с ним что-нибудь, а?

- Да у меня с собой ничего нет, - Денис потрогал магнитофон и нахмурился.

- А что нужно?

- Много чего: тесторы, паяльник, хотя бы отвертку.

- Отвертку? Это есть, - она соскочила со стола, на котором полусидела все это время, и ринулась в большую комнату, крича: "Папа! Где у нас отвертки? "

Папа выдвинулся из кухни, ткнул рукой в сторону коридора: "Там, " и задвинулся обратно.

А Маша уже чем-то гроыхала и через минуту принесла длинную коробку с инструментами, бухнув их на руки Денису: "На! "

- Угу, посмотрим, посмотрим...

Денис аккуратно открыл панель и стал смотреть, щупать, тыкать отверткой, а Маша по-турецки села перед ним и, улыбаясь, следила за его руками и лицом.

Сначала он смущался, стараясь заслонить свой живот и грудь от ее глаз корпусом магнитофона, но потом работа увлекла его и глаза заблестели. Он жил там, среди сплетенных проводков, пасек, тяг, рычажков.

- Дай-ка мне вон ту, - Денис показал на тонкую, похожую на шильце отвертку.

- Какую? Эту? - Маша ошиблась и подала другую, с широким торцом-лезвием.

- Ну что ты? Это же для шурупов, больших. Ты - маленькую, вон ту, - в голосе Дениса появились уверенность и властная снисходительность.

- Я ведь не знаю. Это?

- Угу... А ну-ка включи.

Маша сунула вилку магнитофона в розетку, щелкнула выключателем - и он ожил, замигав красным огоньком и тихонько жужжа.

- Ур-ра! - Маша запрыгала на месте, затанцевала, захопала в ладоши: - Ур-ра! - и с размаху чмокнула Дениса в щеку.

Он захолопал глазами и начал приятно умирать, но не успел.

- Пошли на кухню! Я тебя чаем с вареньем напою. Сама варила - вкусное, - Маша оставила маг включенным, выхватила Дениса из кресла и потянула за собой:

- Папа, мы - чай пить.

Папа сказал: "Ага, " стрельнул окурок в форточку и ушел из кухни.

- Садись - вон там, - Маша указала на крепкую, просторную табуретку. - Тут папа сидит. Сам делал. Он у меня большой, крепкий и тихий.

А сама вихрем завертелась по кухне - и вещи стали покорно, испуганно и быстро услуживать ей. А она порхала, взмахивала, танцевала - или это так казалось Денису.

- Чай - потом. Чай - пустяки. Я тебя кормить буду. Любишь борщ? Вижу, что любишь, - Денис протянул руку, открыл было рот, чтобы сказать что-то, но перед ним уже стояли две тарелки, большая и маленькая, а рядом блюдечко с очищенными зубчиками чеснока и в пластмассовом стаканчике - шекснинская сметана.

- Вперед! - скомандовала Маша. Бери чеснок - это здоровая штука. И с борщом - объединение. Когда мама была жива, все ругала нас - опять от вашего чеснока в доме не продохнуть. Зря не ела.

Денис с застывшей на полпути ложкой посмотрел на Машу, не зная, что сказать.

- Ты ешь, ешь. Это я так, к слову.

Денис понимал, что это очень вкусно, но не испытывал радости от еды: тихое волнение новизны и смущение перебивали аппетит. Он ел и слушал Машу. Это было в тысячу раз вкуснее. И он уже забыл, что он "мамонт", что надо втягивать живот, что после чеснока плохо пахнет изо рта, что впервые в жизни его пригласила в гости девчонка - он ел и слушал, и ему казалось, что он жил здесь всегда.

А Маша болтала, смеялась, рассказывала о своей старой школе, о Таганроге, откуда они приехали совсем недавно, похоже передразнивала учителей, что-то разогревала на плите - вся в движениях, маленькая, быстрая.

И вдруг оборвалась. И у Дениса екнуло сердце - что случилось?

- Спасибо, мастер. Пора. Пойдем, я тебя провожу.

- Да что ты? Я сам... сам.

Но Маша взяла его за руку и повела в коридор:

- Нет - пойдем. Папа - нас нет.

Из комнаты опять прозвучало: "Угу". Они оделись и вышли.

5

На улице по-весеннему вяло темнело, а в доме напротив еще ослепительно блестели окна, облитые лучами заходящего солнца. Вдоль подъездов на лавочках по двое, по трое сидели старушки, оглядывая прохожих. И под защитой их ног вертелись ржавенькие собачонки, лохматые и наглые, по-хозяйски обтягивающие двор.

Игра на футбольном поле шла вяло - большинство ребят уже разошлись по домам или перебрались на место подъездных тусовок - покурить, поржать, помяться с девчонками.

Маша взяла Дениса под руку, а он и не сообразил сразу, что руку нужно согнуть в локте, как положено. Ее маленькие пальчики никак не могли охватить его большую руку. Она нажала тихонько на бицепс и с уважением сказала: "Ого. Ну ты и силен".

Это было неожиданно приятно: Денис никогда не смотрел в зеркало на свои руки - они его не интересовали. Он чуть-чуть напряг мышцы, и Машины пальчики, скользя, схватили рукав его пиджака. Она усмехнулась и спросила:

- Ты где живешь?

- Там, за детским садиком. На Строителей.

- Отлично. Я тебя провожу - и к Ленке. Завтра геометрия, она наверняка все уже сделала - пусть поделится, - Маша хихикнула и оставшуюся дорогу молчала.

Денис же не знал, о чем говорить, что нужно делать, и не понимал, чего ему хочется больше: чтобы этот путь никогда не кончался или чтобы он кончился как можно быстрее. Ему было и приятно, и страшно, и хотелось поскорее объяснить себе то, что произошло.

Они подошли к дому на перекрестке и поздоровались с двумя старушками: "Здрасс-те". Те, о чем-то только что говорившие, встрепенулись, поджали губы, вежливо окаменели, ответив: "Здрассствуйте"

- Вот, я здесь, в тридцатой.- Денис хотел спросить: "Зайдешь?", но слова застряли в горле. Маша высвободила руку, подняла подбородочек и улыбнулась:

- Ну что - пока. До завтра. Я пошла. - И вдруг прищурилась, глядя ему в лицо: - Что это у тебя?

- Где?

- Вот, у глаза?

Денис стал испуганно тереть глаза.

- Нет-нет, нагнись-ка.

Он отнял руки от глаз и послушно наклонился.

Маша быстро чмокнула его в щеку, засмеялась и убежала, махнув рукой - привет!

Бабушки еще больше окаменели и сидели теперь как терпеливые изваяния, глядя в пространство и всем своим видом говоря: "Нет нас здесь, ну не-ет". А когда Денис, придя в себя, повернулся и исчез в подъезде, они как по команде посмотрели друг на друга и протянули: "Да-а-а-а..."

6

"Надо что-то делать. Надо что-то делать" - эта мысль уже догрызла его, а что делать и почему делать, он не знал. Денис подошел к зеркалу и сказал громко, ясно, будто отвечая самому себе: "Надо худеть. Надо худеть!" Сжал зубы и повторил еще раз: "Надо".

В этот вечер он рано лег спать, не поужинав, как ни звала мама.

- Дениска, ты что - заболел, - спросила она, щупая лоб. - Хм, вроде, нормальная.

- Ничего я не заболел, просто не хочется, - он завернулся в одеяло, но сна не было - были тоска и томление. Измяв в десятый раз простынь, он встал и пошел на кухню. Взял

чайник и долго пил прямо из носика воду, пил тяжелыми, медленными глотками, с каким-то новым чувством глядя на холодильник.

- Не-ет... У, вражина - не открою, - и ушел спать.

Утром Денис встал, умылся, быстро оделся и пошел в школу. Мама едва успела крикнуть ему вдогонку: "А завтрак", но он был уже далеко. И, чувствуя, как протестующе бурчит и екает в животе, победно усмехался: "Давай-давай," и прибавлял шаг.

В фойе он столкнулся с Лешкой. Тот отступил на шаг, гнуто улыбаясь, согнул спину и широким, делано подобострастным жестом выкинул руки в сторону дверей: "Прошу. Только после вас".

Денис непонимающе остановился, не зная, что делать и в чем тут подвох.

- Ты что?

- Прошу-прошу, - еще более почтительно протянул Лешенька, мы уж как-нибудь, мы - потом, мы - люди маленькие, плохонькие.

Денис пожал плечами и вошел. А Лешка семенил сзади, забегал сбоку и приговаривал: "Ну как, ну как мы вас не рассмотрели. Как ошиблись. Ах, какой стан! Какая статья! Какие перышки! Сколько в нем страсти!

Лена и Оля, которые шли сзади, одобрительно посмеивались, глядя на эту сценку. Было похоже, что все всё знали. И что было, и чего не было.

До звонка оставалось немного, класс был почти в сборе. Когда Денис вошел, все мальчишки хором протянули: "О - о - о - о!" , вытягивая это "о" до самого потолка и издеватель-

ски-восхищенно глядя на Дениса. А Мишка -"слева" спросил, глядя прямо ему в глаза:

- Слышь, мамонт, а мы вчера у "ашников" 2-0 выиграли. А ты? Какой счет?

- Какой счет? - тихо переспросил Денис, краснея. Он начал понимать тайный смысл этого вопроса и не знал, что ему делать, что ответить, чтобы как-нибудь замять тему, отшутиться. Радость маленькой победы над собой погасла.

Всем было интересно, чем это закончится. Девчонки следили за Машей, мальчишки - за Денисом. Маша сидела, нагнувшись над тетрадью и что-то писала, не поднимая головы от тетради. Денис хотел повернуться, посмотреть на нее, но вдруг понял, что так нельзя, что это подло и малодушно, и застыл у парты, медленно выкладывая учебники и думая, что предпринять.

- А счет 3-3. Ничья, - Маша подняла голову (теперь уже "О-о-о-о!" - завyli девчонки). Она встала из-за парты, медленно, чуть вразвалочку подошла к Мишке. - Вот так. Ничья. А теперь послематчевые пенальти, - и она ловко и сильно ударила его ногой в пах. Мишка согнулся и отпятился к батарее, тихо матерясь и поскуливая...

Все затихли, а Маша сгребла Мишкина книги и прочий школьный вздор, сложила стопочкой и бухнула на свою парту. А потом взяла свой портфельчик, подошла к Денису и буркнула: "Двигайся - теперь вместе сидеть будем".

- Ни ... себе, - пискнул кто-то сзади, а Лешка тяжело подошел к постанывающему Мишке, вывел в коридор и на ходу бросил Маше:

- Дура. И это еще не все.

7

- Что вы такие пришибленные сегодня? - Антонина Павловна оглядела класс. - Комлева, почему не на месте?

- Антонина Павловна, можно я с Денисом буду сидеть? Пожа-алуйста. Мы вот уже и с Мишей договорились. Можно? - пропела Маша.

Антонина Павловна поджала губы, посмотрела на Машу, на Дениса и пожала плечами:

- Ну, раз вы считаете, что уже пора - сидите. Бог вас разберет. Ладно - начнем...

8

- Пошли в столовую, - Маша потянула Дениса за рукав. - Есть хочу.

- П...пошли, только у меня... Я деньги забыл (он оставил "десятку" на трюмо нарочно, даже не посмотрев на нее, и теперь чувствовал, что сглупил: голова раскалывалась, а в боку завелся маленький чертик, который кусался и щипался).

Маша посмотрела на него и постучала по косяку:

- Во! Так нельзя. Ладно, пошли - у меня хватит.

В столовой было шумно. У буфета торчал "хвост", а скорее, "головастик". Старшеклассники передавали буфетчице деньги через головы младших, приговаривая: "Тебе еще стоять да стоять, а я уж свое выстоял". Замордованная буфетчица нервно успевала схватить бумажки, отсчитать сдачу и не пропустить никого. Учителя чинно сидели поодаль за своим столиком, не обращая никакого внимания на этот "естественный отбор".

Маша с Денисом подошли к "головастiku".

- Не успеем, - сказал Денис. - Пошли.

- Я хо-чу есть! - Маша нырнула меж локтей и исчезла, а через пару минут появилась, растрепанная и растерзанная, но с торжественно поднятыми вверх двумя булочками. - Наша взяла - Маша взяла!

Они рассмеялись.

- Пойдем к ребятам, - она нагрузила Дениса пустыми стаканами для чая и направилась к столу с табличкой "9-Б", улыбаясь как ни в чем не бывало:

- А вот и мы.

- Давайте к нам, - Лена и Оля сдвинулись, пропуская их в центр.

Денис впервые в жизни сидел между девчонками и не мог ни слова сказать, ни кусок проглотить. Ему казалось, что все в столовой смотрели на него и только что не показывали пальцами. И это было не так уж далеко от истины. В воздухе пахло скандалом и войной.

- Девчонки! А мне Денис вчера "маг" исправил. Раз-два - и все. Мастер!

- Да ну? - заинтересовалась Лена. - А у меня "Сонька" вот уже год как ломаная стоит: подкассетник накрылся. Денис, а Денис (она положила руку на стол локотком, как будто просилась к доске), чур, я вторая. Кто за мной?

Девчонки прыснули, а Денис совсем покраснел и совсем растерялся:

- Приноси в класс. Я посмотрю.

- Не-ет, в класс неинтересно. Он тяже-е-лый-претяжелый, мне его не донести. Я тут - недалеко, а? Придешь? - Лена сделала масляные глазки и облизнула губы.

- Слышь, Денис, а у меня ламповый, "Витязь". Мне его точно не донести. А я еще ближе живу: из школы прыг - и у меня. - Теперь уже Оля обвила его руку колечком - А? - и заглянула в глаза: - Ждать?

- Ни-ку-да-он-не-пой-дет! - Маша вымучила веселенькую улыбку, но улыбка не клеилась, и вместо шутки получались приказ и тревога: - Я сама буду каждый день ломать свой маг - а он пусть чинит.

Девчонки снова протянули "О-о...", но уже не так высоко и совсем не обидно - сообщнически. А Лена отодвинула свой суп - фу! - и придвинула второе, сказав так, чтобы слышали все за столом: "А мне казалось, что сегодня не пюре, а яичница", - и вскинула глаза на Мишку.

Все откровенно заржали, а Мишка вскочил и, тихо матерясь, бросился из столовой.

9

-... Уже десять дней. Я терплю уже десять дней. Ну как - лучше? - Денис снова стоял у зеркала с задранной майкой и искал изменений.

- Ага, вроде бы, вот эта складочка стала поменьше, а вот той - у груди - и вовсе нет, осталась лишь вялая кожица. И руки как будто свободней, не так уже шаркают по бокам. И вообще, как-то легче стало, будто плыву по воздуху, и ноги легкие-легкие, ватные. Только голова постоянно болит, и мысли путаются, особенно на уроках.

А она все норовит затащить на кухню и чем-нибудь вкусным напихать. Вчера пирожки. Ох, лучше не надо. Ешь - и хочется плакать: и стыдно, ведь не удержался, и вкусно -

сидел бы и ел, ел. Пирожки. Со сметаной. М-да... И еще дядя Боря. Ест и молчит. Молчит и ест. Мне, пожалуй, столько не слопать. А он прямо прорва какая-то. И где они у него помещаются?

А Маша на нас смотрит и улыбается. Чего хорошего: сидят два амбала и молча жрут. И охота ей у плиты крутиться, лучше бы с ребятами у подъезда стояла да себя показывала. У нее есть, что показать...

Денис вспомнил, как Маша вчера погнала его в магазин: "Это купи - то купи - это тоже купи - ладно - все - иди - молчи!" - и вытолкала его за дверь. А когда он вернулся, Маша открыла дверь - и Денис задохнулся. Екнулось везде, даже где редко екалось, и внизу появилась приятная тяжесть. Она стояла перед ним в шортиках и лифчике от купальника, с тряпкой в руке, и, ничуть не смущаясь, выхватила у него из рук пакет, повернулась и заскользила на кухню. А со спины она была такая... Денис никак не мог подобрать нужного слова и только смотрел, как плотно и упруго - дерг-дерг - играют в такт движениям ее аккуратные, плотные, красивые "булочки" .

- Э-эх! - он опустил майку и вздохнул. Дома было скучно. Все, что Денис любил: свою комнату, покой, неспешные шахматы - все стало теперь чужим, скучным. Хотелось бежать. Даже мама стала ну не чужой, а будто в подозрную трубу, если наоборот смотреть: маленькой, далекой.

"Пойду погуляю. Куда-нибудь. Кругами." - Он оделся и вышел.

Легкий апрельский воздух. Высоко-высоко над головой красный огонек телевышки, осыпанный голубыми точками звезд.

Тепло и необязательно. Весь "Строителей", приятно маясь, выгуливал себя. Докрикивала свои игры детвора. Благодично, степенно, молча, себя уважая, шествовали "кожаные" пары. Дошаркивали вечерний моцион старушки. А местная шпана - куртки расстегнуты, пиво в руке, сбоку девчонка "вся твоя" - фланировала, роняя легкий маток и никого не задирая. А неохота. Да и свои все: дашь кому-нибудь в лоб или пошлешь подальше, а завтра наверняка к матери придет в гости какая-нибудь тетя Валя и будет выговаривать, как нехорошо ваш сын вел себя с племянником ее отчима по материнской линии. Все у всех на виду. Аквариум. "Старый" город. Старый.

Денис вспомнил, как отец рассказывал ему о легендарных побоищах семидесятых годов: "городские" на "зареченских", с ремнями, кольями, железными прутьями. Армиями по двести-триста человек, большей частью подростков, сталкивались, выясняя, чей район лучше, кто хозяин в городе. Дрались люто, топя себя в лихости и гордости, расплевывая по сторонам окровавленные зубы и не обращая внимания на милицейские сирены. Или не менее легендарный ресторан "Садко" - второй дом местных алкашей и хулиганов. И вся эта шальная округа "ломоносовского" причала с ее дикими законами и страшными преданиями.

Теперь здесь тихо. Бывшие громилы остепенились, обзавелись семьями, вымучили себя на заводе и сидят сейчас вечерами у окон с бутылочкой - скучные, бесшумные. Старый город. Старый.

- Эй, повестку на мясокомбинат не получал?

Денис вздрогнул. У подъезда скучала компания. Человек пять, с девчонками. Это - оттуда. Денис не понимал, что с

ним происходит - он уверенно развернулся и двинулся им навстречу, чуть убыстряя шаг и странно улыбаясь. Он подошел вплотную - лица, вроде, знакомые, но он не мог припомнить, где их видел. Две девчонки испуганно и с интересом выглядывали из-за спин парней, а те явно не ожидали такого поворота событий и не понимали, насколько происходящее для них опасно - стояли и ждали, пуская ситуацию по воле волн.

- Ты че, паря?

- Это вы мне? Мне?..

- Что - тебе?

- Я - повестка? Мне? - Денис стал поднимать свои огромные руки, не понимая, что он будет делать дальше и глядя в упор на одного из ребят.

- Ну, чего тебе? Лапы-то убери.

Но Денис уже взял одного из них за плечи и прижал к себе, глядя в упор в глаза. Тот трепыхался и что-то кричал, пытаясь освободиться. Остальные сгрудились вокруг, стараясь их разнять.

- Эй, пусти! Я не тебе... Пусти!.. Задушишь, гад! - крик парня переходил в хрип. Денис не замечал, как сыпались удары ему на спину, бока, и сжимал, сжимал обидчика.

- Пусти! - взвизгнула у самого его уха девчонка и жиганула по щеке "когтями". Денис вздрогнул - и хватка его ослабла. Парень ужом вывинтился из его объятий и вместе с другими исчез в подъезде.

Денис мотнул головой, приходя в себя, и посмотрел вокруг. Никого. Никого? Что это было? Сердце быстрым молоточком колотилось в груди, в висках колело.

- Я чуть не убил его, - мелькнуло в голове. - Зачем я это сделал? Зачем?.. Нет - я не повестка! Я - не повестка!

Он посмотрел еще раз вокруг себя и вдруг быстрыми, тяжелыми шагами направился к Машиному дому.

10

- Кто? - Маша, в халатике и на босу ногу, отрыла дверь и охнула, отхлынув: - Что с тобой? Кто тебя?

Она отдернула дверь, втащила Дениса в коридор: "Ну-ка нагнись, - и стала быстро ощупывать его лицо: - Сейчас же за мной".

Денис сидел на "папином" табурете, а Маша хлопотала возле него: смазывала длинные, тигриные царапины перекисью, дула, приговаривала: "Потерпи - немного пощиплет. Потерпи".

- Ну вот - и все. Теперь рассказывай.

- Да и рассказывать-то нечего: шел, гулял, вдруг... - Денис осекся, ему не хотелось, он не мог повторить ту фразу. - Ну, в общем, компашка одна, тут недалеко, с девчонками. Я их знаю, кажется. А одного я чуть не придушил.

Он растопырил пальцы и посмотрел на них так, как будто видел стекающую кровь, густую, противную, страшную.

- Не придушил? Ты? - Маша села перед ним на корточки и пыталась поймать его взгляд: - За что?

- А за то... - Денис побагровел и резко бросил. - Я не скотина, и нечего мне повестки на мясокомбинат раздавать!

- Какие повестки?

И вдруг Денис скороговоркой выпалил все, выпалил взахлеб, показывая руками, как было, и почти крикнул:

- Я не "толстый", я не "мамонт"! Ну что я им сделал - я просто шел!

И замолк, посмотрев на Машу.

- Ведь я "мамонт", да?..

Она помолчала, потом взяла своей маленькой ручкой его большую, еще легко-легко дрожащую руку, поднесла ее к своему лицу и стала тихонько целовать, нет - трогать губами его пальцы. Потом поднялась, села Денису на колени и свернулась калачиком.

- А я "пигалица", "мартышка", "заноза", "кнопка". Как только меня не называли и в садике, и в школе, и во дворе. Сначала дралась, даже, помню, руку Витьке из старшей группы прокусила - до крови! - а потом ничего - плюнула - пусть их! На всех зубов не хватит. И кулаков. Даже твоих.

Они долго сидели, странно обнявшись. Она - маленькая - свернувшаяся на его коленях теплым комочком, и он - большой, толстый, обомлевший и счастливый, нескладно и неправильно обнявший ее за худенькие плечи.

В домах напротив уже погасли последние окна, и редкие машины стыдливо нарушали тишину. Где-то во дворах всплеснулся отчаянно пьяный крик песни и -а-а-а- ... - замолк, вытянулся, как будто рухнул на землю.

Маша заснула, а Денис боялся пошевелиться и разбудить ее. Он не думал о том, что его, наверняка, ищет мама, о том, что случилось всего час назад, о том, что завтра в школу - он был полон тихим, надежным счастьем и не хотел ничего больше.

От голода покалывало в боку и возмущенно-неправильно стучало сердце. Но и это было не в нем, а где-то очень далеко отсюда. Кто-то качнул его за плечо. Денис открыл

глаза - перед ним стоял дядя Боря, который только что вернулся со смены.

- Эй, идите спать. Твои-то знают?

Денис ошалело продолжал смотреть на него.

- Позвони, - и дядя Боря ушел в ванную долго мыться под душем, фыркать и побрякивать.

Денис бережно поднял Машу на руки (она чуть потянулась во сне и потерлась носиком о его плечо), отнес ее в "маленькую" комнату и, как хрупкую, самую-самую дорогую вещь на свете, как ребенка, положил на кровать, накрыл одеялом и подошел к телефону.

- Ма, это я... Все нормально. Я... это...сегодня не приду. Ма-а-а, ты слышишь?

Трубка молчала.

- Мам, я не при-ду сегодня. Ну... виноват, ну, так случилось - не могу. Не обижайся.

- Спокойной ночи,- и она повесила трубку.

Денис сел в кресло напротив Маши и тотчас заснул.

А дядя Боря вышел, наконец, из ванной с мокрым полотенцем на шее, пригладил волосы у зеркала, прошел в "маленькую" и с минуту смотрел на Дениса и Машу. Потом чуть приоткрыл форточку, набросил на колени Дениса Машин плед и ушел в кухню. И долго курил с незажженным светом, протяжно смотря в темное окно.

На перемене Колька-сзади медленно прошел мимо Дениса с учебником физики под носом, что-то бурча и кивая в

такт - зубрил. Прошел и вполголоса, так, чтобы слышал только Денис, прошептал: "Не ходи на физо - что-то будет". Денис вскинул голову, хотел спросить: "Что?", но понял - нельзя: Колька "закладывал" кого-то из "своих", пытаюсь спасти его от какой-то гадости.

Последние две-три недели в классе все изменилось. Все началось с того, что начисто смылась с Дениса кличка "мамонт" и вернулось его обычное имя, причем девчонки добавляли ласкательное "к", отчего Денису казалось, что его постоянно гладят по головке, как маленького: "ДенисКа, принеси мел", "ДенисКа, который час?" Они не упускали случая обратиться к нему с любым пустяком, заговаривали, опекали. Ребята чувствовали это, не возражали и перестали хлопать его по животу и играть им в мелкие пакости. Против девчонок идти им не хотелось: помнили и Лешкин синяк, и Мишкину "яичницу" и вдруг увидели большие руки Дениса. Но не только страх - нечто другое: может, тайная зависть, а может, удивление, а может, завистливое уважение к Денису, переплюнувшему их все, поднявшемуся вдруг, сразу на новую ступеньку мужских достоинств - все это, смешавшись, смутило ребят, и они замолчали, позволяя ему быть равным среди равных. За этот месяц весь 9-Б вырос, повзрослел. Учителям уже не приходилось гасить маленькие пожары беспричинного смеха, меньше стало дерзки-гадливых в своей двусмысленности реплик "по поводу". Нет, учиться не стали лучше - просто увидели себя со стороны, тихо ужаснулись: это я? - и поняли: надо меняться, переделываться. А как - пока не знали. И, словно на миг перемирия, замолкли, ожидая перемен, неслышно меняясь сами. И это было

ново и приятно, будто одели втихаря отцовский выходной костюм, подошли к зеркалу, приосанились и увидели, что он им почти впору.

... Колька снова прошел мимо и уже настойчивее и громче промышчал: "Не-хо-ди".

Физо должно было быть на улице последним уроком. Денис сжался и начал лихорадочно думать: что делать? Кто? За что? Но мысли перескакивали одна через другую, путались. И вдруг в голове мелькнуло: "Лешка!" и его "тогдашняя" короткая фраза "И это еще не все"

"Неужели не забыл? Не забыл? Нет, нельзя не пойти - я не "мамонт", нельзя, там Маша. Все равно пойду, все равно". Он почувствовал, как все его мышцы налились какой-то злой, решительной, задорной энергией и готовностью - пойду!

На уроке Маша толкнула его в бок:

- Что с тобой?

- Ничего - все хорошо.

- А почему ты такой каменный?

- Так.

- Смотри, на физо не очень-то дергайся, поди, опять ничего дома не ел.

- Да ел, ел...немного.

- А - врешь! И зачем ты это? Грохнешься когда-нибудь - то все рады будут, особенно некоторые... Ведь грохнешься.

- Не грохнусь.

12

В раздевалке ничего странного, угрожающего Денис не заметил: ребята неспешно переодевались, Колька чеканил

о стенку мячом, а Лешка с Мишкой вообще - раз-два - и выскочили на улицу. Все ушли, остались лишь Колька, методично долбивший мячом, и Денис.

- Коля, ЧТО будет?

- Что будет, что будет... Не знаю. Тебе сказано: не ходи, придумай что-нибудь. О! - заболей. А давай я тебе ногу сломаю или ухо откушу, а?

- Ты ведь знаешь.

- Ни-че-го-я-не-зна-ю, - он продолжал стучать мячом, не смотря на Дениса.

- Знаешь.

Колька поймал мяч, сунул его под мышку и пошел из раздевалки. У выхода он остановился и, обернувшись, сказал:

- Затяни шнурки покрепче, одень на трусы ремень - потуже - и держись подальше от...ото всех. Понял? - Сплюнул и ушел.

"Зачем шнурки? Зачем ремень? От кого "ото всех" ? Не понимаю. А-а-а! Черт с ним! - Денис стукнул кулаком по скамейке и тоже вышел вслед за Колькой.

Тепло. По кромке стадиона выбрызнула молоденькая травка, прорастая сквозь прошлогоднюю изумрудными островками. А по стадиону маленькими зеркалами рассыпались осколки луж в обводках грязи.

9-А и 9-Б разминались, перепасовывая мяч вместе с физруком Павлом Павловичем, а в простонародьи Пал Палычем, или "палачом", в зависимости от настроения последнего и оценок за четверть.

Объединенный урок. А после обязательной разминки-кросса Пал Палыч обещал матч-престиж между классами. И, зная это, треть школы слонялась возле стадиона, ожи-

дая зрелища и приглядывая места на полосе препятствий, на бревнах, у забора.

Пал Палыч дал свисток - и классы построились.

- Направо бегом - марш! - и длинная вереница разноцветных трусов, трико, маек, футболок, как покорные заключенные, скучно-скучно потянулась по кругу, поскрипывая гравием.

Денис бежал вяло, прижав согнутые руки к бокам и часто дыша то ли от волнения, то ли от неизвестности, то ли оттого, что ныло сердце. "Ну чего же бояться? Что же, что хотел сказать Колька? От кого подальше?" Перед ним маячил затылок Лешки, за спиной, метрах в пяти, бежал, не особо утомляя себя, здоровенный Генка. Все спокойно. Все хорошо. Только бы скорее закончился этот проклятый пятый круг, скорее, а то выскочит сердце.

Денис замедлил шаг, но сразу же раздался свисток "палача" - соблюдай дистанцию! А Генка тихонько шлепнул Дениса по задку и задышал в затылок: "Давай-давай-давай-давай. Еще чуток, еще разок".

Осталось сто метров. Денис чувствовал соленый привкус крови во рту, ноги сами собой, как гнутые ходули, переставлялись - раз-два - чиркая носками по гравию.

"Не добегу. Не добегу!"

Генка положил ему на спину свои сильные ладони и стал молча подталкивать: "Легче. Легче. Еще чуток. Все - добежал. Молодец".

Денис с размаху, с разбегу прошел шагов двадцать на гудящих, тяжелых ногах, держась за правый бок. Он дышал и никак не мог надышаться. В боку колело, сердце тряслось,

трепыхалось, как тряпочка. Ребята рассыпались по полю, а он все ходил и ходил, глотая воздух.

Вдруг рядом, за прутьями решетки, кто-то хохотнул. Денис оглянулся и оторопел: это же они! За забором, невдалеке, стояли те трое - из той недавней ночи. И те же девчонки с ними. Они вполголоса перебрасывались словечками и, посмеиваясь, смотрели на него.

- Ого! Спортсмен!.. Райка, хочешь сняться с чемпионом - становись.

Одна из девиц выбежала перед Денисом и кокетливо выгнулась, скорчив сладенькую улыбочку, и тут же мелькнула легкая фотовспышка.

Денис представил себя на снимке: краснорожий, с малиновыми пятнами, со струйками пота, сбегавшими с висков, с разметанными волосами и мокрой майкой, облепившей грудь и живот - и схватился за прутья забора.

Раздался хохот:

- А мамонт-то в клетке. Ты иди, иди сюда, лезь - ну лезь же, - один из парней метился в Дениса объективом: - Ну, давай, только трусы на заборе не оставь, туша хренова.

Подбежала Маша:

- Что еще? Кто это?

Компашка заржала еще громче:

- Слышь, мамонт, это твоя? Твоя, что ли? А как ты с ней управляешься? Так? Или вот так? - один из парней стал выгибаться, меняя позы, одна другой гаже, помогая себе руками: - Вот так, а потом вот этак, а потом бух - и лопнула!

Свисток Пал Палыча застал Дениса и Машу врасплох. " В строй!" Надо было идти. Но они стояли напротив хохочу-

щих тварей, отделенных от них решеткой, и не могли оторваться, а смотрели, смотрели, смотрели им в глаза.

- Комлева! Денис! В строй! - Пал Палыч направился было к забору. - Потом разберетесь.

Компания стихла, роняя смех, но никуда не уходя.

- Итак, играем по пять человек в команде с подменой. Тайм - 20 минут. Подмена обязательна. Готовность три минуты, - дал установку Пал Палыч.

Ребята разошлись по зонам, совещаясь, кто будет играть в первой "пятерке", кто - потом, а зрители стайками облепили вокруг все возможные насесты. На балконах соседнего общежития появились болельщики, сами не прочь вечером поноситься с мячом часок-другой. Подошли с колясками положительные папы - посмотрим, посмотрим.

Денис смешался с классом, бросая изредка взгляды на "тех", за забором. Но игра все более отвлекала его. Пока Денис был в резерве, но Пал Палыч сказал: "отдохни, но десять минут - твои, однозначно, - и похлопал его по спине. И Денис вдруг забыл и хохот, и тварей - его захватило таинство футбольной баталии.

Свисток! Мальчишки вмиг разметали лужи, растоптали зеленые всполохи травы, яростно выбивая друг у друга мяч. Девчонки визжали, подбадривая своих, а с заборов, балконов летели короткие, резкие возгласы: "Ну... блин... твою, ну ты..." Мир счастливо сузился до размеров школьного стадиончика.

"Ашники" сразу вкатили в ворота соперника красивый мяч, размазав вратаря Генку в сочной грязи и - О-о-о! - обнявшись, снисходительно-победной трусцой подались к своим воротам.

У поля останавливались учителя, спешившие было домой, задерживались мужики с пакетами. И среди них выпер большой живот дяди Бори.

Свисток - и ребята снова схлестнулись, втерлись друг в друга. Веселый и злой маток катался по полю из конца в конец, и никто не обращал на него внимания. Даже Семен Маркович - директор школы - понимая всем своим русским сердцем: так надо, а как же иначе - рубил рукой воздух: "...твою", когда мяч делал нелепые движения и уходил из-под ног игроков.

Вдруг Мишка неловко принял мяч, споткнулся и заскакал на одной ноге к кромке: "Ух ты..."

- Денис - давай, - Генка приглашающе махнул рукой.

- Давай, - Пал Палыч хлопнул Дениса по плечу и подтолкнул к полю.

- Денис...

Он повернулся и увидел глаза Кольки, острые, предупреждающие.

- А! - Денис отмахнулся и потрусил к ребятам, которые уже ждали его в центре поля.

"Ашники" снова вели, ловко перепасовываясь и подходя к воротам. Денис попытался загородить собой проход нападающего, но его обвели. Генка еле успел отбить летящий в "шестерку" мяч и ругнулся: "Ты че - смотреть надо".

Денис снова ринулся в лес мелькающих ног и рук, но тут Лешка, вместе с ним закрывавший подходы к воротам, поскользнулся и завалился на Дениса, скользя по нему, хватаясь за трусы и майку, чтобы удержаться. Но не удержался и, падая, схватил его за трусы, обхватил их с обеих сторон и сдернул, сволок до самой грязи.

И тут же короткой молнией, почти незаметно, прямо в глаза Денису мелькнула вспышка фотоаппарата.

Игра на мгновение замерла. "Ашники" остановились, и весь стадион вместе со зрителями раскатился коротким, не злым, но убийственным смешком.

Денис на миг застыл посредине поля, не понимая, что произошло, и не успев спрятать себя... свое - то, что не может быть никому показано. Он еще жил той атакой и поэтому несколько секунд стоял, ничего не предпринимая, в той же позе полушага навстречу мячу, сопернику. Потом вдруг засуетился, нагнулся - и тотчас же вспышка еще раз плеснула ему в глаза. Он стал лихорадочно нащупывать трусы в грязи. Надел, поддержнул, и вдруг молнией пронеслось в голове: "Надень на трико ремень..."

"Лешка. Сволочь!.. Он! С этими! Сговорился. Специально". Денис развернулся к поднявшемуся Лешке и протянул к нему руки:

- Убью! Убью!

Тот стер с лица извиняющуюся ухмылку и попятился, споткнулся. А Денис медленно нависал над ним:

- Убью!

И Лешка бросился бежать поперек поля к школе. Денис рванулся следом, глухо приговаривая: "Убью. Убью". Он бежал изо всех сил, веря, что не может, ну не может Лешка удрать от него, что он догонит его, непременно догонит.

Они выскочили на асфальт перед школой. Лешка стал петлять, ринулся к рожице и замелькал между деревьев. А Денис неловко, неправильно бежал за ним, бежал, как бешеный зверь - напролом, разбрасывая комья грязи.

Со стадиона остолбенело смотрели за этой гонкой, плохо понимая, что же все-таки произошло, но начиная понимать. Замерли болельщики, учителя, даже Пал Палыч не свистел в свой свисток, а держал его у подбородка и смотрел на погоню.

Маша вдруг молнией рванулась с бревна, но не успела - Денис споткнулся, остановился, хватая себя за сердце и глотая воздух, и как подкошенный рухнул на землю.

- Де-ни-и-ис-ка-а-а! - она подбежала, упала на него, быстро прижалась ухом к груди, потом рванула его майку - а она не рвалась, не рвалась - припала к его губам и начала вдвигать воздух, нажимать на грудь.

А к ним уже бежала вся школа, мужики с пакетами, дядя Боря - все, кто был вокруг.

- Нет-нет-нет, - Маша упругими толчками пыталась заставить сердце Дениса снова забиться. - Нет-нет-нет...

- Пусти! - Пал Палыч отшвырнул ее. - За врачом. "Скороую!" - и сам стал делать то, что делала Маша, только сильнее и правильней.

Из школы без халата выскочила Вера Петровна, начала помогать. Маша держала Дениса за руку и шептала: "Не уходи. Не уходи..."

А Генка нашел взглядом Лешку, который, обомлев, стоял поодаль, подошел к нему и со всего размаха ударил его в зубы.

12.

...Сизо-белая муть выплыла откуда-то изнутри и занавесила глаза. Эта муть чуть покачивалась, перетекала сероватыми мазками, колыхалась. "Что это? - подумал Денис. -

Я умер?" Но внутри этой пелены жило движение, оно сгущалось по центру и начало приобретать очертания. Стало светлей... совсем светло, и из пелены выплыли лицо и белая шапочка. На лице жили строгие, с доброй искоркой глаза. Из них лился свет. Наверное, это он разогнал пелену, и Денис увидел над собой высокие белые стены и железный штатив с большим флаконом, из которого к его руке тянулась прозрачная трубочка. "Это капельница, - длинно, вяло, чуть ли не по слогам подумал Денис. - Я в больнице. А какой счет?.. И где Маша?.. А на фотографии я буду без трусов... Я не хочу без трусов... А это врач..."

- Очнулся? Ну и молодец. Теперь до ста лет проживешь. - Густой теплый басок поплыл к нему от лица. Денис крепко зажмурился и резко открыл глаза. Всё стало на свои места, предметы окончательно выплыли из мути и приобрели четкие очертания.

Слева от окна, наискосок, желтым крылом заливало палату солнце; прозрачная занавеска легко колыхалась у полуоткрытого окна, будто дышала. И Денису захотелось так же вздохнуть, глубоко-глубоко - как та занавеска. Вот он вдохнул весенний воздух, потянул его в себя - глубоко-глубоко! - и почувствовал, какой он, этот воздух, живой и сладкий.

- Дыши-дыши, футболист, - улыбнулся над ним доктор. - С возвращением. - Он положил на плечо Денису свою большую, мягкую и сильную ладонь: - Ну и шухера же ты надедал - второй день мы в осаде.

- Какой осаде? - прошептал Денис.

- А в такой: пол твоей школы на боевом посту в приемной, дежурство устроили. Все хотят кровь свою тебе отдать,

до последней капли, или чего-нибудь еще, если нужно. Подушки кислородные притащили вместе с апельсинами и копченой колбасой. Х-ха! - он хохотнул и прихлопнул ладонями по коленям. - Ты, дружок, скажи, чего ты сейчас больше хочешь: апельсинов или кислорода, а? Ну чудачки!

- Чудачки-то они чудачки, Иван Яковлевич, - пропела из-за его спины медсестричка, - а вот уже из Горздрава звонили, беспокоились - как он, что нужно.

- Знаю-знаю. Ну, брат, ты теперь важная персона, государственный человек! Мы таких туда (он поднял глаза вверх) не отпускаем. Ну да ладно, бог с ним, Здравотделом, ты вот что мне скажи: что это за торпеда такая сейчас в коридоре сидит, к тебе рвется?

- Какая торпеда?

- Маленькая. Но быстрая. И доставучая. За ней наш охранник до пятого этажа через три ступеньки бежал - не догнал. И нам тоже прогнать не получилось. Не пойду - говорит - И точка! Вы мне его покажите, а то в окно влезу! - Что делать - в порядке профилактики детского травматизма (все-таки пятый этаж) разрешил. Сидит, значит, ждет.

- Это Маша. Можно ей сюда?

- Ненадолго. Минут на пять. Договорились?

Денис улыбнулся:

- Договорились.

- Пошли, Танечка, не будем мешать, - док взял сестричку под локоток.

- Но, Иван Яковлевич, а если что?.. - запротестовала она.

- Пойдем, красавица, пойдем. Сейчас мы с тобой для него - не лучшее лекарство.

...Маша, в накинутом на плечи белом халате, показалась в дверях. Она держала руку "кулачком" у груди, придерживая халатик, и не могла сделать шага. А глаза ее стали большими-пребольшими - в пол-лица, и блестели радостными слезами.

- Ты жив...

Она, сдерживая себя, подошла, отодвинула стул и села на краешек кровати, взяла большую, слабую Денискину руку, свободную от капельницы, и уткнулась в нее лицом. И Денис почувствовал, как ладонь его сразу сделалась влажной и теплой.

- Ты жив...

И какое-то теплое, надежное счастье вошло с этими слезами в Дениса и разлилось по всему его большому телу. А она, словно вспомнив - пять минут! - заспешила: подняла голову и, не вытирая слез, с какой-то шальной, глупой от счастья улыбкой, быстро зашептала: "А знаешь, доктор сказал, что все хорошо и что тебе худеть не нужно - такая у тебя конституция. И правильно! А я тебе котлет с чесноком сделаю и пирожки, я уже мясо купила. И папа говорит, что все будет нормально. Он курить стал больше - за тебя волнуется. А наши с уроков сбежали, здесь тусуются, а Семен Маркович только рукой махнул и сказал, что сам к тебе зайдет. А через неделю тебя выпишут. И я тебя очень люблю... - она счастливой скороговоркой спешила отдать Денису то, что жило и мучилось в ней эти два дня. - Я просила доктора переночевать здесь, а он хмурится и вроде как не разрешает, но я вижу, что ему хочется разрешить. И "ашники" сказали, что переигрывать будем. Они тебе привет передают, говорят, что ты здорово играешь.

Денис вспомнил всё: футбольное поле, Лешку, заваливающегося на него, и... Он нахмурился, и рука его в Машиной ладошке потяжелела. Маша осеклась, понимая, и вдруг засуетилась, вскочила с кровати и достала из кармашка джинсов фотокассету.

- Это - тебе. От Лешки. Сам засвети.

Денис еще больше нахмурился

- Не нужны мне его подарки.

- Нет, ты не думай - просто ребята, когда тебя увезли, поговорили с ним, а девчонки потом договорили. А сегодня утром он нам эту кассету принес - велосипед свой за нее отдал этим... И еще (сам он боится) Лешка просил передать, что он сволочь и чтобы ты не злился. Сказал, что в другую школу уйдет.

- Зачем в другую, - лицо Дениса потеплело. - Ты скажи ему: не надо в другую, он хорошо в футбол играет. Пусть остается. Я - ничего, я не сержусь...

- Ну и правильно - пусть остается, - улыбнулась Маша.

Она снова села на краешек и прижалась к его ладони. Они молча жили этим прикосновением минуту... две... десять, а за дверями стояли Иван Яковлевич и сестричка Таня и никак не могли решиться войти.

Всяк сверчок...

1

- А ты мог бы во-он с той? - Павлик кивнул в сторону трех девчонок, которые в нервном ожидании хихикали у стенки?

Толик прищурился, всматриваясь:

- С которой?

- Да вон с той, слева, черной, горбоносенькой, страшненькой?

- Хм, это если с голодухи, а я сыт-с. Да и не пойдет она.

- Это еще почему?

- Из "осадка", комплексует. Ей бы чего попроще, этакое бо-ольшое, тупорылое, без слов.

- Ну и зачем ей такое?

- Да ты глянь: она же себя боится, не верит. Верно, полдня у зеркала крутилась - выискивала, за какой прыщик ее полюбить можно. Ищет - и не находит.

- Зачем же она тогда сюда приперлась?

- Э-э, дружок, тут хитрее. Вот представь: ты - это она.

- Ага, сейчас вот так взял и...

- Нет-нет, представь! Сколько ей? Где-то 15, ну 16. Все бурлит и чешется. А в классе ребята морды воротят. Не то чтобы приласкать, прижать - смотрят сквозь, будто и нет ее. Как сестре: "Нинка, дай ручку... Нинка, дай списать". А к другим-то с другим "дай" - она же видит - "Светочка, Леночка" - подсядут и ну убалтывать да слюни пускать. А ее как и нет. И куда ей? К папе с мамой? Да она их, поди, ненавидит: такую крокодилину сварганили. К подружкам? Она с ними и

рядом-то стоять боится. Что остается - к зеркалу: искать, за что бы такое зацепиться, чем бы утешиться. А его-то - пшик - и нет. Вот тогда - сюда: я не нашла, может, кто другой этот прыщик рассмотрит.

- И не все ли равно - кто. Так?

- Вот-вот. Посмотри - у нее же сердечко выскакивает: неужели опять никого? Ну не может она больше дома сидеть у телика и делать ничего не может - все из рук валится. Весь день тем и живет, чтобы здесь оказаться. Эти три часа для нее - вся жизнь, остальное - так, мираж. В школе, дома - пытка, потому что нервы на пределе, как перед боем. Что-то делать надо, а, вроде, все уже и переделано. А здесь - тот самый бой, к которому готовилась. И опять же на пределе: неужто домой снова с какой-нибудь Танькой идти?

- А эти двое рядом? - Павлик кивнул в сторону девчонок, которые жались рядом.

- Эти? Подруги по несчастью, "стая товарищей". Вроде, и хихикают вместе, а выпадет какой из них паренек - так они первые же и закусуют.

- Посмотреть бы.

- Посмотреть? Долго ждать будем. Где же найти такого? На нас они давно уже и не смотрят, уже и слюнки не текут, знают потому что: не для них. Мы - красивые призраки. А вот такое большое, четырехугольное, с четырьмя руками и хвостом в штанине - вот бы им в самый раз. Да и таких тут тоже немного.

- Ну и зачем он ей такой, многоугольный?

- А затем. Ей нужно хоть немного, хоть чуть-чуть, но чувствовать себя королевой. На таком квадратном фоне - это в самый раз.

- Занятная логика.

- Вот тебе и логика, хотя... Слушай! У меня мелькнула чудесная идея. Ах - просто пальчики оближешь! Ну-ка, пошли обсудим. - Толик щелкнул пальцами и причмокнул: - По-о-шли!

2

Ударник мелким "р-р-р-р" взвинтил ритм к потолку и "т-та" - оборвал, обрушив тишину к ногам еще содрогающейся дискотеки.

- И-и-и-и-и...

- О-о-о-о-о...

Все потонуло в первобытно-счастливым стоне, и растерзанные, потные, загнанные ребята расползлись по периметру схватить глоток "колы" и отдышаться.

Павел вынырнул из полумрака и направился к стайке девонок, на ходу поправляя прическу.

- Привет!

- Приве-ет, - протянули они тихим трио, неуверенно и восхищенно оглядывая его, еще не веря, что этому красавцу, одетому не по-богемному - в дежурные джинсы и "что-то выше" - а в легкий, просторный, хорошего покроя костюм, великолепные ботиночки "Р", наверное, за семьсот, заговорившему с ними не с паскудно-снисходительной ухмылкой "Ну че - пойдём", а распахнувшему свою улыбку, приветливую и ясную, - ему что-то от них нужно? Им казалось, что он ошибся, и сейчас эта ошибка откроется. А как же иначе?

Но он и не думал уходить.

- Привет. Я - Павел. Можно - Павлик. - Он обежал взглядом лица девонок. - Познакомимся?

- Жанна.

- Оля.

- Юля.

Они совсем растерялись и затихли.

- Очень приятно - (ударник начал нащупывать новый ритм) - милые девушки, можно похитить одну из вас?

Они замерли еще больше - КТО?

Павел повернулся к Оле, щелкнул каблуками этак по-гусарски, резко вскинул подбородок: "Сударыня..." - и предложил ей руку.

Оля обомлела, не зная, что ей делать дальше, как надо делать дальше, неуверенно подала свою руку и буркнула: "Пошли..."

Ударник радостно нащупал ритм, и дискотека застонала: "О-о-о!" , взвинченная брызгами светомузыки.

Оля с Павликом танцевали друг против друга. Она начала неуверенно, пустив красивым зигзагом вниз коленца и не глядя Павлу в глаза. Но постепенно музыка зажгла ее: ноги быстрым па вразлет, головка вскидывается, разметывая шелковые каштановые волосы, руки чертят в воздухе быстрые знаки ритма.

Павел ловил ее взгляд и восхищенно улыбался, улыбался ей в глаза. А она ловила эту улыбку и расцветала, хорошела: в глазах появился веселый чертик, "коленца" безумствовали, руки шаманили - вся она будто кричала: "Смотри! Что я могу! Какая я! "

- "р-р-р-дом..." - ударник оборвал такт, разрушая красивое, неправильное, вольное здание танца, вздел палочки ввысь, скрестил их над головой и замер.

Оля остановилась и сразу подурнела. Чертик выпрыгнул из глаз, и в них осталась лишь каменная напряженность. Плавность движений исчезла, плечики заострились и поникли, и вся она стала похожа на виноватого подростка, который нашалил, нашкодил - и сейчас ему отвечать.

Но Павел сделал жест рукой - ах! - будто только что пригубил шампанского, приобнял Олю за талию и прошептал в самое ушко: "Ну ты даешь! Классно танцуешь. Такого я еще не видел. Просто огонь."

Она зарделась, смотря чуть-чуть мимо Павла: "Да ну... ", но ей было приятно. Она восхищенно и благодарно посмотрела ему в глаза, но тот час же отвела взгляд, будто вспомнив что-то, и еще раз, но уже обреченно и недоверчиво протянула: "Да ну... "

- Нет-нет, в самом деле. Ты похожа на этот ритм. Ты вот такая - смотри. - Павел быстро вильнул коленями, красиво хлопнул в ладоши, озаряя все это улыбкой в 1000 ватт. - Нет, у меня так не получается.

А ударник лениво постучал палочками -раз-два-три -и тягучая, медленная музыка потекла с эстрады, топя в полумраке дискотеку.

Оля неуверенно стояла на месте, смотря туда, на свой "пост", где и теперь обиженно жались Жанна и Юлька. Неужели снова к ним? Неужели все это было так, случайно?

А Павел выждал первые ритмы танца, потом взял ее за плечи и повернул к себе:

- Знаешь, я, пожалуй, тебя не отпущу. Ты не против? - и сделал первое движение навстречу музыке, заглянув Оле в глаза.

Она даже не кивнула, а только ответила взглядом: "Да", и прижалась к нему, но не вся, а чуть-чуть, еще не веря вполне, едва касаясь грудью его белой рубашки. Потом отстранилась и снова коснулась, уже плотней, приятней. А он не спешил и разрешал ей волноваться, разрешал ждать нового прикосновения, незаметно помогая то отстраниться, то коснуться его.

Но танец не вечен - и она спешила, уже прижимаясь сама. А руки Павла замкнули ее фигурку, нежно лаская кончиками пальцев спину, пробегая чуть вниз, но только чуть. Она затаилась у него на груди, а Павел шептал ей: "Хорошо. Хорошо. Хорошо. Так хорошо никогда не было", и еще что-то наивное, простое, доброе. И чувствуя, что вот-вот упадет последний звук, прижал ее плотнее и сделал движение грудью, ощущая ее плотные маленькие "шарики", и легко, почти неслышно поцеловал в ушко. Озноб пробежал по ее телу - и музыка иссякла.

Они еще немного постояли так, потом Павел медленно отстранился, поджал Оле руку (она не могла поднять своей) и повел к девчонкам, шепча: "Спасибо, спасибо..."

Она молчала, не в силах ответить, не находя или не зная этих слов, но в глазах у нее рождался маленький голубой цветочек, нежный, как та музыка. "Неужели?"

- Девчонки, возвращаю вам ваше сокровище. Но ненадолго, - Павел кинул им улыбку, помахал рукой и ушел.

Юлька и Жанна превратились в живые вопросы "Ну?! Что?!"

... Павел и Оля шли по аллейке. Она больше молчала, а он рассыпал перед ней, как легкие лепестки, красивые сло-

ва, смеялся, шутил, спрашивал о ее собаке, о Жанне и Юлькой, о том, кто самый смешной преп в школе (и тут же пародировал своих), расспрашивал о маме, о том, что она больше всего любит, а что - нет. Она отвечала сначала робко, потом осмелела, и слова нашлись - они были в ней, просто глубоко-глубоко. И - вот они.

Так они дошли до Олиного дома.

Павлик взял ее руку, раскрыл ладошку, заглянул в нее, как будто что-то читая, и сказал:

- Тебя ждет что-то очень большое - я вижу. Только вот не пойму, какое оно: хорошее или плохое.

- Где?

- А вот - треугольничек, маленький. Это знак...

Он обнял ее, а она быстро-быстро, как будто боясь, что у нее отнимут, обхватила шею Павла и нашла его рот, а потом долго не могла оторваться. А Павел, усмехаясь в себя, разрешал ей этот долгий поцелуй, чуть щекоча ее спину пальцами.

3

- Начало в восемь, сейчас без пятнадцати, - Толик посмотрел на часы. - Пять минут - и сотня моя.

- Ставлю еще сто, - Павел достал новенькую "сотку" и качнул ею вопросительно: - Слабо?

- У-у-у... Заманчиво. Идет! - Толик достал 5 долларов. - Других нет, увы.

- Ладно. Проиграю - по курсу.

Они закурили, молча вглядываясь с балкона в глубь вестибюля, куда потихоньку мелким ручейком просачивалась молодежь.

Толик вскинул руку: "Минута..." , и тут же Павел протянул свою: "Давай", и кивнул в сторону "ручейка".

Жанна, Оля и Юлька, не глядя, подавали билетки, быстро и искательно обегая глазами зал.

- М-да, смотри-ка, успела-таки. Оказывается, любить не только приятно, но и прибыльно. Извольте получить, - он передал Павлу деньги. - Для вас, сударь, предприятие оказалось весьма выгодным.

- Да уж, да уж...- Павел спрятал деньги в потайной карман, огладил костюм и вскинул голову:

- Ну, а теперь за дело. Как я, а?

- Хорош, хорош, сам бы, да ориентация не позволяет.

- Не забудь - после второго.

- Не забуду. Ты, это, нашатырь с собой возьми, а то еще твоя от восторга... того.

Они рассмеялись.

- Ладно - пошел. - И Павел сбегал вниз по ступенькам.

Девчонки, делая вид, что перешептываются, обстреливали взглядами зал. Вот Жанна первой увидела Павла, губы ее коротко дернулись - и Юля с Олей против воли резко повернули головы навстречу Павлу. А он, улыбаясь, шел к ним, держа у груди три гвоздички.

- А вот и я. Боюсь показаться старомодным, но это - вам. Жанне - желтый, она непостоянна, переменчива, кружит головы - и бросает. Так? Я угадал?

Жанна смутилась этой неожиданной атаке и робко взяла цветок. А Павел продолжал:

- И вообще, в букете для дамы ну просто должен быть желтый: вы, милые наши, приятны, но ветерок подул - и нет вас.

Смеясь глазами, он повернулся к Юле:

- Юленька, а вам - белый. Вы - сама невинность. Да? - и заглянул ей в глаза.

Она легонько взяла гвоздичку и длинно посмотрела на него.

- А Оле - красный. Кто догадается, почему?

Девчонки прыснули, а Оля зарделась.

- Ну, я не знаю. Наверное... Наверное...

- Оля, о чем тут думать, ты же огонь, вчера мы все это видели. Тебя вообще должны заваливать красными розами, гвоздиками, тюльпанами все эти. - И он кивнул на зал.

Гитарист, как стрелы, выпустил три первые аккорда и застыл с приподнятой гитарой, словно прислушиваясь к их полету.

- О! Первый звонок. Второе действие. - Павел подмигнул девчонкам и, взяв Олю за руку, повел к краю скопища разминающихся тел.

Сегодня она была свежа и уверенна. Короткая юбчонка сменила вчерашние джинсы. Задорный пиджачок-лифчик, открывавший талию и голый пупок, сидел на ней легко и кокетливо, приглашая к чему-то большему. И пахло от нее новыми дорогими духами. И на ножках были черные туфельки. Она смотрела на Павла и ждала похвалы. И он понял это, отступил на шаг и медленно, как античную статую, осмотрел ее с головы до ног, специально задерживая взгляд на груди, на тонкой голой полоске, на ножках. А она стояла, чуть смутившись, но показывая, показывая себя. Ему, только ему. И все ее тело светилось и кричало страхом и вольностью, как в дерзком прыжке с трамплина.

Павел мотнул головой, словно стряхивая с себя наваждение, и сказал: "Ты сегодня такая... такая... ", как будто не

мог подобрать слов восхищения, притянул ее к себе и посмотрел в глаза. А она уже и не отводила своих глаз, влюбленно и благодарно отдавая ему свой взгляд.

И танцевала она сегодня как в горячке, как будто хотела вырваться из себя и улететь. Не было в движениях ее ни робости, ни удивления, ни боязни сделать что-то не то - напротив, она делала все так правильно, так яростно правильно, источая какую-то необыкновенную энергию, что танцующие рядом чуть расступились и бросали на нее уважительные взгляды, пощупывая глазами.

А Павел вдруг забыл, что надо одобрительно улыбаться, и смотрел на Олю затаив дыхание, чуть подергиваясь в танце. А она уже и не видела его, а жила внутри себя, выжигая, выплескивая всю ту, что копилась, копилась годами. Раньше было нельзя, а сейчас - сейчас можно! и когда музыка рухнула, она замерла, как схваченное фотографом живое движение, замерла уже не там - в танце, еще не здесь - в тишине.

Ребята вокруг, оборотясь к ней, коротко захлопали - О-о-о! - а Павел, слегка растерявшись, просто смотрел и не мог найти нужных и красивых слов одобрения. Она поняла это и, гордясь собой, чувствуя себя победительницей, первая протянула ему руку.

Второй - "медленный" - Оля танцевала вяло, как девочка, которая устала и которой хочется "на ручки". Она прижалась к Павлу и слегка обмякла, а он обнял ее за голую, упругую талию и слегка шалил рукой, забираясь то выше, то ниже. Она улыбалась и не сопротивлялась, для порядка шепча: "Ну что ты, ну что ты", и лишь сильнее прижималась к нему.

Рядом, заученно улыбаясь, танцевал с яркой девицей Толик, стараясь не удаляться от них. Он переметнулся с Павлом взглядом, удивленно вскинул брови и из-за талии девицы показал Павлу большой палец: "Ого! Молодец! Все в норме".

- Тау - та - а - а... " - длинные лучи светомузыки вытянулись, замерли - и пары медленно рассыпались, все отодвинулись друг от друга, отстранились, расторгли непрочный союз медленного танца и теперь жили особо, одиноко.

Толик отодвинул от себя девицу, кивнул ей, отворотился и у нее на виду подошел к Оле и Павлу, которые еще не успели отстраниться друг от друга.

- Привет, - он подал руку Павлу и измерил Олю взглядом: - А мне мама говорила, что принцессы живут только в Англии. Познакомь, если не страшно.

Оля посмотрела на Толика, потом на Павла, потом снова на Толика. Перед ней стояли два красавца, холеные, сильные, небрежно богатые, явившиеся из другого мира, где не надо стоять у стенки, голодать неделями, копя на туфельки и духи, где необходимые вещи как этот воздух - они бесплатны и послушны. Так, наверное, смотрели на юных богов, сошедших к ним с Олимпа, молодые гречанки, выбирая, чьей рабыней стать, чью прихоть сделать своей жизнью.

Но Оля уже успела привыкнуть к Павлу, как быстро, за миг добра и заботы привыкает бездомная собачонка к случайному прохожему, наклонившемуся к ней, протянувшему кусок хлеба и потрепавшему ее по голове. Она сделала полшажка к Павлу и тронула его за рукав, отвечая Толику: "Привет".

- Знакомьтесь, - сказал он. - Это - Толик. Это - Оля.

- Рад! Очень рад! Оленька, вы уж меня извините - ну не

мог пройти мимо, так, знаете, потянуло в вашу сторону. Смотрю - Павлик с вами. Ну, думаю, мы с ним приятели - не поколотит, авось, жив останусь.

Павел усмехнулся:

- Останешься, останешься. Ты, как кощей бессмертный - ничем не пронять.

- Ну, зачем так грубо? - они усмехнулись. - Кстати, Оля, где вы так научились танцевать? Ходите в танцкласс? Балетная студия?

Она пожала плечами:

- Не-е... я сама.

- Сама - так не бывает. Значит, от Бога. Да, а почему мы раньше не виделись?

- Да я...

Разноцветные лучи снова засновали по потолку, стегая, пятная лица. Толик взглянул на Павла:

- Ты позволишь? - и кивнул на Олю: - Я отстал, безнадежно отстал - нужен урок. - И обернулся к ней: - Неужели не уважите двоечника? Танец, ну всего-то один...

Оля вопросительно, не зная, как лучше и что ей вообще делать, посмотрела на Павла, а тот как-то странно, в поллица улыбнулся и кивнул:

- Поучи, поучи... отстающего.

Оля и Толик стали друг против друга, ловя первые ритмы, пытаясь понять, что хочет от их тел музыка. Потом - быстрее, правильной. И вот уже совсем они подчинились взлетам и падениям звуков, сливаясь с ними в единое целое.

Оля танцевала правильно, слишком правильно, но это был другой огонь - он не жег, как пожар, а озарял маленькое про-

странство вокруг нее ровным неоновым светом. А Толик разбрасывал коленца, диктуя себе: "Раз - два - три, раз - два - три" , и показывал руками, чего он хочет, что он может. Куда Павлу! Толик не подчинялся ритму, а создавал его, он играл маленький спектакль, в котором жили его желания, его воля, его фантазия. А музыка лишь подыгрывала, помогала ему. И это было здорово! И все поняли это: Оля и Толик оказались в центре небольшого круга, а прочие по инерции дергались, во все глаза смотря на этот поединок. Ах, что за танец!

И вдруг гитарист словно подставил подножку: "Ар - р - р... " - и все кончилось.

- Ах! - Толик вскинул руки, чуть обнял Олю за плечи и у всех на виду поцеловал в щеку, поцеловал вкусно, звонко: - Ах - здорово!

А она, чуть запыхавшись, сказала:

- Зачем вы меня обманули - вы так хорошо танцуете.

- Может быть, может быть, но только с тобой.

- Только... со мной?

- Да! Только!

Сбоку "подъехала" девица, та самая. Жиганула Олю взглядом и взяла Толика за руку: "То-олик. Я жду".

Он как-то незаметно высвободил руку и холодно улыбнулся ей:

- Лариса, сделай милость - подожди еще чуток. Не видишь - я учусь. Давай позже - ладно? - и отодвинул ее взглядом.

Лариса обиженно и привычно пожала плечами, фыркнула и ушла в засаду. А Толик продолжал:

- Оленька, я сейчас задам вам самый глупый вопрос на свете.

- Какой?

- Павлик - твой?

- Не знаю...

- Как это "не знаю"? Такие красавицы должны все знать о нас.

- Я не... - она посмотрела на Толика, сомневаясь в чем-то.

- А давай я тебя у него отобью? А? Ну, хотя бы на сегодня?

- Не знаю... - она зигзагом, быстро-быстро обежала ту сторону зала, где исчез Павел, как будто искала защиты. Но его нигде не было.

- Тогда я знаю, - Толик властно взял ее за руку и вовлек в новый танец, щекоча дыханием ее щеки и шею.

4

- Смотри - подружки уже здесь, а наш-то сверчок где? Неужто так быстро расплевались? - Толик оглядел вестибюль.

Юля и Жанна подали билеты и, не глядя по сторонам, пошли "к себе". На лицах у них не было ни предвкушения, ни оживления - как будто они прошли сквозь проходную на свое рабочее место, где их ждала однообразная, безрадостная работа, привычная и необходимая. Прошли - и стали, не перемолвившись ни словечком, молча глядя перед собой.

- Да, что-то случилось. Что-то неладное. Поссорились что ли?.. Слушай, Толик, надоел мне этот спектакль - давай кончать. - Павлик сдунул пушинку с лацкана пиджака и облокотился на перила балкона.

- Э, слышь, ты что? Никак влюбился? - Толик изобразил на лице нечто вроде улыбки изумления.

- Иди ты... - Павел продолжал смотреть в зал.

- Ну ты и дурень. Ты хоть рассмотрел ее? Ну да - танцует и все такое прочее ниже плеч, но остальное!.. Извини. На тебя уже и так девчонки косятся да у виска - фьють - пальцем крутят. Хочешь, чтобы улюлюкали в спину?

- Я же и говорю: надо кончать.

- Ладненько. Сегодня и докончим. Как договаривались.

- Давай как-нибудь иначе.

- Что-то изменилось?

- Не знаю, только не нравится мне это все.

- Брось! Смотри их сколько, - и Толик широким жестом распахнул перед Павлом танцплощадку. - На любой вкус. И все ждут. Надо успевать. Но ты прав: поиграли - и хватит.

- Это... Знаешь...Давай-ка ты сам... - Павел по-прежнему каменно смотрел вниз, на площадку, стараясь не задеть Толика взглядом.

- Трухлявый ты какой-то, Пашка. Будешь смотреть изда- лека, как злой дядька раздирает на части твою любимую игрушку и хныкать в себя от обиды.

- Знаешь что... - Павел крутнулся на месте и вонзил взгляд в глаза Толика.

Тот спокойно встретил его

- Ну что? Что? Ты видел, как мучаются мышки, когда их дер- гают током? Или бабочки, сверчочки, которым крылышки - дерг! Видел? И все для чего? Для науки? Черта с два. Это ведь так интересно - быть Богом, интересно, когда кто-то извивается, а ты смотришь и изучаешь: а, вот так, теперь вот эдак. И в кни- жечку. Трудно, Паша, быть Богом... Все - хорош, пошли, пошли к нашей красавице. О! А вот и она. Боже, что с ней?

Оля, сияя, смело и дерзко смотря по сторонам, вошла в зал.

Вместо пиджачка на ней была белая, полупрозрачная кофточка, сквозь которую даже издали чернели два шарика. А на голове!.. Она постриглась. Вместо каштанового ливня волос - короткая стрижка, открывавшая тонкую шею подростка. И белые брюки, и белые - видимо, мамыны - туфли на высоком каблучке.

Она стояла и ждала, ждала уверенно, требовательно. Вдруг мимо нее проплыла "та самая" блондинка и незло бросила: "Дура. Беги".

- Что? - Оля повернула было голову ей вслед, но сразу забыла - к ней навстречу шел Толик, блестя улыбкой и дружески распахнув руки.

- Привет! Вот так, да? Как на тропу войны? Берегите ваши скальпы.

- Привет. А где Павлик? - она пропустила мимо ушей его шутку.

- Павлик? А - Павлик... Да, вроде, я видел его с... Ну, это неважно. В общем, он где-то здесь.

Улыбка медленно сползла с ее лица:

- С... С кем? Он правда здесь?

- Он здесь - где-то. А я здесь - рядом. И это бо-ольшая разница..

Музыка вдруг резко, как из-за угла, ворвалась в зал. Все вздрогнули - и началось!

- Пошли - пошли, найдется твой Павлик, - Толик резко взял Олю за руку и потянул за собой, чувствуя, какой тяжелой, неподатливой стала она.

Оля танцевала, а Толик наступал на нее, то больно наталкиваясь на ее грудь, то отстраняясь, поддергивая ее за руку и с насмешкой глядя в глаза. Она танцевала, но на мес-

те, не раздергивая себя в танце, а заученно, как механическая кукла, повторяя одно и то же движение: "Раз - два - три, раз - два - три. " Она что-то чувствовала, что-то нехорошее, незаслуженно обидное в его движениях, словах, взгляде - во всем, что происходило - что-то враждебное, но не понимала - что, за что.

Вдруг музыка всплеснулась и, задрожав, вытянулась.

Толик не отходил, в упор глядя на Олю, и молчал, нехорошо молчал. Она же стояла неподвижно, сжавшись, как чужая, точно с нее сняли одежду и рассматривают, рассматривают. Но гитарист защитил ее, завесив каким-то особенно длинным, ватным аккордом. Толик раздвинул руками звуки, положил свои ладони Оле на бедра и придвинул к себе так, чтобы она все почувствовала, а потом глубоко заглянул ей в глаза. Она еще больше сжалась, не пытаясь высвободиться и послушно переступая на месте. Толик прошептал:

- У меня все готово - пошли.

Оля мелко-мелко закачала головой, и по ее плечам пробежал холодный озноб. Толик провел рукой по ее волосам и зловеще прошептал:

- Что это было: парик? Тиф? Вши?

- Вши?.. - она дернулась и почти остановилась.

А он провел пальцем по ее носу и сказал:

- Ты, должно быть, слишком много играла в детстве в индейцев. Они такие, знаешь, носатые, - и снова провел пальцем, чуть нажимая на острую горбинку.

... Раз - два - три, - она уже не переступала, а чуть покачивалась в его руках.

... Раз - два - три...

Рядом, красиво играя миниатюрной длинноволосой блондиночкой, что-то мурлыча ей на ушко, проплыл Павел. Блондиночка жмурилась от удовольствия, уткнув мордочку в его плечо.

... Раз - два - три...

- А что это у нас там? - Толик отодвинул пальцем край кофточки. - О! Ну это ничего - они вырастут, поверь. Когда-нибудь. Это не страшно. Они непременно станут больше твоего носа.

... Раз - два - три...

- Видишь вон того амбала? - Толик резко развернул Олю. - Вон того, с жирными волосатыми ручищами? Хочешь, познакомлю? Он такой - ух! Это - твой. Он тебя не обидит, будет тупо молчать и мычать, мычать и молчать. Как ты.

... Раз - два... Она ослабла. На щеках пятнами выступил румянец.

... Раз - два... Слова тяжелыми, медленными волнами впивались, впитывались в нее.

... Раз...

Гитарист забрал музыку, и Оля осталась одна. Толик отстранился, повернулся и ушел.

Она стояла в толпе, среди жующих, смеющихся чему-то своему, пахнущих пивом. Маленькая, горбоносая, в странной прозрачной блузке и с нелепой стрижкой. Стояла и не могла, не хотела шевельнуться. А в глазах была тоска.

Лютая, собачья тоска.

А издалека, со своего "поста", так же неподвижно смотрели на нее Юлька и Жанна.

Дневник тихой дурочки

1

Меня пересадили на заднюю парту. Не понимаю, за что. А после уроков Любовь Васильевна оставила меня в классе и затворила за нами дверь. Она усадила меня перед собой и долго молчала, делая вид, будто что-то ищет в журнале. Потом она как-то громко захлопнула его, решительно посмотрела мне в глаза и выдохнула:

- Знаешь... - и снова начала отгибать уголок журнала. Я смотрела ей в лицо, искала глаза:

- Что, Любовь Васильевна?

Она отодвинула журнал:

- Таня... Ты сегодня ничего не поняла?

- Нет, - мне стало и страшно, и стыдно, будто за мной подсматривали в уборной.

- Таня... Тебе нужно что-то от Александра Петровича?

- Что нужно? Нет, ничего.

- А зачем ты смотришь ему в глаза во время урока?

- Так нельзя? Я думала, так надо.

- Он... - Любовь Васильевна замаялась, - как бы это тебе сказать... ему немножко неуютно. Ну, не по себе, когда...

- Когда я смотрю ему в глаза?

- Да.

- Я не буду. - Любовь Васильевна кинула мне в лицо какой-то странный взгляд:

- Не будешь?

- Не буду. Я думала, чтобы понять урок, надо смотреть в глаза.

- Урок? - Любовь Васильевна усмехнулась и стала оглядывать меня: грудь, лицо, волосы. Потом долго разглядывала мои пальцы и - зачем-то - свои. И молчала. Нехорошо молчала.

- Мне можно идти? - мне хотелось поскорей уйти, очень хотелось.

- Таня...- она накрыла своей ладонью мою руку, - ты посиди там...ну с месяц. И, если можешь, пожалуйста, не смотри на Александра Петровича. Нет - что я - ты, конечно, смотри, но не так... не всегда.

- Он на Вас через месяц женится? - спросила я.

Любовь Васильевна отдернула руку, как-то вся - от улыбки до ног - перекосилась, а лицо ее пошло красными пятнами.

- Ты... С чего ты?.. Ты откуда?.. Ты кому-нибудь?...

Я спросила:

- Что - кому?

Она медленно отряхнула с себя смущение, шумно вздохнула, встала, достала флакончик с духами и стала водить подушечками пальцев по горлу. А потом тихо засмеялась и сказала:

- Ладно. Тебе-то уж никто не поверит. Иди.

2

В глаза смотреть нельзя. А я смотрю. По-другому никак. Когда не смотрю - не понимаю. Не того, что говорят, а зачем говорят. Вот Александр Петрович. Он говорит много: и о цифрах, и о законах, и об орбитах, и о планетах, но когда говорит - молчит (я это вижу): в глазах пусто и неинтересно. Ему это не надо. Зачем тогда говорить? Если ему

не надо, значит, нам тоже. А глаза у него хорошие - легкие. В них хорошо смотреть - я там отдыхаю, и мне все понятно, даже то, что ему неинтересно. И он на меня хорошо смотрит, только странно: когда смотрит на других, то говорит быстро и размахивает руками, а на меня - потише, как-то плавно... И руки успокаиваются. И я понимаю, что он уже не о планетах говорит, а о чем-то другом. И ему теплее становится, и не нужны ему эти планеты, а что-то другое нужно, чего не хватает. И себя он обманывает, когда смеется с классом и на доске чертит. А когда на меня смотрит - не обманывает. А вчера он странно пошутил: "Земле, - говорит, - давно пора уже на орбиту Меркурия". Зачем? Ведь там жарко - мы все сгорим.

Теперь на него смотреть нельзя, даже с задней парты - я обижу Любовь Васильевну.

3

Сегодня Любовь Васильевна вызвала меня к доске. Никогда не вызывала, а сегодня вот - на тебе. И ребята зашумели и заерзали, словно обрадовались чему-то. А Виталик Дронов развалился за столом и почти пропел: "О, где же, где же мой монокль? Театр уж полон!.." А Леша Цынин посмотрел на меня так, будто я уже умерла и это для него ужасно, и для чего-то повел рукой у моего локтя, будто хотел к доске проводить. Он добрый. Свою контрольную под копирку сделает - и мне передает. Или шепчет: "Девч-О-нка, после Ч - О". Только зря он - я и сама.

Любовь Васильевна на меня не посмотрела, а только сказала: "Так, Неволева, расскажи нам о братьях Кирсановых".

Я и рассказала. И о Николае Петровиче, и о Павле Петровиче. О том, что они добрые и их жалко. И что с ними приятно, даже там, в книге. И я бы хотела сидеть с ними на террасе, пить чай и никуда не спешить.

Любовь Васильевна сначала молча слушала, а потом вдруг рассердилась:

- Таня! Они же пустые, они же ни-че-го не делают. Они же и не мужчины вовсе, а тряпки какие-то. Самовлюбленные, вялые... А вот Базаров, - она взглянула мне в глаза. - За кого бы ты хотела выйти замуж: за бойца, который защитит тебя, или за одного из ... этих?

Я сказала, что не хочу за бойца, что он быстро погибнет, и я останусь одна, что бойцы грубые и от них плохо пахнет, и что они любят только себя.

Все страшно расшумелись. Леша Мослов крикнул на меня: "Сама ты плохо...", но почему-то не договорил. Лена Маликова вскочила и закричала: "Эта Фенечка будет жить на деньги Николая Петровича, а бегать по ночам к тому же Базарову, как..." Тут она вдруг осеклась, уставилась на Любовь Васильевну и стала тонуть в общем шуме, сползая чуть ли не под парту. Они в этом гвалте с полминуты смотрели друг на друга, причем чем больше краснела Любовь Васильевна, тем бледнее становилась Леночка.

Шумели долго, но к концу урока устали, и в классе стало тихо, как на поле боя после битвы (какое красивое сравнение я придумала).

- Что ж, Таня, - наконец сказала Любовь Васильевна. - Спасибо за проблемную ситуацию. Садись.

Леша Цынин спросил:

- Какая Тане оценка?

- Оценка? А оценку ей поставит жизнь, - Любовь Васильевна произнесла это как-то с высоты, значительно, чуть подняв свой красивый подбородочек. Она, кажется, сама себе сейчас нравилась.

4

Моя кровать стоит у окна. Занавесок нет - я их сняла и убрала в шкаф. Они мешают. Мне кажется, что они сами переползут ночью по струне и закроют от меня небо и деревья.

Зимой, когда деревья голые и туч нет, я стараюсь подольше не спать и смотреть в окно. А там звезды. И ничего больше. Небо и звезды. И так хорошо, будто я была там. Я лежу и вспоминаю, как это было, когда я там была. И не вспомню - а так легко делается. Как у бабушки в деревне, на лугу. Хочется вдохнуть весь, весь этот воздух с запахом ромашек и леса, вдохнуть - и не выпускать из себя. И так навсегда - в одном вдохе.

А сегодня мне ночью сон приснился. Странный. Вокруг черным-черно, а на краешке сна, где-то справа, - наш Александр Петрович. И это уже не краешек сна, а какая-то черная, угловатая планетка. А он сидит на куске базальта, положил локти на колени и ладонями обнял подбородок. И смотрит куда-то. А вокруг него рассыпаны звезды. И вдруг из этого "куда-то" я появляюсь. Вся в белом. Нет, в бело-голубом. Так легко... А он видит меня и начинает подниматься, и руки назад отвел, будто прыгнуть хочет. А я кричу ему: "Не смотрите на меня - Вам нельзя!" А он отталкивается от планетки и ко мне плывет. И мне хочется, чтобы он рядом плыл.

Тут что-то бабахнуло. Гроза. Надо же - начало ноября - и гроза. Жалко. Досмотреть бы. Так хочется. Нет, теперь уж не доснится.

5

Недавно у нас была суета: папа снял со счета в банке 20 тысяч рублей. Сначала он был ужасно счастлив и горд. Он открыл дверь и на вопрос мамы: "Ну?!" - посмотрел на нее как-то очень свысока и сам стал как будто выше себя ростом. Потом, ни слова не говоря, медленно разделся, прошел на кухню, еще раз обвел нас всех взглядом и широко распахнул пиджак. А потом вынул оттуда, из внутреннего кармана, растегнув пуговичку на нем, две тугие, похожие на деревянные чурочки пачки денег. "Двадцать лимонов..." - сказал он и довольно усмехнулся. Мама охнула и радостно растерялась, а он кинул их на стол и гордо бросил: "Так-то".

Потом все забегали: мама закружилась возле плиты, гремя чайником, я зачем-то начала доставать посуду из серванта, но не знала, куда ее поставить, и кружилась на одном месте. Папа тоже занервничал: стал шумно рыться в холодильнике. И вдруг мы разом остановились: мама с полотенцем, я - с чашками, папа - с батоном колбасы и не допитой еще с моего дня рождения бутылкой водки... Так мы и стояли вокруг стола, на котором лежали деньги, и боялись поставить что-то рядом - все прочее было недостойно, а они одиноко и гордо лежали на потертой клеенке.

А к вечеру папа совсем издергался и - одна за другой - курил свою противную "Приму", звонил кому-то, спрашивал, то приятным и вежливым голосом, то важным и снисходи-

тельным. И снова мучился: "Да, лучше в баксы... - а потом: - Нет, лучше в банк". И еще потом, словно отвечая самому себе, показывал в окно широким жестом кукиш и шумел: "Ага - понес я - ждите-с, " и называл кого-то "козлом" и еще обиднее. Хватал калькулятор, убежал на кухню и снова хватался за телефон.

К вечеру он вконец измучился и затих в кресле.

Я подошла к нему, села рядом, посмотрела в глаза и спросила: "Мы ведь богатые. Давай купим собаку. Большую. Лохматую. Она будет с нами жить, будет любить нас. И мы будем ее любить ". Я положила ему на ладонь свою голову (я люблю засыпать так: моя щека у него на ладони) - совсем как собака. "Она будет встречать нас и ждать. И у нее будут щенки - такие маленькие, как комочки..." Я улыбнулась и замолчала.

Он сказал: "Собаку... Да-да, конечно, собаку... Собаку..." Потом встал, поцеловал меня в щеку, взял за подбородок, посмотрел в глаза и еще раз сказал: "Собаку... " Оделся и ушел.

А пришел поздно вечером, тихий, нет, бесшумный. Надел тапочки, прошел мимо меня к себе в кабинет и что-то долго рассматривал в лупу (странно, у нас никогда не было лупы) и пожимал плечами: "Черт его... А может?.. "

Он купил доллары. Теперь у нас дома завелось новое слово. Оно казалось страшным, большим, важным. Все остальные слова как-то побледнели и смутились. А это слово было главным - я это чувствовала. Его произносили с маленькой паузой и не часто. Но оно всегда было здесь и смотрело на нас откуда-то отовсюду. И даже потолок стал как будто ниже. И мама стала смеяться реже. А папа приходит с работы, сразу проходит в кабинет, от-

крывает томик Оскара Уайльда и минуты две смотрит на одну страницу. Там у него доллары. Мы с мамой знаем, где они, но ни разу книгу в руки не брали, даже когда папы нет дома - нам почему-то страшно.

А собака... Какая собака? Мама говорит, что я уже большая, но при этом гладит мои волосы и смотрит на меня так, будто сама хочет доказать себе это. Большая... Мне 16, я в "десятом". Нет, что-то не сходится. В десятом девочки уже не хотят собаку. Хотят чего-то другого. Они нарядные, чистенькие.

И в школу они ходят не учиться. Они застывают за партами так, как в маминых журналах красивые девушки. Да-да, так похоже! А на переменах мне кажется, что эти девушки из журналов снимаются в кино и боятся, что что-то не так сделают и их прогонят.

Недавно Соня Петрова читала наизусть монолог Катерины "Почему люди не летают?" И чем дальше она читала, тем больше я убеждалась: да, люди НЕ летают, так и должно быть - Соня убедила меня в этом: не надо летать людям, пусть они открывают книги и неподвижно смотрят в них. И собак тоже не надо.

А потом читали Вика, Маша. Они тоже не летали. А Виталик сделал вид, что переполнен печалью и страданием. Он горестно простирал руку вперед и, в такт чтению девочек, трагически ронял голову на грудь. Все хихикали - у него хорошо получается - и даже те, кто рассказывал. А Любовь Васильевна все видела, хотя опустила голову (она всегда все видит), и тоже чуть посмеивалась. Послушать бы ее...

А меня она к доске не вызвала. Почему?

У нас дома два зеркала: в прихожей, большое, и маленькое, в пластмассовой рамочке - у мамы в спальне. Я не люблю их. А скорее - боюсь. Поэтому стараюсь скорее снять куртку, ботинки и уйти. Зачем отражение: я и так все вокруг вижу, своими глазами. Зеркала придумали, чтобы смотреть на себя, чтобы любить себя, особенно когда других не любишь. Наверное, так. Но ты один, а когда смотришь в зеркало, получается, что уже и не один, а двое. А так быть не может, это страшно.

Когда наша Руся была еще котенком, я, шутя, поставила ее перед зеркалом. Она не поняла. Она приняла себя за чужого. Била его лапами, удивленно обнюхивала и трогала. А потом забилась в угол и тихо мяукала - не понимала. И с тех пор она встречает нас, не доходя до зеркала, и не смотрит в него никогда. Наверное, охраняет себя от непонятного, чужого, лишнего.

Когда мама становится у зеркала, она тоже делается чужой. Глаза - не мамины: вместо вечной озабоченности - надменность и какая-то гнутая, двусмысленная улыбка. Так женщины не смотрят на женщин. Она будто примеряет лицо. Почмокает губами, выдует их в трубочку, зачем-то раздвинет рот "ниточкой". А папа... Мой добрый папа. Он суровит брови, воинственно играет желваками. А когда натягивает перчатки - мужественно сжимает руку в красивый кожаный кулак. И поднимает воротник уголочком, отчего его плечи становятся покатыми, сильными. А ведь он совсем не сильный - он добрый и тихий.

В школе девочки делают то же самое, но на каждой перемене. А потом их отражения сидят за партами, а через урок они их

бережно поправляют. Нет - подправляют. Однажды Слава Юшин хмыкнул около Вики, которая уже доделала свое отражение и собралась отойти от зеркала. Что было! Лицо ее вдруг скосилось, около правого глаза сбились злые морщинки, верхняя губа чуть дернулась, красивая улыбка треснула, а глаза из голубых на миг сделались стальными, даже чуть ли не белыми. Потом будто судорога прошла по ней - и все стало на свои места. Видимо, зеркало - это мечта. И когда ее обижают...

Сегодня я решила увидеть себя. Когда никого дома не было, я включила в прихожей свет и стала себя смотреть. Это я? Здравствуй. И нас стало двое. Та, в зеркале, была ничего, наверное, красивая. А может - нет. Наш историк Валерий Ксенофонович сказал, что красота - это целесообразность. У меня высокая грудь, не очень большая. На нее смотрят мальчики, и не только наши, но и из одиннадцатого класса. Видимо, она целесообразна, раз смотрят. Ноги... Ноги?.. Господи, что я делаю?! Я сняла платье и даже... и заглянула в себя так глубоко, как ни разу в жизни. И мне не было стыдно - мне было интересно. Ноги стройные и длинные. Это тоже целесообразно. На них тоже смотрят.

Недавно я дежурила - мыла пол в классе, а Виталик почему-то не ушел домой, а нет-нет да и забегал в класс: то к доске - мел потрогает, то у парты суетится. А после вдруг прошел мимо меня и провел рукой по моему заду, провел медленно, нажимая рукой. А когда я вздернулась и повернулась к нему, он остановился и прямо, каменно посмотрел мне в глаза, чуть наклоняясь вперед, будто на что-то решаясь. Но не решился и ушел. А мне было странно и приятно. Значит, это у меня тоже хорошее, целесообразное.

Я все рассмотрела у себя, все. И много трогала, гладила, мяла. Неприятно не было. Но потом я посмотрела себе в глаза (до этого не решалась). И мне стало страшно. Это не я. Я не знаю ее. Я не такая, как она.

Нет, на себя смотреть нельзя. Надо смотреть только изнутри. Тогда себе веришь. А в зеркале - себя делаешь, сравниваешь. С кем? С чем? Наверное, с теми, кто лучше всех. А я не хочу быть лучшей - я хочу быть собой. Я верю себе изнутри и вижу себя изнутри, тогда мне спокойно. Зеркало - мечта... Значит, у меня нет мечты... Но это не так. А может, и нет.

Когда я умру, пусть на моей могиле не будет фотографии - это не я.

7

Промелькнула зима. Весна, грязная весна - с подтеками и сыростью. И я заболела. Это грипп. Все как-то сразу, быстро. Утром еще все было хорошо, а сейчас, вечером, вся горю и сердце стучит и подпрыгивает.

Была врач. Послушала, потрогала, пожалала плечами - грипп, дескать, че уж там - все болят. Выписала рецепты, посоветовала что-то и ушла. К другому. Так же пожимать плечами и выписывать. Не люблю врачей. Они в глаза не смотрят, а как-то целиком тебя видят, или - еще хуже - по частям: пульс, давление, температура. Будто в папиной машине: бензин, масло и еще что-то. Починил - получил - забыл.

Я горю. Я люблю гореть. Это бывает так редко. Когда за 39 - приближается бред, но перед этим становится все очень-очень ясно. Мысли бегут страшно быстро, сплетаются в узо-

ры. То, что было непонятно - вдруг, как ясная картинка, передо мной: четкая, с подробностями и подписью внизу.

Вот Любовь Васильевна у окна с Александром Петровичем. Она смотрит ему в глаза, а из глаз - голубой поток. Она неподвижна, ей не оторваться, она меняет улыбки: ах, неужели? вот как? прелестно! ну что Вы, ну что Вы... И рука ее колдует у его рукава, но тронуть боится. И подпись: она его любит. Она его боится.

Вот Александр Петрович говорит рукой. То подержит слово на ладони, потрясет им в воздухе, то резко бросит его на пол, так что оно зазвенит и разобьется. Или медленно тянет его от груди к поднебесью и отпускает - лети! Но он играет словами чуть наискосок от Любови Васильевны, и они ее не задевают - рассыпаются и летят мимо. Он говорит не с ней - с собой. И подпись: он ее не любит.

... Я над классом. Так здорово. Я вижу наши макушки и парты с раскрытыми книгами. И все ребята подо мной разноцветные. Парта Виталика и он сам - горячие, красные. Аля - пестренькая, как маленький лужок, неброская. Петя и Вовка - они даже не цветные, а колючие, но колючки зелененькие. Драчуны и задиры. Но когда Валерий Ксенофонович рассказывал о древнем этруске Муции, который говорил с врагами, положив руку в костер, я видела, как блестели от глубоких слез их глаза и как тяжело они их глотали. Они колючие, но нежные.

Вика - мохнатенькая и коричневая. Света - белая, с голубой искоркой. Она аристократка, ее все боятся. Даже Семен Маркович - наш директор. Боятся - и сами не знают почему. А скорее - боятся узнать почему. Это, наверное, что-

бы с собой не сравнивать. Света слова лишнего не скажет и не обидит никогда. Или всегда?.. Уже тем, что такая. Снежная Королева... Но только не меня. Мы с ней из "параллельных миров" - не пересекаемся. Она это знает и смотрит сквозь меня, но всегда улыбается.

Леша Цынин - синий, однотонный, без примесей. Яна - золотая, как хрустящая обертка от карамельки "Золотой улей". Я... Я не вижу себя. Я здесь, в классе, за партой. Но я прозрачная, как будто меня вовсе нет. Вот мои учебники, тетрадь с круглым, катящимся почерком. Но меня нет. Значит, вот я какая...

Любовь Васильевна. Она черная с желтыми прожилками. Странно, ведь она такая красивая. Почему же черная? Может, потому что я не люблю ее? Нет. Почему "не люблю"? Она мне, как все вокруг: просто есть.

Надо успеть записать: мама дала парацетамол - температура спадает, я возвращаюсь. Все - уже ничего не вижу. Все на месте: стены, двери, Руся на моих ногах.

8

Время затаилось. Когда болеешь, когда в постели, все движения вокруг замедляются. Медленно ползет за шторами (а мне их опять повесили) размытое пятно солнца, медленно течет шум машин, кошка медленно заглядывает ко мне в комнату, долго смотрит своими желтыми глазами, не спеша проходит по мягкому ковру. Почему-то, когда человек болеет долго, надо обязательно задергивать шторы и оставлять его один на один с полумраком, как в полумогиле. И нужно ходить по дому на цыпочках и говорить шепотом. Это обижает и тревожит

- будто ты уже немного умер. А надо не так. Надо залить светом, включить телевизор с веселой передачей, рассказать что-нибудь смешное - дать понять, что все это случайно и скоро пройдет, а не хоронить заживо и не делать скорбные глазки: "Ах ты бедненькая". Тогда и болеть не страшно. А я лежу уже два дня. И два дня меня хоронят.

... Странно. Вчера приходила Любовь Васильевна. Вот уж никогда бы не подумала. Что-то не так. Принесла апельсины, шоколадку и яблоки (надо в аптеках продавать такие наборы "Визит к больному". Я уверена - отбоя от покупателей не будет: не надо ничего придумывать - заплатил деньги, и иди).

Любовь Васильевна мило и заботливо поговорила с мамой, обещала, что все мне будут "помогать не отстать от программы". Сначала она выглянула из-за дверей - можно? Потом мягко прошла в мой склеп и надела улыбку "мы о Вас помним, больной" (их тоже надо продавать в аптеках). Рассказала о том, что проходят, что нового в школе, о веселом случае с пятиклашкой, проглотившем на спор пятирублевик. Осведомилась (слово-то какое железное) о том, что и где болит. Посоветовала то, что прописала врач. Но приходила она не для этого. Ей нужно было что-то узнать. Что? Она быстро обежала взглядом комнату, остановилась на моей любимой иллюстрации "Спираль Галактики", побежала взглядом по стенам, столу - она делала у меня обыск. Что она искала? Потом попросила мой детский фотоальбом и, говоря вскользь какие-то опытные, светские фразы, искала и там. И среди моих кукол искала, и среди книг. Но, кажется, не нашла.

Она попрощалась, пожелала выздоровления, но не сделала чего-то важного, правильного - я так и не поняла - чего.

И в глазах у нее осталось недовольство, напряжение - что-то не состоялось. То, чего она хотела. Да - она искала и не нашла. А после ухода Любовь Васильевна в комнату прокралась Руся. Вошла, оглядела все вокруг, покивала мордочкой, нюхая воздух, прыгнула ко мне на грудь и начала по мне ходить, смахивая что-то невидимое своим воздушным хвостом. Потом легла у самого лица и лежала с открытыми глазами.

... Я не умею грустить. И радоваться не умею. Вот так, как взрыв, как водопад. Я парю, теку, как медленная река. И медленно понимаю смешное. Недавно Маша Резуева пролила на ИЗО красную тушь прямо себе на новенькую юбку. Она заметалась, схватила тряпку, закружилась на месте, как собачонка за своим хвостом, как обожженная. Застыла на миг с тряпкой в руке и с плачем нестерпимой обиды упала на парту. А пятно так и осталось на юбке. Девочки засуетились вокруг нее, стали успокаивать, а Виталик так грустно, так трагически пропел: "Наша Маша громко плачет, - и полупшепотом добавил: - Залетела, не иначе". Все замерли. А потом тихо давились смехом: и девочки, которые только что утешали Машу, и мальчишки - эти прыснули громче. Даже Алена Дмитриевна. Она подошла к Виталику и дала ему веселого подзатыльника, но в глазах были смешинки - "Ах ты, озорник". И ударила она его из чувства долга, по рабочей необходимости.

Только Света встала, посмотрела сквозь Виталика и Алёну Дмитриевну и молча вышла из класса.

Я не понимаю смешного. Смешное всегда кому-то обидно.

... Пришел Александр Петрович. Да, что-то случилось: почему они оба - ко мне? Когда я услышала его теплый, насмешливый голос, я подумала, что сейчас умру. Только не-

понятно от чего: от счастья или от смущения. Или от того и другого. О чем-то они несколько минут смеялись с мамой, причем мама так смущенно и приятно смеялась - я такого смеха у нее вовсе не слыхала.

Он распахнул дверь, остановился, понюхал воздух и зловеще прошептал: "Пахнет склепа паутиной, пахнет душной теплотой".

Я сжалась и ничего не поняла, но мне стало интересно.

А он полузакрыв глаза, вытянул руки вперед и начал, как слепой, медленно водить ими по комнате. "Откройте мне веки, верные слуги мои". Это из "Вия" - я помню. Я еще больше вжалась в подушку, и мне стало еще больше интересно. А он басом протянул: "Вот она!", открыл глаза, округлил их и тяжело пошел на меня, хищно шевеля пальцами. Я не знала, что делать, и вдруг вспомнила: "Ку-ка-реку!" Он вздрогнул, руки его затряслись, задрожали, лицо исказила гримаса страдания, и мы... расхохотались.

"Привет, красавица! - (Меня ни-кто ни-ко-гда так не называл). - Ты знаешь, а я тебя почти не вижу". Он подошел к занавескам и отшвырнул их в стороны и чуть приоткрыл форточку, приговаривая:

Нам не страшна могилы тьма.

Нас не смутит ее дыханье -

Бокалы дружно пеним мы...

Тут он на самый-самый миг осекся и продолжил:

- А я к тебе волшебником. Вот - смотри, - в руке у него вдруг возникли две черные, длинные, тонкие палочки. - Это свечи, но не обычные. Они из Индии, из Тибета, а может, с Марса. Сейчас я их зажгу - и ты все поймешь.

Он поставил свечи в маленький черный подсвечник, который так же ниоткуда появился в его руке, чиркнул зажигалкой - и по комнате тихо поплыл запах мира и покоя, запах чуда и улыбки. Он проникал в душу, и я невольно улыбнулась ему навстречу, забыв и о болезни, и даже о самом Александре Петровиче.

- Что это?

Он улыбнулся:

- Этого нет на свете. Это есть только у тебя. Это чудо. И я его посланник. Пока эти свечи горят, я буду здесь, но как только мелькнет последний лучик, язычок огня - я исчезну... А теперь рассказывай, а я буду слушать и смотреть.

...Откуда он узнал, что у меня столько скопилось в душе, что молчать уже трудно? И я, повинувшись этому волшебному приказу, стала рассказывать - обо всем. Сначала робко: о кошке, потом - обо всем остальном. Только о Любови Васильевне не говорила. Я рассказывала, рассказывала, а он не смотрел на меня, а бродил взглядом по комнате, но я знала - он слушает. Когда ты говоришь, а тот, кому говоришь, кивает в такт твоим словам - он тебя не слушает, он ждет, когда ты закончишь, чтобы уйти. Ему это не нужно. А Александр Петрович слушал - я это поняла. Но одно было плохо: он не смотрел мне в глаза. А свечи уже догорали, и чудесный дым их сочился не так уверенно. И я спешила говорить как в бреду. Вот хвостик дымка задрожал - и последняя свеча погасла. Я замолчала. Александр Петрович поднес палец к губам - "Тс-с" - и посмотрел мне в глаза, а потом нагнулся и еле-еле слышно поцеловал меня в щеку. Встал, задернул шторы - растворился в полумраке и ушел, задержавшись ненадолго у картины "Спираль Галактики".

Какая чудная игра! Где я слышала эту фразу? Какая чудная игра. И вдруг мне захотелось жить: съесть сразу три бутерброда с копченой колбасой, взять Русю за лапы и заставить ее танцевать, бежать в школу, слышать, как щебечут девчонки и лавиной несутся сквозь все на свете первоклашки. Ах, как мне захотелось жить! Он волшебник. Он был Вием - болезнью - и заставил меня прогнать ее. Он понял, что болезнь моя - это много-много слов, скопившихся во мне, как нарыв. И теперь нет этого нарыва. И еще... Ах, вот что не доделала Любовь Васильевна - она меня не поцеловала. Она не могла. Это и есть то самое... правильное.

9

Сегодня мне разрешили выйти на улицу. Наконец-то. А на дворе весна. Все разжижено, расхлябано, расшаркано - короче говоря, РАС и РАЗ. Не погода, а нюни. И сплошной серый цвет с грязно-белыми пятнами. Не люблю раннюю весну.

Пошла к школе. Куда же еще? Только к школе. Ноги сами несут. Вот и она. Господи, как неловко, будто я чужая. Ведь всего десять дней прошло, а теперь смотрю со стороны - там уроки, там стихи читают, на досках пишут, а я здесь. Как преступница, как изгнанница. И ни в чем не виновата, а стыдно: я здесь, а они - там. Там - это на месте, где положено быть, даже если не очень хочется. Однажды Виталик болел с полмесяца свинкой, а когда его выписали, он пришел в класс за час до уроков и целый день никого не задирает, ни над кем не смеялся, а смотрел заискивающе и тревожно, а весь класс - тогда еще 6-Б - глядел на него свысока - "А, привет, привет". Как будто все знали что-то такое, что не

знал Виталик, и ему было за это стыдно. Так и мне сейчас. А завтра я буду "новенькой", на целый день. Это муравейник - и ты в нем муравьишка. Таскаешь целый день бревна-тростинки, туда-сюда, туда-сюда. Вымотался, устал, проклял все. А как отложили тебя в сторону - отдохни - тянет обратно. Из подушек, из спокойствия, уюта - туда, где таскают бревна. Участвовать, только бы участвовать! В чем угодно.

Прозвенел звонок. Отдаленно, глухо, чуждо - надо спрятаться: я преступница, по крайней мере до завтра.

10

Перед уроком литературы все были немного заведенными: Любовь Васильевна дала темы домашних сочинений. И сейчас их надо читать всему классу. Это задание, это обязательно. А темы-то! "Мой бог", "Ненавижу!", "Я и другие". И называются они "свободными"... Так тихо на уроке давно не было. Что же осталось в памяти?

ВИКА. "Мой бог - это моя комната. Там мягкий ковер, пушистые игрушки, перс Соня, магнитофон и маленький телевизор. Я хотела бы остаться здесь навсегда и никуда не выходить".

ЛЕША "Мой бог - мой отец. И мне все равно - прав он или нет".

КОЛЯ "Ненавижу Россию: болтуны, воры, лентяи, грязнули".

ВИТАЛИК "Ненавижу, когда меня кормят с ложечки манной кашей - дайте, ну дайте мне кость с ошметками кровавого мяса!"

ОЛЯ "Моей богиней была мама, но она умерла. А нового бога нет, и от этого холодно и пусто".

СВЕТА "Как будет хорошо: я умру - и вы все исчезнете".

Я долго выбирала. Ненавидеть я не умею. "Я и другие". У меня нет друзей, и без них мне не скучно. Другие - сами по себе, я - сама по себе. Это не хорошо, не плохо - это просто есть. Писать тут не о чем. Мой Бог... Он где-то есть, я постоянно чувствую его присутствие. Спасибо Любовь Васильевне - я впервые так отчетливо поняла, что он есть и зачем-то я нужна ему. И он знает, куда ведет меня. Я начала понимать это недавно, когда увидела в "Огоньке" иллюстрацию "Спираль Галактики", когда смотрела в глаза Александра Петровича, когда он приходил ко мне. Он - посланец Бога. Он что-то мне объяснил: то, что я пока не умею выразить словами, но начинаю понимать. Он не просто меня ведет, а уводит. В другой мир? В какой? Не знаю, но верю, что это правильно.

Я так и написала. Любовь Васильевна вызвала к доске всех, осталась я и пять минут урока. Но она тянула время: о чем-то рассуждала, оценивала, спорила, а краешком глаз следила за мной и часами. Когда не осталось ни минуты, Любовь Васильевна сделала паузу и сказала: "Теперь Таня". Но тут же прозвенел звонок. "Увы, - она развела руками и указала на стол: - Сдавайте".

Света медленно подняла голову и посмотрела на меня. Уже не сквозь. А потом - также не сквозь - на Любовь Васильевну. И в Светиных глазах блеснуло что-то человеческое: она сейчас понимала что-то, чего не понимала я. Неужели она тоже не отсюда?.. Стоп. Это слово пришло само собой, я не думала об этом. Как это "не отсюда"? Не могу об этом думать - мне страшно.

Любовь Васильевна выдала сочинения, поставила оценки, объяснила наши ошибки "в области грамматики" - и забрала работы обратно. Но после того урока в классе тяжело, все замолчали, разбрелись по своим партам. Как это называется, "вооруженный нейтралитет", кажется. Такое ощущение, что все всех ненавидят. Это бывает, когда вытащишь из себя - самого, истинного, на ладошку положишь, над головой поднимешь - нате, вот он - я! А он уже и не твой, а всеобщий, голенький, понятный и скучный. И обратно его - себя самого - уже в душу не втиснешь: там живет только тот, кто никому не видим. Там его любят и кормят, и гордятся им. А мы все позавчера были нагишом - кто краше, кто плоше - но одинаково голенькие. И теперь нам стыдно. И мы злимся. Впрочем, не все - я не злюсь. Мне все равно. Кроме того, я дурочка. Это я узнала сегодня, когда шла по рекреации на перемене.

Любовь Васильевна и Александр Петрович стояли там же, где и в тот раз - у окна. Он уже не жонглировал словами, а смотрел на облака, уложив руки в карманы. И молчал. Видно было, что говорить он не хочет и не будет. Пиджак у него застегнут, руки спрятаны - он все сказал. А Любовь Васильевна руками юлила вокруг него и что-то доказывала, убедительно трясая тетрадь: "Что Вы делаете, она же дурочка..." Любовь Васильевна произнесла это так тихо, что могла услышать только я: я заметила свою тетрадь в ее руке.

Он не возражал и так же неподвижно смотрел в окно. Потом вдруг повернулся и ушел, а Любовь Васильевна осталась стоять с моей тетрадь в полупротянутой руке.

Я дурочка. Раз она так считает, то и все, видимо, с ней согласны. Я замечала: меня обходят и стараются не обижать, а когда заговаривают, то делают паузу, будто переключаются на другую программу, приспособливаются к другому уровню. Я дурочка. Для них? Видимо, да. А для себя - нет. Может, поэтому мне и не обидно, не страшно. Для себя ведь - нет.

А для Александра Петровича?

12

Что-то должно произойти. Или уже произошло? Нет - должно. Все еще не на своих местах, тлеет глубоко-глубоко. Так на чертовом колесе: медленно, медленно вверх. Все больше захватывает дух. Уже высоко, уже страшно, а оно еще тянется выше, выше, выше. Так и сейчас. Все еще только тянется, но оно не на вершине.

А вокруг - ничего особенного. Ходят прохожие с пакетами. Деревья высохли от тумана и измороси и будто потягиваются, просыпаются. Даже видно, какие они живые, как улыбаются в предвкушении тепла. Небо в клочья разорвано лохмотьями облаков, и ветер сегодня впервые откровенно теплый. И во всем одно чувство: все впервые! Будто над миром реет хороший, быстрый, добрый флаг и плещет по ветру... Но не так. Мне не так. И не только мне. Я будто попала между двух машин, летящих лоб в лоб и не умеющих уступить дорогу. Я не при чем, но я между ними.

Ни-че-го не происходит. Вот уже неделя после того, у окна, откровения. Я ждала взрыва, драмы. Мне казалось, что Любовь Васильевна войдет в класс, сразу пройдет ко мне и нахлещет меня по щекам, растреплет волосы и будет кричать и

плакать, размазывая по лицу тушь и помаду. Но она входит в класс точно так же, считает нас взглядом и с легкой усмешкой кивает: "Добрый день, господа". И начинает свой очередной красиво закругленный, умный урок. Да, она умная и интересная. И не похожа на остальных учительниц ее лет. Они или усталые, или занудные. И во всем, что они ни делают, сквозит одно: скорее бы домой. А с Любовью Васильевной интересно. И домой она не спешит. Скорее, вообще не хочет домой.

Недавно я раньше обычного шла в школу. За полквартира от школы, недалеко от меня, остановилась большая черная машина, похожая на красивого сильного зверя. Из нее появился господин лет пятидесяти, в тяжелом пальто, кожном, длинном, и в белом шарфе. Он открыл заднюю дверцу, и я увидела Любовь Васильевну. Господин почтительно предложил ей руку, и она, механически опершись на нее, вышла из машины. С минуту они прощались, причем господин смотрел ей в глаза и что-то приятно и уважительно говорил, чуть кивая в такт. А она неподвижно слушала (она совсем не такая на уроках: живая, бойкая, как актриса на сцене). Машина уехала, а Любовь Васильевна, не оглядываясь, пошла к школе. И чем ближе была школа, тем более оживала ее походка. И по ступеням поднималась уже совсем другая - знакомая мне - Любовь Васильевна, быстрая и сильная.

Александр Петрович изменился. Нет - все в порядке - и планеты его летят, и формулы бегут, и рука хватает и разбрасывает над нашими головами слова - ловите! Но до меня он их не добрасывает. Может, потому, что я перестала смотреть ему в глаза? Я не смотрю, давно не смотрю - я же обещала Любовь Васильевне. Упру взгляд в затылок Миши

- и слушаю. А Миша стал оборачиваться и спрашивать меня удивленно и с опаской: "Ты че?" Я - ничего. Он неуверенно возвращается и потом с минуту ерзает и приглаживает волосы.

Ничего не происходит. И все-таки происходит - нас все равно несет и несет вверх.

13

Вчера я ходила к бабушке - она живет далеко, на другом краю города, в Простоквашино (интересно, кто первым так весело назвал этот район?). Бабушка у меня не старая, но домашняя, похожая на большую кошку: движения мягкие, вкрадчивые, а голос убаюкивающий, успокаивающий. Мы ее в шутку зовем Дрема Ивановна.

В прошлом году папа с мамой поссорились из-за пустяка: папа вернулся с работы не в духе и увидел, что мама трепетно смотрит "Жестокого ангела".

- Опять ваши постирушки, - бросил он с порога.

Мама вдруг вспыхнула - такого давно не бывало - и огрызнулась:

- Лучше смотреть "постирушку", чем быть ею при вашей персоне круглый год.

Они поругались немного, и папа уехал к бабушке - теще - в знак протеста. Собрал вещи, красиво хлопнул дверью - и уехал. И не звонил целые два дня. А потом вернулся весь размягченный, уступчивый, медленный, с конфетами и цветами и целый вечер встряхивал головой, будто стараясь от чего-то очнуться. Вот такая наша бабушка. У нее тихо, сонно и очень спокойно.

Я полулежала у нее на коленях, что-то смотрела по телевизору, а она перебирала мои волосы, расчесывала их большим костяным гребешком (как в сказке). Ее мягкие пальцы касались моей головы - и я уплывала в полусне. С ней не нужно много говорить, рассказывать новости, тужиться, подыскивая слова, поддерживая беседу. С ней можно просто БЫТЬ. Пить чай на кухне, рассматривать в кресле большие дедушкины книги, старые знакомые фотоальбомы. И чувствовать мир вокруг и в себе. Она волшебница. И папа, и мама, и я это знаем. Знает, наверное, и она.

Когда я вышла из бабушкиного подъезда, я столкнулась с Александром Петровичем, даже чуть не уткнулась лицом в его куртку. О!.. Это "О!" вырвалось у нас обоих. И мы оба замерли, смотря друг другу в глаза. Он очнулся первым: "Танюша, здравствуй. А где же твои отвратительные желтые цветы?" Александр Петрович улыбнулся в себя. "Какие цветы? У меня нет никаких цветов", - выдохнула я, ничего не понимая. "Ну, это я так - пошутил... А ты какими судьбами в наших краях?" - он говорил так мягко, приятно, но чуть тревожно - я это слышала.

- А Вы здесь живете?

- Да, уже почти год. На третьем. Снимаю квартиру у приятеля. А ты?

- Я - к бабушке. Она тоже на третьем.

Он рассмеялся, но в смехе не было легкости:

- Значит, судьба.

Мы еще о чем-то говорили, но я не запомнила - по мне волнами ходило тепло и хотелось спросить чем-то важным.

Но я не успевала понять: о чем. И сейчас не понимаю. Но пока не пойму - спать не лягу. Не буду спать - и точка!

14

Я снова пошла к бабушке. У нас дома такое желание не обсуждается. Мои не удивились, только переглянулись.

Когда мама каменно бросает: "Я к маме", мы с папой тоже переглядываемся, но все понимаем: курс лечения, на пару дней. Не звонить. Не стучать. Не мешать.

Итак, я вечером снова пошла к бабушке. Нет! Не к бабушке я пошла. Я пошла ждать Александра Петровича. Сколько я ни думала вчера - ничего не придумала. Это нормально - я же дурочка.

Я ждала его у подъезда, как часовой: никуда не прячься и не делая вид, что я здесь случайно. Ждала часа два никуда не отходя и с каким-то ожесточением. "Вот сейчас. Вот как сейчас!.." Что - "сейчас" - не знала, но это слово колотилось во мне: сейчас! сейчас! сейчас! Злое слово, тревожное.

Он вывернул из-за поворота, сразу увидел меня, быстрыми шагами подошел к подъезду, открыл мне дверь и только и сказал: "Проходи". Мы медленно поднялись на третий. Александр Петрович отпер, и я молча вошла в его дом.

- Разд... Танюша, вешалка - там. Позволь, я помогу, - он принял мою куртку, а я, снимая ее с плеч, чувствовала его за спиной и глотала бьющееся сердце.

- Тапочек нет, - он смутился.

- Нет, ничего, ничего.

Я сделала шаг в кухню. Он улыбнулся.

- Давай лучше туда, - и указал на зал. - Посиди, я поставлю чайник - ты вся дрожишь, на улице холодно.

Да, я дрожала, но не от холода. И мне было стыдно, что он поймет это. Он понял, но сказал, что от холода. И ушел - дал мне время.

А в комнате было пусто. Точнее, не было ничего, что говорило бы о ДОМЕ: старая тахта, стол, стул, сервантик с пустыми полками. Даже телевизора не было. И книг - тоже. Ни одной. На полу - большой, во всю комнату, некогда пушистый ковер, и у окна небольшой красивый чемоданчик, крепкий, с серебряными замочками.

Я не понимала, чего мне хочется больше: чтобы Александр Петрович дольше грел чай или, наоборот, чтобы сию секунду был рядом. А его все не было и не было. Столько чайник не греется.

Наконец он застучал чашками и блюдцами и появился с небольшим подносиком.

- Давай греться. Я тоже продрог. Скверная весна. Помнишь у Пушкина:

Как тяжело твое явленье,
Весна, весна...

Он споткнулся снова, как тогда, у меня дома.

- Короче, бог с ним, с Пушкиным - сидим, пьем, греемся. А это - печенье... м-да. В общем, печенье. Почти что...

Мы сидели, обжигаясь чаем и молчали. Вдруг он поставил чашку и посмотрел на меня:

- Я знал, что ты придешь. Еще вчера знал.

- Знали?

- Да, знал. Только вот... плохо приготовился, - он кивнул на вазочку.

- Вы любите Любовь Васильевну? - я сама не понимала, как это вырвалось, словно это уже и не я вовсе.

- Нет, не люблю.

- А почему? Она такая интересная, умная. И... Вас любит. Очень.

Он замолчал, крутя в руках камушек печенюшки.

- Таня, ты можешь представить меня стариком?

- Стариком? - я вдруг представила, как меняются его черты, но споткнулась: - Нет, не могу. Что-то мешает.

- Ты не можешь потому, что ЗНАЕШЬ - я не буду стариком. Откуда ты это знаешь - неважно. Но ты ЗНАЕШЬ. И я знаю. А Люба не знает. Она думает, что надо только сделать чуть-чуть усилие над собой - и все будут счастливы. Нужно лишь захотеть, все прошлое зачеркнуть и новое построить. Так все просто.

- Это не так?

- Не так, милая, не так.

- Почему?

Он поднял руки и громко опустил их на колени.

- Тебе... Тебе не казалось, что за тобой скоро придут? И скажут: "Все - пора. Собирайся".

- Кто скажет? - я оглядела его комнату еще раз и вдруг поняла, что она похожа на мою жизнь. Не эту, с учебниками, папой и мамой, школьной суетой, Любовь Васильевной и этой грязной весной. На ту, что во мне. Там тоже нет ничего лишнего: нет картин и зеркал, нет цветов на столе и хрустальных бокалов. И там, внутри этой второй, главной жизни я увидела маленький чемоданчик, который стоит наготове. И мне стало легко. Сразу. Я отхлебнула глоток и тихонько засмеялась. Потом смело взя-

ла его руку, которая оказалась легкой и податливой, и прижалась щекой к ладони. Он придвинулся ко мне, и я, не отнимая от его ладони щеки, прижалась к его груди и прошептала:

- Как хорошо. - И поняла, что мне будет трудно уйти отсюда. И ему трудно будет меня прогнать.

- Александр Петрович, я дурочка?

Он усмехнулся и крепче прижал меня к себе.

- Любовь Васильевна сказала, что я дурочка. И все так думают.

- Не все.

- А Вы?

- Зачем ты спрашиваешь? - Он освободил свою руку, посмотрел мне глубоко-глубоко в глаза и медленно приблизил свои губы к моим губам. Медленно. Медленно. И я тянулась к нему навстречу, и длилось это счастье сто тысяч лет. Полное счастье.

... Утром я не стала его будить. Тихо оделась и ушла. Я впервые обманула маму, папу, бабушку - всех на свете. Но только не себя. И мне все равно, что будет. Я лечу, как звезда, падающая звезда - кто может, кто вправе остановить ее? Никто.

15

Любовь Васильевна вошла в класс, привычно окинула-посчитала нас взглядом. Но когда она взглянула на меня, как-то на миг окаменела, опустила взгляд на стол, положила ладонь на журнал, оперлась на него. "Зд... - глотнула что-то тяжелое. - Здравствуйте. Садитесь... Извините".

Мне показалось, что она сейчас умрет. Любовь Васильевна ВСЕ поняла. Да, вот-вот, сейчас она умрет.

Но она монотонным, ровным голосом произнесла: "На прошлом уроке..." - очнулась, надела первую попавшуюся улыбку, и - никто ничего не заметил. Только Света, наверное, впервые смотрела на нее целый урок, не отрывая взгляда.

А Он был рассеян. Впервые дал какое-то большое и путаное задание по учебнику и изредка что-то говорил, помогая.

На перемене я подошла к Вике, которую давным-давно пересадили на мое место с последней парты, и попросила:

- Вика, можно я сяду на свое место?

- Но...

- Ты не против? Все должны быть на своих местах.

- Ты че - больная? - она оглядела ребят, не зная, что делать. - Меня ведь... Мне все равно, но...

И вдруг Света повернулась ко мне и сказала:

- Таня, останься там... Пожалуйста, - и посмотрела мне прямо в глаза, а в них было: так надо.

Я осталась. Света никого, никогда, ни о чем не просит. Значит, на самом деле надо.

16

Любовь Васильевна стареет на глазах. Не вся, а только глаза, губы и голос. И руки. Вчера она впервые забыла взять в класс журнал - такого не припомню. Я виновата. Что мне делать? Я не могу больше ее обижать. За что? А как иначе?

17

Все.

В класс вошел Семен Маркович с молодым человеком, который чего-то боялся.

- Ребята, - сказал Семен Маркович, - теперь физику у вас будет вести, э-э...

Я не дослушала, перед глазами возникла черная точка, вспыхнула и погасила все. Отнулась я оттого, что кто-то предельно ударил меня по щеке. Света.

- Где?..

Но она мигом закрыла мне рот ладонью и кинула ребятам, Семену Марковичу и молодому человеку, которые тревожно окружили меня:

- Ей нельзя волноваться.

И я поняла: - МОЛЧИ! Она спасала всех нас. Она спасла всех нас.

18

"Весна. Возрастное. Возможно, небольшое осложнение после гриппа. Покой. Витамины. Свежий воздух, - та же самая врач, улыбаясь, кивнула мне: - Эх, мне бы сейчас эти обмороки. Пройдет, милая. Вместе с молодостью и пройдет. Так что не горюй - все неплохо".

И ушла. Зря я о ней так, тогда.

- Пусть поживет с недельку у бабушки, - папа с мамой переглянулись, кивнули друг другу и успокоились.

... Я у бабушки. Я иду по тому же тротуару, вхожу в ту же дверь, поднимаюсь на третий этаж. Достаяю ключ (он дал мне его два дня назад).

Дверь. Надо открыть. А вдруг он там? Вдруг? Я повернула ключ в замке и с минуту стояла, не решаясь толкнуть дверь. Надо.

В коридоре темно. Не глядя ткнула ладонью - свет зажегся. Я включила его везде. И еще, и еще раз обошла квар-

тиру. Нет. Его нет. В комнате все так же, но нет чемоданчика.
Его и не может быть. Что это? На столе лежал листок из
школьной тетрадки. Я взяла его. Стихи.

И понял я: меня здесь нет,
Я - лишь когда-то.
Как это странно: вот мой след,
Ладонь распята.

И голос мой - такой живой,
И боль - колюча.
И весь я в зеркале - большой,
Такой живучий.

А тут - друзья, а там - враги -
Войны морока.
И ноет зуб. Спешат шаги,
Шаги вдоль окон.

Летя стремительной стрелой
От смерти - той,
До жизни - той,
Я, верно, сбился по пути.
Я здесь чужой -
Пора уйти.

Пускай спуют, пускай спешат -
Ничто не свято.
Я умер много лет назад,
Вернусь когда-то.

Это мне. Значит, ему на самом деле пора. За ним пришли. Он уже там. А мне еще долго.

19

"Домой, - Любовь Васильевна взяла мел и записала на доске задание. - До свидания". Ребята, протестуя шумя, вышли из класса. У них обед - святое. Когда их говорок затих, я подошла к Любови Васильевне. Она что-то писала в журнале, наклонив голову. Она в последнее время перестала видеть ВСЕ, и слова ее уже не были похожи на красивые стрелы, а блуждали в воздухе, растворялись и гасли, никого не раня. И все больше она говорила руками, но пока еще не совсем так.

- Любовь Васильевна.

Она вздрогнула и подняла голову, непонимающе смотря на меня.

- Любовь Васильевна. Это... Вам.

Она взяла тетрадный листок и стала читать. Раз. Два. Потом посмотрела на надпись - "Любе", усмехнулась и взяла мою руку, как тогда, много-много дней назад, и стала что-то искать на ней.

- Нет, Танюша. Это не мне. Это тебе. У тебя слишком синяя паста и слишком круглые буквы.

Она посмотрела мне в глаза и сказала: "Вернусь когда-то..." Ты его встретишь. Потом. И не здесь. Я же - нет. И не будем больше об этом". Она спрятала мою руку в своих ладонях. Дверь отворилась. На пороге стояла Света. Мы смотрели на нее, она - на нас. Наши взгляды встретились где-то на полпути, и в точке их сплетения рождалось какое-то странное, неземное сияние, какая-то невозможно прекрасная правда, для которой еще нет слов на свете.

Этой ночью я была во сне. Но сон ли это?

Огромная, мерцающая мириадами звезд спираль Галактики величаво плыла передо мной. И в этом движении слышалась музыка, музыка Вселенной, похожая на блеск кристаллов и звуки органа. Спираль затягивала меня, и ласкала, и мучила отблеском какой-то чудесной тайны, которая и там, внутри, и везде и для которой еще нет названия.

Мы - я, Света и Любовь Васильевна - стоим на маленькой черной планетке, покрытой базальтовой блестящей россыпью и угловатыми глыбами черного льда. Я медленно отталкиваюсь, вытягиваю руки - и поверхность уходит далеко вниз. Я купаюсь в этом полете, а по телу словно стремятся прохладные струи.

И Света отталкивается, вытягивает руки стрелой и плывет, плывет. А глаза у нее широко раскрыты, и лицо неподвижно, прекрасно и сурово. И вся она как быстрая, чистая, нестерпимо великолепная молния, на миг застывшая на фоне черного неба. Но она плывет в сторону от меня, удаляется. Ты куда? Она чуть поворачивает голову и кивает мне - прощай.

Я опускаю глаза туда, где должны быть наша маленькая планетка. Но она уже далеко, и еле видно, как с ее темной поверхности машет нам - прощайте - Любовь Васильевна. И пронзительной правдой звучат слова: "Я умер много лет назад - вернусь когда-то".

Третья мировая

Вовка списал с Дины.

Дина дернула тетрадь Толика, и буква "Ж", захромав, вывалилась на соседнюю строчку.

Толик бросил ручку, скатал шарик из бумаги и плюнул из трубки в ухо Жене.

Женя, изловчившись, подложила кнопку Леше.

Леша, оторав, столкнул с парты учебники Оли.

Оля намазала руки мелом и - Ой, что это у тебя? - почистила пиджак Сережи.

Сережа, устав чистить пиджак, вытащил батарейки из калькулятора Вали.

Валя тихо пукнул в сторону Юли.

Юля замахала в сторону Коли.

Коля обиделся и наложил в пенал Тани свежих червяков.

Таня, придя в себя, стащила в конце уроков журнал и поставила Вове единицу по чтению.

Вова, получив дневник, страшно огорчился и вписал уголком букву "С" в фамилии Вики Заранской во всех ее тетрадях.

Вика, прикинув расходы по замене обложек, вздохнула и разменяла Яшкины 10 рублей на 2 и 5.

Яшка, так и не вспомнив, на что он потратил 3 рубля, в поисках булочки выбросил из шкафчика Яны все вещи.

Яна взяла иголку и тихонько "пшикнула" мячик Саши.

Саша догнал Веру и сдутым мячом долго объяснял ей, что так делать нехорошо.

Вера, умывшись и отряхнувшись, вспомнила, что Вова должен ей две нежеванные жвачки.

Вова растерялся и отдал в счет долга "чупа-чупс" и домашнюю по математике, шепнув Татьяне Викторовне, что Вера списывает.

Татьяна Викторовна взяла у всего класса тетради, проверила и, убедившись, что у всех все одинаково, поставила в колонку журнала всему 2 "Б" по единице.

Завуч Нина Георгиевна проверила журналы и указала Татьяне Викторовне, что работает та плохо.

Татьяна Викторовна, устав после ссоры с Ниной Георгиевной, пришла домой и что-то долго объясняла мужу Саше.

Муж Саша, проникшись, обиделся и ушел ночевать в свою казарму летного состава, а утром вылетел на своей "СУчке" в направлении Югославии.

Летчик сбитого Ф-117 приземлился на парашюте и стал вспоминать лицо своего президента.

Выборы

- Ребята! Сегодня мы выбираем командира класса. - Татьяна Викторовна строго и со значением обвела ребят взглядом: - Кто хочет быть командиром?

Я - а - а - а!! - класс хором встал, затопал ногами и замаhal руками.

А Петька-дылда, от желания поднять свой рейтинг еще выше забрался на стул и стал размахивать линейкой.

Машенька от волнения вся покраснелась и чуть-чуть писнула в колготки.

А Леша скинул пиджачок и в агитационном порыве сжал руку в локте и покатывал бицепсами.

Юрка хлопал себя по звонкому пузу и для убедительности надул щеки.

Леночка огладила фартук, раскрыла дневник с пятерками и подняла его, как плакат, над головой.

Колька - тряс пятьюдесятью рублями.

Витька - палил в воздух из ружья и сурово хмурился.

Юля - достала стибренную у мамы помаду и жирно красила губы.

Вовка сидел молча. Он вообще-то тоже хотел стать командиром, но на перемене Толька показал ему прием айки-до - и с Вовкиных брюк начисто сдуло все пуговицы и лопнула ширинка. Когда агитируешь - надо махать руками, а руки у Вовки теперь были заняты - не с голой же задницы начинать агитацию. Он еще не знал пропагандистских возможностей голой жопы и сидел уныло.

Татьяна Викторовна дала массам поорать, но, когда Петька уронил свой рейтинг со стула на головы Леночки и Юры, внесла в предвыборную кампанию свои коррективы, грохнув по столу журналом.

Машенька от неожиданности писнула повторно. Петьку подобрали. А Юля дорисовала свои губы аж до носа.

Татьяна Викторовна пронзила класс взглядом:

- А ну-ка: какой должен быть командир?

- Сильный! - сказал Леша.

- Толстый! - сказал Юра.

- Красивый! - сказала Юля.

- Умный! - сказала Леночка.

- Богатый! - сказал Колька.

- Нет! - сказала Татьяна Викторовна. - Командир должен быть сдержанным. И еще скромным (при этом она запоминающе поглядела на Вовку). А иначе вы все у него попляшете. Я даю вам два дня подумать и выбрать самого достойного.

... Назавтра Леночка обнаружила в своем дневнике две единицы: по чтению и математике - и несказанно удивилась.

Колька после физво прибежал в класс и долго и безрезультатно искал свой "полтинник".

К Леше в туалете подошли два крепких третьеклассника и долго объясняли ему, что до командира надо еще качаться и качаться. Он вышел тихим, помятым, понятливым и неконкурентным.

Юрке показался странным вкус обеденного чая, после которого он два урока худел в уборной.

Юля неудачно запнулась на прогулке о чью-то ногу, а потом вошла в класс, когда кто-то открывал дверь, - и красота ее, особенно нос, как-то поугасла.

А Татьяна Викторовна обнаружила в журнале записку: "У Пети в портфеледохлая крыса, а на обеде он два раза плюнул в суп Вове".

... Еще назавтра при всеобщем молчании, но единогласно командиром был выбран Вова.

На первой же перемене после этого торжественного акта он подошел к Юле и протянул ей свою рваную варежку: "На вот - зашей". И повернулся к Лене: "Когда домашнюю сдлаешь - тетрадь положи мне на парту". И ушел.

Юля и Лена молча посмотрели друг на друга, вздохнули и разошлись по работам - командир... он должен командовать.

Бартер

Вовка из 2 "Б" нашел ржавую гайку и сменял ее у соседа по парте Витьки на динозаврика без хвоста.

Валерке из 3 "Б" понравился динозаврик, и он без колебаний отдал за него пистолет со сломанной пружиной.

Юрка не вытерпел и предложил за пистолет чистую тетрадь и жеваный стержень от шариковой ручки.

Маша забыла дома пенал и папку с тетрадкой для контрольных работ и в страхе перед Татьяной Викторовной уступила Вовке за тетрадь со стержнем живую черепашку в баночке.

Черепашка приглянулась Юльке из 5 "А", и она предложила за нее калькулятор без крышки и пять поцелуев. Вовка калькулятор взял, но от поцелуев отказался, потребовав в качестве компенсации пять рублей - по одному за штуку.

Убежденный троечник Дима из 6 "В", понимая, что без помощи техники контрольную по математике ему не одолеть, с мятюгами, но все-таки отдал Вовке за калькулятор карты с голыми тетками и обещал свою "крышу" по всей начальной школе.

Карты приглянулись озабоченному Виктору из 7 "Б", и он в смятении чувств выкупил их у Вовки за 30 рублей, которые вчера стащил у отца.

30 Р, которыми небрежно помахивал Вовка, идя по рекреации, вызвали естественную реакцию у Женьки из 9 "А", Он выхватил деньги у Вовки и, похлопав назидательно его по плечу - мол, рано еще такие бабки иметь - ушел к себе в класс.

Вовка выждал день и на завтра объявил Женьке, что его поступком могут заинтересоваться директор школы и мальчишки из 11 класса.

Женька понял все очень быстро и правильно и в знак своей понятливости вернул Вовке всю сумму, прибавив 10 рублей за полное молчание.

Старшая сестра, чистя Вовкин пиджак, обнаружила и долг, и дивиденды и вспомнила про тот самый дезодорант, от которого у него... в общем, с ума он сходит.

Вовка, уже постигнув азы, сразу предложил сестричке 15 сверху на две недели.

Через месяц отец Вовки проснулся утром и понял, что сейчас умрет. Сын не дал ему это сделать, достал из тайничка заветные 55 Р и, с любовью глядя в мутные глаза родителя, вручил деньги. Вручил молча, достойно, уважая. Отец сполз с кровати, со слезой умиления во взоре крепко пожал сыну руку и ушел, чтобы выжить. А с зарплаты честно, по-мужски вернул долг и 45 плюс - в знак уважения и благодарности.

...Когда в десятом классе Вовка менял свою подержанную "шестерку" на новый "мерседес", он вдруг вспомнил о гайке.

Вовка как зеркало русской революции

Вовка из 2"А" задумчиво смотрел на свои рваные кроссовки.

Витька рядом хмыкнул, достал из кармана "сотовый" и громко, косясь в сторону Вовки, пропел в трубку: " Папа, подъезжай к школе в два - я жду!".

Вовка шмыгнул носом, расправил плечи и гордо, не гля-

дя в Витькину сторону, прогудел: "Батяня вчерась получку получил - три тыщ-щи! Заживем!".

Витька ухмыльнулся, вытащил из кармана "сотенную" и молча сделал их нее самолетик.

Вовка скосился на поделку и вытащил из портфеля рогатку с оптическим прицелом из проволоки: "Сам сделал - бьет без промаха!".

Витка достал из рюкзачка машинку и пульт. Машинка весело заерзала по парте, подчиняясь командам, и остановилась в двух сантиметрах от Вовкиного рукава.

Вовка вытащил из кармана мятый красный галстук и старый значок с изображением кудрявого малыша, неправильно завязал галстук на шее и вколол значок на карман пиджака, поближе к сердцу.

Витька достал синхронный переводчик и начал пищать на нем какие-то английские слова.

Вовка взял линейку, отодвинул Витькину машинку и провел жирную черту красным фломастером через всю парту.

Витька не стал возражать, но приставил к машинке двух бэтменов с пистолетами.

Вовка подвинул к черте десять красных солдатиков с однообразными винтовками за спиной и большой поцарапанный танк с красной звездой на броне.

Витька на учебнике английского языка сделал аэродром, оснастив его моделями "фантома" и двух вертолетов "апачи".

Вовка пододвинул к себе рогатку и начал нажевывать из тетрадного листа боеприпасы.

Витька вытащил большой китайский автомат, раскрыл пакет с пулями и стал громко загонять их в обойму.

К Вовке подошел Колька, взглянул на парту, порылся в карманах, достал пять стреляных гильз и пушку без колес и придвинул их к Вовкиной группировке.

К Витьке подошел Славик, все сразу увидел - и без колебаний защитил Витькин "джип" американской патрульной машиной.

Из-за плеча Кольки выглянула Даша, подумала, покусала губки - и выложила на Вовкин учебник 5 "обеденных" рублей и мамину пудреницу с зеркальцем.

К Витьке подошла Жанна и положила свою ручку ему на плечо. Потом подумала, порешалась - и чмокнула его в щеку.

К Вовке вразвалку подошли два первыша-террориста, Толька-тол и Генка-гексоген.

Без колебаний вывалили к Вовкиным жевкам из своих карманов 30 желудей, 20 каменюк разного достоинства и 3 ржавых болта. Потом положили свои грязные трудовые ладшки Вовке на плечи и исподлобья посмотрели на Витьку.

Славик и Миша на соседних от Витьки партах стали спешно создавать военные базы на случай нападения вероятно-го противника.

Первый десант Вовки оказался неудачным: подмога, спешно вызванная Витькой из 3 "В", разрушила Вовкину оборону. "Братва" разметала по классу Толькины учебники, отодрала от Генки полрукава, поставила дыбом Дашенькину прическу и разорвала Колькину карту в аккурат по Тихому океану.

Однако подоспевшая дружина из 5 "А" повергла бесчинствующего агрессора в бегство, взяв в качестве контрибуции два блока жвачек из Витькиного рюкзака, размочалив Жаннины косички и обрушив Большой орфографический словарь Ожегова на военные база Славика и Миши.

Ответный удар группы быстрого реагирования из 7"В" был внезапным. Жвачка перешла из рук в руки, победители высморкались в Вовкин галстук, наскоро обмуслякали Дашеньку и весело погнали самого Вовку с единомышленниками по школе, радостно крича: "Бей бомжей!"

Звонок на урок заодно с физруком Пал Палычем помешал 9 классу нанести удар возмездия.

...Вовка, выйдя из кабинета директора, потрогал синяк под глазом, посмотрел на свои рваные кроссовки, плюнул - и твердой походкой пошел в массы - создавать Великую Школьную Коммунистическую партию.

"Как упоительны в России вечера..."

Вовка захлопнул книгу и мечтательно посмотрел в окно. "М-да... Вот бы и мне так..."

"Вы подлец, сударь! Вот вам..." И перчатку ему прямо в морду... то есть нет, не в морду, а... как там она называется? - Вовка полистал страницы: - Ага! В лицо. Так вот... "Я вас вызываю! Завтра. Утром. В роще." А завтра... В черных плащах... С пистолетами... А она прячется между деревьев и страдает... - Вот здорово! Ну - все! Завтра! Стреляюсь! С кем?.. А ладно - там разберемся".

Первый урок прошел даром: мальчишки клевали носами, позевывали и наглым образом не хотели безобразни-

чать. Но перед самым звонком закемаривший было Витька с соседней парты в легком полусне тихо пропел: "Пу - пу - у". Машенька - соседка Витькина по парте - зажала пальчиками носик и вся аж вывернулась вправо.

"Ура!" - пронеслось в Вовкиной голове.

Сразу после звонка Вовка, переполненный радостным негодованием, достал из кармана заготовленную рукавичку и гордо встал перед Витькой и Машей.

- Эй, вы, сударь...это...Как вы смели набздеть в лицо благородной девице?

- Чего?.. - Витька с Машей посмотрели на Вовку, потом друг на друга, потом снова на Вовку. Было видно, что они мучительно тужились связать одно понятное им слово с непонятными остальными.

- Сам ты - сударь, - процедил сквозь зубы Витька и начал подниматься из-за парты, но не успел: Вовка вытащил мокрую варежку из-за спины и словами "Я вас вызываю" зафитюлил ее Витьке в нос. Тот гукнул и рухнул на стул, от неожиданности оскорбив благородную девицу вторично.

Машенька наконец начала понимать, что она в этом действе лицо не последнее, и приятно зарумянилась.

Витька отлепил от носа мокрую варежку, зачем-то понюхал ее и с криком: "На-а!" метнул в Вовку, который, пыжась, гордо стоял напротив.

Вовка успел нагнуться.

Татьяна Васильевна, входившая в класса, нагнуться не успела.

...Проводив взглядом свой дневник, Витька плохо посмотрел на сияющего Вовку и выдавил: "Ладно - после школы поговорим".

Шел второй урок. Вовка ерзал на стуле. "А вдруг не придет? А вдруг испугается? Или забудет? Нет - надо еще. Чтобы уж точно."

На второй перемене Леша показал во-о-от такой язык Леночке. Пока Леночка не успела опустить букварь на голову Леше, Вовка заорал через три парты: "Эй вы, сударь!".

Леша с неубранным от удивления языком повернулся к нему, а Леночка от испуга уронила букварь на пол.

Вовка вскочил на стул, красиво поставил ногу на парту и простер руку к Леше:

- Как смеешь ты, подлец, корчить рожи благородной девице?!

Машенька обижено фыркнула: "Но ведь это я эта самая.. ну как ее?..." и нехорошо посмотрела на Леночку.

Вовка же, не метаясь, метнул вторую варежку - и снова попал. Раздался мокрый "чпок" - и Леша, отплеываясь, стал продирается к Вовке через дебри ранцев и стульев. Он уже было занес свой кулачок, как Вовка, гордо выпятив грудь, сказал:

- Где ваша перчатка, сударь?

- ...Моя-то, мои-то...А они там, на батарее сушатся. А что?..

Леша опустил руку и внимательно посмотрел Вовке в глаза.

- Так дайте мне ее, - так же красиво молвил Вовка.

- Ага, сейчас. Нашел дурака. Свои раскидал, а мне - отдать. Нетушки.

"Здорово! Теперь уж точно!" - Вовка еле сидел на месте. Вдруг Юрка-сзади робко тронул его за плечо и прошептал: "Слышь - это тебе". В руке у Вовки оказался бумажный пакетик. Он развернул его. Там были красная перчаточка с вышитым зайчиком и записка: "Вовочка! У тебя не осталось варежек - возьми мою. А Юрка у меня списывает. Юля".

После звонка никто из-за парт не вставал, никуда не летел, ничего не швырял, никому ничего не показывал. Все замерли и с ожиданием, надеждой, ужасом смотрели на Вовку.

Татьяна Васильевна обвела класс вопросительным взглядом, пожала плечами и вышла.

Все молчали.

Юрка еле слышно прошипел: "Дратаньян фигов..."

Юля радостно вскочила с места и, пританцовывая, закричала: "А он тебя Харатьяном обозвал. Обозвал! Обозвал!"

Вовка медленно-медленно, как Арнольд Шварцнеггер, начал поворачиваться к Юрке всем телом. Тот сжался и вдруг в порыве ужаса с диким воплем: "А-а а!" обрушил на голову Вовке энциклопедию для детей "Средневековье".

Вовка на миг замер и красиво подняв руку, рухнул на парту.

"На том и этом свете будем вспоминать мы..." - мужественно и туманно пронеслось у него в голове.

Свидание

Ирина Вадимовна подошла к доске, взяла мелок и начала красиво выводить название темы урока, стоя спиной к классу. Но мел выскользнул у нее из руки и упал на пол. Она на секунду замерла, коротко шепнув что-то вроде "...ля", и нагнулась, чтобы поднять его. Ее юбка упруго обтянулась от талии вниз - и Вовке с первой парты сразу захотелось на свидание. Он еще раз внимательно осмотрел Ирину Вади-

мовну, проверяя себя: да, на свидание хотелось, и как можно быстрее, а еще лучше немедленно.

Но немедленно было нельзя: шел только второй урок, да и не к кому, поэтому Вовка начал внимательно разглядывать девочек, которые всепоглощенно выводили букву за буквой.

...Танька. Нет - она плюется, и слюна у нее липкая, чупа-чупсовая. Бр-р. - Вовку аж передернуло.

...Ниночка. Вроде, ничего: и бантик беленький этакой воздушной бабочкой, и в тетрадке одни пятерки, и папа в "Меткомбанке" работает - вон она на каждой перемене шоколадкой хрумкает. Бо-га-тенькая.

И тут его осенило: "Нет, не прокормлю". Вовка забрался глубоко-глубоко в карман, вытащил весь свой капитал и поковырял его пальчиком на ладошке. Хватало на две булочки и полстакана "Колы". "Нет, не прокормлю"

Он вздохнул, ссыпал мелочь обратно и пригорюнился, явственно осознав: девочки и деньги это как Лев Толстой и его борода - одно без другого не бывает.

"Черт с ней - пусть подавится," - нахмурясь, решил он, бросив косой взгляд в сторону Ниночки.

...Ага. Ленка. Ну? Ноги как палки, а коленки...- он вспомнил, что папа всегда говорил, что если коленки острые, то злая, а если круглые - добрая. Злую Вовка на свидание не хотел, поэтому старательно уронил ручку на пол, чуть припнул ее ногой к Ленкиной парте и полез поднимать, долго шаря рукой и вглядываясь. Даже издали было видно - коленки острые, хоть и не трогал.

- Че они все какие-то не такие, с дефектами, - протестуяще подумал Вовка. - Ладно. Так. Вот Юлька. Вчера спи-

сать задачку дала? Дала. По лбу Юрке на перемене линейкой дала? Дала. Мне свой компот допить дала? Дала. Как раз для свидания. И плевать, какие у нее коленки.

Вовка выдрал из тетрадки листок и начал яростно писать записку: "Дарагая! Жди меня сиводня после школы у правого угла. - Тут Вовка почесал ручкой затылок и для убедительности приписал: - Я тебя абажаю!!! Вова". Он скомкал записку на манер шарика, чтобы не вызывать подозрения, зависть и происки соперников, и, когда Ирина Вадимовна отвернулась, метнул на парту Юльки. Но не попал. Комочек шлепнул избранницу по носу, отскочил и упал на парту меткомбанковской Ниночки.

Юлька вздрогнула и выронила ручку и от неожиданности вслух нехорошо подумала о неизвестном адресате.

Ирина Вадимовна, выпроводив ее за двери, стала сочинять в Леночкином дневнике длинную депешу для родителей, а Вовка с восхищением думал: "Точно моя. Во дает! Я бы так не смог!".

Три последние урока он ерзал на стуле, бросая страстные взгляды туда, где чуть-чуть справа и чуть-чуть позади сидело его сокровище. Туда! "Сокровище", поймав два-три страстные призыва, однозначно покрутило пальцем у виска и показало Вовке слюнявый язык.

И вот все - звонок! С бьющимся где-то в животе сердцем Вовка медленно собрал свой рюкзачок, подождал, пока волна однокашников схлынет, затихнет, рассыпаясь смешками по школьному коридору, и вышел, исполненный сладким предвкушением. Но в голове тревожно стучало: "Че с ней делать-то?.. Че с ней делать?.." Перед глазами быстрой ин-

струкцией промелькнули кадры из "Дикого Ангела", "Эдема" и чего-то еще, приличествующего случаю.

Но вот он зашел за угол школы, и ...Юльки не было, вместо нее, опустив руки по швам, с восхищением и ужасом глядя Вовке в глаза, стояла Ниночка. Ротик ее полуоткрылся. Она хотела что-то сказать, но не могла. И была она такая маленькая, хорошенькая, как снежинка.

Вовка начал было: "Ты че тут..." , но не договорил. А светлый образ Юленьки вспорхнул и унесся далеко-далеко, тая в вечернем небе, как будто и вовсе не было его.

Вовка постоял с минуту, потом вспомнил что-то, сунул руку в карман, достал два чупа-чупса и протянул Ниночке: "Хочешь?". Она, не отрывая от него глаз, медленно-медленно подняла руку: "Да", и взяла конфетку, взяла, как букетик цветов.

- Вова...Ты правда меня аба-жаешь?.."

- Угу, - сказал он и сделал два последних, самых трудных, самых маленьких шага к ней навстречу. Теперь они стояли лицом к лицу, и он ощутил ее дыхание на своей щеке. Вот Ниночка сжалась, крепко-крепко зажмурила глазки и выставила губки бантиком, не оставляя Вовке никаких шансов смыться. Он тоже зажмурил глаза и ткнулся губами в ее губы, даже не сделав "чмок". Чупа-чупс выпал из ее пальчиков, она ткнулась личиком в Вовкину куртку и прошептала: "Я твоя! "

И редкие звезды проступали на небе, и тихо веял теплый ветерок, и Господь Бог, глядя с небес, качал головой: "М-да, не уследил", - и невольно улыбался, глядя на большую Землю, на тихий город, на маленькую школу, на две фигурки, замершие в первом случайном счастье.

Крыша

- Ни ши-ша. Ни гро-ша.

Вовка хмуро посмотрел на Эдика, который весело дергал затвором пластмассового китайского автомата и всаживал пульку за пулкой в живот Витьки. А тот, защищая лицо, норовил попасть в глаза противнику лучиком лазерной указки.

- Ни гро-ша...

Колька-справа важно и увлеченно играл в "Тетрис", а вокруг него юлили-подсматривали Анечка и Танечка.

Юрка и Сашка рассматривали огромную яркую книгу "Рыцари Средневековья", уставив парту фигурками воинов.

Петька чеканил свой собственный мячик.

- А у меня ни... - кратко резюмировал Вовка, давая нелицеприятную, но точную характеристику своего финансового положения.

- Ну ладно...

На следующий день он спокойно и уверенно сел за свою парту рядом с Викой, которая уже прилежно разложила тетради-ручки, готовая к уроку.

- Вика, ты это... тараканов боишься?

- Ф-фу, гадость! - она сморщила личико и брезгливо дернула пальчиками.

- Это хорошо, - вслух подумал Вовка и достал из кармана коробочек из-под спичек: - Вот - продаю.

- Ой, а что это? - она радостно и с любопытством пригнулась к предмету торговли.

- Смотри, - и он полуоткрыл крышечку. Из коробки сразу высунулись два усика и появился могучий торс черного домашнего таракана.

- И-и-и-и-а-а-а!!!

Прилетевшие на вопль Ирина Вадимовна и еще с десятка учительниц не сразу, но все-таки успокоили Вику, сбрызнув ее холодной водичкой и похлопав по щечкам. А коробочку после пяти подзатыльников у Вовки отобрали и отдали на расправу тете Маше-уборщице.

На следующем уроке Вовка вытащил из кармана пустой спичечный коробок и положил недалеко от Вики. Та сжалась и прошептала: "У т-т-т-е-е-е-б-б-я там еще-еще один?..

С этого момента урок перестал идти Вике в голову: она отчетливо представляла себе, как там, в коробочке, всего в нескольких сантиметрах от нее копошится страшная, мерзкая, черная тварь, готовая защекотать, загрызть ее.

- Вов, а Вов... - она умоляюще взглянула Вовке в глаза. - Убери, а?..

- Пять баксов, - с хрипотцой шепнул он.

- У меня... столько нет.

- А сколько есть?

- Вот, - Вика быстро достала из фартучка 10 рублей.

- Ладно - идет.

Коробочка была убрана, деньги переданы, все - счастливы.

На следующей перемене Вовка подошел к толстому Боре и спросил:

- Борька, а Борька, хочешь, я никому не скажу, что ты писаешь криво?

- Ка?.. - задохнулся Борька. - Я не криво.

- Криво-криво, - уверенно сказал Вовка. - Я видел. - И он показал примерно, как это происходит.

- Я не... - с ужасом понимая перспективу неизбежного посрамления, пробормотал Боря.

- Короче - пять баксов - и я молчу.

- Но у меня... - Боря судорожно сглотнул и начал рыться по карманам, - вот, всего 15. Вот...

- Че уж - ладно, живи, - Вовка взял деньги и, хмыкнув, ушел.

Еще на следующей перемене он приблизился к Петьке-мячиком, играя в руках циркулем.

- Петь, а Петь, а я слышал, что у тебя завтра мячик сдуется.

- Ну да - врешь!

- Да нет, не вру, - и Вовка глубоко-глубоко и спокойно-спокойно посмотрел Петьке в глаза, сгибая и разгибая циркуль.

- Ты че?.. - Петька посмотрел на циркуль, потом на мячик и начал что-то понимать. А Вовка сказал:

- Да это... Сам понимаешь - вещь дорогая. Короче - надо охранять твой мячик.

Давай я...поохраняю. За пять баксов.

Петька быстро произвел в уме несложные арифметические действия и сделал ответное предложение:

- 10 рублей. Пять - сейчас. Пять - завтра. И ты подкачиваешь мяч всю неделю.

- Идет.

Они ударили по рукам, и Петька, гордый от найма охранника, продолжил упражнения.

...Юрка в раздевалке после физкультуры потерял ботинок, который нашелся за 5 рублей.

...За перехваченную записку с матюгами от Юрки - к Кольке по 5 Р. с каждого.

...Ревнивая Ленка "заказала" Вику, которая трижды за день орала на подложенных Вовкой кнопки. 15 рублей.

...Вика "заказала" Ленку, которая всю четвертую перемену ходила с объявлением на спине "Критические дни - не беспокоить". 10 рублей.

Вечером, когда школа почти опустела, Ирина Вадимовна не успела быстро отпрянуть от физрука Николая Петровича в полутемной учительской. Вовка, с улыбкой, полной смущения и понимания, вырубил включенный им свет, за что на завтра был вознагражден спортивным пожатием Николая Петровича и 50 рублями. А с женской стороны - двумя пятерками и "тихой" шоколадкой.

В пятницу утром Вовка вошел в класс с огромным черным автоматом в руке, новенькими наручниками на поясе и с короткой, квадратной стрижкой. Вошел, медленно обвел класс взглядом. Ребята притихли, а Юрка робко встал из-за парты, порылся в карманах, достал пять рублей и подошел к Вовке:

- На - возьми, только я не при чем - ладно?

И все тоже полезли в карманы и фартуки, молча, с тихим ужасом смотря на Вовку.

"На твердой ставке, в натуре", - с хрипотцой пронеслось в его стриженной башке.

Ж у к

У Маши был трехколесный велосипед. У Юрки - новенькая бейсболка и мяч. У Леночки - бусики и скакалочка. У Вовки был большой черный жук в баночке. Большой такой, с рожком на, кажется, носу...или морде...или голове...Вов-

ка открывал баночку, трогал рог пальчиком и цокал от удовольствия языком - плотненький!

- Вовка! А давай твоего жука в песок закопаем: выберется или нет?

- Я те закопаю - он же живой, не то, что твой велик.

- Вовк, а Вовк! А он плавать умеет? Давай в луже попробуем.

- Я те попробую! Иди вон свою кепку топи, - Вовка прижимал к груди баночку и кусался глазами.

- Ну и целуйся со своим жуком-говнюком. Он вонючий и заразный.

- Я те... - Вовка брыкнул песок ногой, и тот брызнул Юрику и Леночке в глаза.

- Ах, так! Ну сейчас...

Но Вовка уже бежал к подъезду, держа баночку на вытянутых руках. Он боялся, что споткнется, уронит свое сокровище, а еще больше боялся, что сейчас вся эта орава нагонит его и, смеясь, отберет жука, чтобы топить, закапывать, обрывать лапки.

- Ф-фу! - наконец он у дверей. Но ключи в кармане. Он заметался, но баночку не выпустил - руки сами не разрешили ему хотя бы на миг оставить ее без защиты. Вовка ткнулся носом в кнопку звонка и в нетерпении заколотил в дверь ногами. Раздались быстрые шаги, нервно щелкнул звонок - и двери разлетелись, распахнулись. На пороге стояла мама с тряпкой в руке, подоткнутым подолом и жутью в глазах:

- Что?! Что случилось?!

Вовка протиснулся мимо нее в квартиру, шепча: "Жук...- Жук...Они его...Они сейчас...". Он быстро сбросил сандалии, про-

бежал в свою комнатку и - уф! - упал на кровать грудью, поставил перед собой баночку и осторожно расцепил пальцы.

Жук, придя в себя после тряски, пошевелил лапками, неуверенно двинулся и замер. "Жук. Жу-ук, - ласково протянул Вовка. - я тебя никому не отдам. Ты настоящий, ты живой, ты хороший, ты мой друг. Ты лучше всего. Что велосипед - железяга. А пистолет - тьфу! Я и так плеваться могу. И мяч - пузырь несчастный, с ним не поговоришь. А с тобой можно - ты ведь живой, ты шевелишься. И меня ты не обижаешь и слушаешь. Ведь так, жук? Мы с тобой играть будем. А если не захочешь играть, а будешь спать - спи: все равно ты рядом, ты мой. Пло-о-отненький, хоро-о-ошенький".

Вовка открыл банку, положил ее на бок и подставил ладошку к горлышку. Жук, почуяв тепло, шевельнул коротенькими усиками, забрался Вовке на палец, осмелел и полез дальше. Вовка, чуть морщась, смеялся: "Щекотно! Ой, щекотно!". Он смеялся плечами, ногами, животом, но рука его оставалась неподвижной: там был друг, маленький, хрупкий, - его друг.

- Господи! Таракан! Да здоровенный! - мама нависла над Вовкой и вдруг ударила его по руке, смахивая тряпкой жука. - Фу! Гадость! Кинь его! Кинь!

Вовкина рука дернулась - и жук закатился под кровать. Счастливая улыбка еще сияла на лице Вовки, но вот он замер, дернулся и заорал: "Жук! Жук!"

Мать встрепенулась и отпрянула, прижимая мокрую тряпку к груди: "Господи!..".

А Вовка уже юркнул под кровать, стал щупать, щупать ладошкой, гладить пол: где? где? Из его груди вырывались какие-то гулкие, сумасшедшие звуки. Не плач - нет: звуки

наотмашь разрушенного счастья, разрушенного нежданно, ни за что, разрушенного в миг высшего блаженства.

Он вылез из-под кровати, сдернул одеяло, матрац и сквозь пружины стал вглядываться, искать, искать.

- Да ты что - сдурел? - мама, придя в себя, не выдержала - схватила Вовку за руку и поволокла в ванную. Она включила холодную воду и начала елозить по Вовкиному лицу мокрым полотенцем. Он брыкался и кричал: "Ему больно, ему больно, он умрет, он умрет!". Но мать влепила ему по заднице - Вовка взвизгнул, и сник. И только теперь из глаз у него потекли слезы. Плечики его вздрагивали, бились, подергивались, будто в агонии.

- Все! Посиди-ка здесь с часок, - мать закрыла Вовку на щеколду и, что-то громко говоря, будто извиняясь, ушла в кухню доготавливать ужин.

...За окном было темно, сквозь полузакрытую штору сочился размытыми пятнами свет окон из соседнего дома, в большой комнате смеялся и плакал телевизор. Вовка лежал в своей кровати тихий, немой, пустой. Слез уже не было, внутри его была тишина. И горя уже не было - оно утекло туда, в дырочку ванны, разбилось эхом о стены, разалелось большим пятном на попе. Не было ни горя, ни радости - ничего. Вовка закрыл глаза и увидел темноту, полную темноту. В ней тоже ничего не было.

Он лежал неподвижный, немой, смирившийся, побежденный. Счастья уже не было. И несчастья тоже. Вообще ничего не было. Была просто темнота. Вовка провалился в эту мягкую, добрую темноту, утонул в ней, спрятался от желтых пятен на шторах, гудения телевизора, от пропавшего жука, от детей на улице - ото всего. Сон выплыл из этой темноты и проник в Вовку.

...Он качался на больших плавных качелях. Они - лодочкой - медленно взлетали вверх и также медленно опускались. А напротив него, на том конце лодочки стоял, держась за веревочки, его жук, только очень большой. А на груди у него были надписи "Говнюк", "Гадость", "Таракан", "Мерзкий", "Заразный", "Фу!". Вовка читал эти надписи раз-два-три-десять-сто, и качели взлетали вверх-вниз раз-два-три-десять-сто...

- Вовчик! - донеслось до него. - Вста-вай! В садик пора.

Он открыл глаза. Подслеповатое утро щурилось на него из окна. В большой комнате горел свет, а из кухни вкусно пахло жареной с луком картошкой. Начинался день, новый день.

Вовка сел в кровати, потянулся и случайно бросил взгляд на свой стол. На столе сидел жук и шевелил усиками.

Вовка свесил ноги с кровати, почесал спину, зевнул еще разок. Встал, надел тапочки и подошел к столу. Жук сидел на месте и как будто смотрел на Вовку. А тот нагнулся, внимательно и словно впервые рассматривая жука, как будто пытаясь разобрать, прочитать что-то на нем. Потом нагнулся еще ниже и понюхал воздух около жука, поднял руку, чтобы потрогать плотный рожок, но, подержав палец на весу, раздумал и убрал руку. Пошел в ванную, умылся, как-то особенно тщательно намыливая руки и лицо, вернулся в комнату.

Жук сидел на том же месте, будто ждал Вовку, будто говорил: "Смотри - я нашелся". А Вовка вырвал из тетради двойной лист, разорвал его на две половинки, одну подсунул под жука, а второй подтолкнул его. Свернул листок лодочкой, чтобы жук не скатился на пол, открыл форточку и выбросил все это на улицу.

ее все вместе откуда-то сверху, а она, как собачонка, лежала внизу под ними с неестественно подвернутыми ногами, задравшимся платьем и пыльными пятнами на кофточке. Надька снова вспомнила ту собачонку, которую так же обступили прохожие, и Надька с ними. А собака еще пыталась поднять голову и о чем-то просила глазами, выдавливая из себя последние, самые страшные звуки.

А теперь сама Надька лежала на полу, и смотрели уже на нее. А она не хотела этого - пусть уйдут, пусть уйдут, только не надо вот так - сверху. Сверху смотрят те, которым повезло. Сверху - обидно.

Кто-то уверенно раздвинул кольцо ребят, и Надька увидела перед собой физрука Пал Палыча. Он нагнулся, отчего его свисток легонько шлепнул ее по носу.

- Жива? А ну-ка... - он тронул ее подвернутую ногу - Надька вскрикнула и очнулась только в "скорой":

- Собака жива?!

- Что ты, милая, какая собака? Не было никакой собаки, - над ней склонилась женщина в белом. - Ты лежи, не шевелись - перелом у тебя. Все будет хорошо, ты только лежи.

...Она сидела у окна. Рядом с ней стояли большие облезлые костыли, взятые напрокат в больнице. На улице шел дождь, шел наискосок, отчего окно и то, что за ним, казалось зачеркнутым, неправильным, как в тетради с ошибками.

В доме напротив на балконе под навесом висела шкура рыси - там жил охотник, Надька знала это, потому что балкон редко пустовал: то медведь свесит свою большую голову и мохнатые лапы и сушится на солнышке, то лиса с лисятами, то ондатровая семейка чуть колышется на ветру, шевеля пустыми лапками. Теперь вот рысь. "А где то, что в них было?". И

Надька представила, что это она висит вот так же, свесив голову и руки, пустая внутри, и сушится. А потом ее бросят на пол и будут ходить по ней, будут радоваться и гордиться.

Дверь пискнула, в щелочке появился глаз. Он наблюдал за Надькой, а точнее - изучал ее. Вот дверь пропищала дальше, и вошел Лешка - четырехлетний волчонок-детсадовец - ее сводный брат. В руке у него была дедушкина палочка. Он крадучись и с опаской подошел к сестре, радостно ухмыляясь.

- Что тебе? - спросила она.

- Надь-ка...а Надька? А тебе боно?

- Да - больно, - она в который раз посмотрела на свою ногу, которая была большой, белой, каменной и совершенно чужой, как будто ее прикрепили к Надьке.

- Слышь, а где у тебя нога переломалась? А?

- Да вот тут, - она бережно положила ладошку на то самое место.

- Тут...Слышь, Надька, а ты мне вчерась по попе больно дала, - протянул Лешка.

- Что?

- Вот тебе, вот тебе, - он взмахнул палочкой и дважды опустил туда, где только что лежала Надькина ладошка. - Не догонишь, не догонишь!

Лешка радостно запрыгал на месте и победно завизжал.

У Надьки брызнули из глаз желтые искры, и все поплыло. Она встряхнула головой, сжала зубы, прогоняя боль, и схватилась за костыли: догнать! догнать! Но костыли выскользнули у нее из рук и упали прямо перед ней. Они лежали рядом, всего в полуметре от Надьки, но взять их было - никак. Она поднялась на одной ноге, выставляя другую, чужую вперед, допрыгала до кровати и рухнула на спину.

Надька плакала. На спине плакать было неудобно: слезы набирались в ямочки глаз и стекали на подушку медленными холодными струйками. Но Надька так и лежала: глаза в потолок, топя лицо в слезах. А в голове стучало: "Не догонишь! Не догонишь!".

И на миг мелькнули перед ней большие, прощальные, высвеченные болью глаза собаки.

Чашка

- Это все из-за меня. За ужином я размешивал сахар, дернул чашку - она упала на пол и разбилась, а сладкий чай пролился на папины брюки и обрызгал мамины тапочки. Папа шлепнул меня по затылку и обозвал "свиньей". А мама вскочила и закричала на папу, что он меня не любит, что он изверг, что ее он тоже не любит, а любит только себя. А папа сделал страшное лицо с глазами-щелочками, сжал кулаки и побледнел. А потом тяжело встал из-за стола и ушел к себе в кабинет и не выходил оттуда весь вечер. А мама сидела с минуту, молча глядя перед собой, а потом кинулась к телефону, вот так: в сладких тапочках. А чай стекал с клеенки тоненькой липкой струйкой на пол и брызгал мне на ноги. Я не мог встать и уйти: я, наверное, приклеился. И еще почему-то не мог плакать. Всегда мог, а сейчас не получалось: наверное, в горле тоже что-то слиплось, отчего я чувствовал комочек где-то посередине и не мог его проглотить. Я сидел и думал, что останусь здесь, за столом, навсегда.

Мама бросила трубку, вернулась на кухню, оторвала мои руки от стола и отнесла меня в ванную - отмываться. Она

молча терла меня мочалкой, терла как-то быстро и больно мои руки и ноги. А потом сунула мне полотенце и ушла отмывать пол в кухне.

А чашку бросила в ведро.

Мишка лежал в темной комнате. Сна не было, вот ни столечки не было. Ему казалось, что он один в мире. Мама спала в большой комнате на раздвижном кресле, папа затаился у себя. Плюшевый тигренок не хотел спать с Мишей и, отвернувшись, стоял на ковре в углу. И заяц не хотел. И старая машинка. Они отвернулись от него и притворялись спящими, но не спали - Мишка это знал - а думали о нем плохо и не хотели дружить. Мишка был один в комнате, в городе, на свете. Его никто не любил.

А чашка - та самая - лежала в ведре мертвой, расколотой надвое, никому не нужной. Завтра ее выбросят. А папа с мамой будут спать в разных комнатах. И ничего сделать нельзя.

Мишка выбрался из кровати, приоткрыл дверь и, зажмуря глаза, с протянутыми вперед руками, медленно пошел сквозь темноту. Растопырив пальцы, он щупал эту темноту и ощущал, какая она вязкая и теплая. Вот он наткнулся на дверь в кухню, вошел, нащупал железный гладкий бок холодильника, провел по нему ладонью, ощущая приятный холодок. Наткнулся. Вот и ведро. Мишка опустил в ведро руку и нашел половинки чашки, которые совсем остыли и на ощупь были плотные и безжизненные, как трупик хомячка, который недавно у них умер и которого Миша потрогал на прощание.

Чашка. Мишка взял ее половинки, нашарил на полочке клей "Момент", открыл колпачок и, вдыхая резкий и непонятно приятный запах, начал на ощупь намазывать острые грани. Клей лип на пальцах и тут же высыхал, оставляя не-

удобные нашлепки. Но Мишка мазал и мазал, складывал и складывал скользящие половинки. Наконец он почувствовал, что чашка стал снова живой, целой, округлой. Он осторожно положил ее на ладони и понес в свою комнату, пятясь задом, чтобы - Боже упаси! - не разбить, не выронить, не споткнуться.

А ночью ему снились папа и мама, которые спали вдвоем, обнявшись. Вдруг там, во сне что-то щелкнуло, и вдоль по рукам и ногам папы и мамы побежала черная трещина - и они раскололись, распались и лежали неподвижно, будто умерли.

- А-а...- Мишка дернулся и вскочил в кровати.

За окном было светло, и солнце трепыхалось в листве деревьев. Но в комнате ничем не пахло: ни тонкой стружкой крема для бритвы "Флорена", вытягивавшегося обычно из ванной, ни резковатым запахом кофе - из кухни. Утро не пахло, совсем не пахло.

Мишка вылез из-под одеяла, пошарил рукой под кроватью и нашел чашку. Он тихонько встал и на цыпочках прошел мимо спящей мамы в кабинет отца. Отец лежал, отвернувшись к стене и прислонившись к ней всем телом.

- Папа...- прошептал Мишка. - Па-па...

- А... - тот дернулся и резко повернулся.

Мишка держал чашку на вытянутых руках.

- Папа... Вот чашка...Я больше не буду ее бить. Вот чашка...

Отец смотрел на Мишку, а тот стоял по стойке "смирно", как у школьной доски, как на расстреле и протягивал, протягивал ему чашку с мутными потеками клея на стенках.

Дверь чуть пискнула. Из-за нее, прижав кулачком руку к груди, выглядывала мама.

Письмо Богу

Дорогой Бог!

Пишет тебе Ванька Жуков из Череповца. Я вчера смотрел у Витька телевизор (наш-то папка давно пропил) и узнал, что ты есть: там дяденька такой, с бородой и умными глазами, про тебя рассказывал. Говорил, что ты каждого из нас видишь и любишь. Это хорошо, что ты есть и что меня любишь, а то я не нужен никому, кроме Дружка (это во дворе у нас собака такая, у нее лишай был, вот она почти вся и облезла. Все ее боятся и гонят, а мне жалко). И меня, и его дразнят и играть не принимают, говорят, что у нас одна мама и что мы близняшки. Тогда я иду домой, сажусь у окна и смотрю. А Дружок положит мне морду на колени и просто живет. Но в шесть придет с рынка мама и его прогонит. Она говорит, что и так целый день в дерьме и с дерьмом - а тут еще и дома. Она на "Птичке" овощами торгует. С работы-то ее прогнали, она на ДОКе работала, чего-то там кому-то не дала - ее и сократили. Теперь у нее новый хозяин. Он к нам два раза в неделю приходит, вечером, когда папа пьяный спит. Мне дают два рубля и отправляют гулять. А мама одевает меня, странно так смотрит в глаза и говорит: "А может, останешься?..". А хозяин своей волосатой рукой достает еще рубль и подталкивает меня: "Иды-иды - на улыще харашо".

Я прихожу через час. Мама варит на кухне макароны и на меня не смотрит. Папа начинает ворочаться и мычать, встает, смотрит вокруг и спрашивает, какой сейчас день. Потом долго пьет воду из чайника, обзывает маму "сухой", одевается и уходит. А мы едим макароны.

А в школе меня совсем не спрашивают. Всех спрашивают, а меня - нет. И к доске ни разу не вызывали. А если я кому из

учителей нужен, то они говорят: "Жуков... - потом будто вспоминают что-то и машут рукой. - Ничего-ничего - иди".

К нам домой недавно две тетеньки приходили, в кожаных куртках, с папками - строгие такие, умные. "А где у вас ребенок слит? - спрашивают. - Вас же трое, а кровать одна". И на маму так смотрят, будто то ли ударить, то ли приласкать хотят. А она им: "А вы у отца его спросите, - где он спит". Повернулась и ушла. Тетеньки постояли в нашей комнате с минуту, пошептались - и тоже ушли. А потом пришел отец с тремя мужиками.

Дяденька Бог, возьми меня к себе. Я полезный. Я и уборку делать могу (меня наша классная хвалила, что я тщательный), и принести, если что надо. И ем я немного, мне уже почти и есть-то не хочется. Я умный и послушный. И никого не обижаю. И тебя во всем-всем слушаться буду. Возьми меня к себе. Только, пожалуйста, можно я Дружка с собой возьму. Он хороший, тихий. Можно, а?

Ванька

Он аккуратнo, в четыре раза сложил листок, посмотрел на него, вздохнул, разгладил ладонкой и запечатал письмо. Потом взял ручку и большими, красивыми буквами вывел: "Богу. На небеса. От Ваньки Жукова из Череповца".

Познание

1

- Мама, мы умрем?

Вовка стоял у решетки поминальных свечей, от которых волнами шло тепло и легкий, тревожный запах, и внимательно

но смотрел на распятого Иисуса и изображение головы Адама, из-под которой бульбочками выпирали кости.

- Что? - Мама повернула голову, а рука ее продолжала жить отдельно от нее: раз - два - три - четыре, ко лбу - к плечу - снова к плечу, потом на живот.

- Мы умрем? - и Вовка глазами показал на голову с костями. - Вот так?

- Умрем, но не совсем.

- Как "не совсем"?

- Ну так. Видишь, сколько свечей?

- Ну?..

- Каждая свечка - это просьба к Богу, чтобы он помог тем, кто умер, попасть на небо.

- На небо? Значит, мы умираем куда-то? Умираем на небо?

- Да... - мама неуверенно пыталась протиснуть свою свечку к свободному подсвечнику, но другие свечи не пускали ее руку, размахивая желтыми язычками огня.

- Как бабушка? - Вовка вспомнил холодное, деревянное лицо и руки бабушки, которая недавно не смогла проснуться и лежала бледная, желтоватая, неподвижная и очень чужая.

- Да, как бабушка.

- Но ведь она умерла не на небо, а в землю.

И Вовка вспомнил, как гроб, обитый красным, медленно тонул в глубокой яме, как его быстро-быстро забросали землей. И Вовке представилось, каково теперь бабушке там, в земле, и ему захотелось глубоко вздохнуть, взмахнуть руками и подпрыгнуть.

- Пошли, - мама еще раз перекрестилась, поклонилась голому несчастному дяденьке, у которого из ладоней торча-

ли гвозди и капала кровь, взяла Вовку за руку, и они вышли на свежий воздух.

- Бабушка сейчас там, - мама подняла глаза к небу. - А тело ее в земле.

- Как это?

- Душа ее вылетела из тела и поднялась к Богу.

- Душа?

- Да. Когда кто-то умирает, то душа прощается с телом, уходит из него - зачем теперь ей оно, мертвое, - и спешит к Богу, на небо. Там все души живут.

- А какая она, душа?

- Ну...такая, как...мотылек, с крылышками, хрупкая, прозрачная, красивая.

- А ты ее видела?

- Нет, не видела.

- А мы сейчас с душой?

- Конечно, мы же живые.

- А где она в нас, душа? - Вовка посмотрел в себя, пытаясь понять, где же в нем живет этот мотылек. Пробежал по животу, заглянул в грудь, попробовал увидеть изнутри свою голову и от напряжения замотал ей - нет, души он в себе не нашел. Он чувствовал себя большим ВСЕМ. И весь он жил ВМЕСТЕ.

- Ты чего раздергался?

- Mam, а во мне душа есть?

- Есть, есть, конечно.

- Как мотылек?

- Как мотылек.

- И когда я умру, она улетит?

- Улетит.

- А это больно?
- Что ты! Совсем не больно - приятно: она ведь к Богу.
- Значит, правильно, когда душа летит к Богу?
- Правильно.
- И приятно?
- Очень приятно. Да ты не бойся - тебе еще жить да жить, когда еще...

"Душа - мотылек. Когда она улетает - это приятно и правильно и совсем не больно. Только непонятно, где она. И какая. Эх, увидеть бы..."

Вовка шел всю дорогу домой, уже ни о чем не спрашивая и не смотря по сторонам. Он все тужился представить себе этого мотылька с прозрачными крылышками и не мог: тот маячил перед ним облачком и не хотел принимать ясных очертаний.

2

Вовка делал уроки в большой комнате, а мама гремела посудой на кухне - решила приготовить "что-нибудь вкусненькое", как, подмигнув, сказала ему, вернувшись с рынка.

Перед Вовкой лежал учебник "Естествознание", а в нем жили птицы, звери, а в самом начале книги был изображен большой полусогнувшийся человек, похожий на обезьяну, с каменным топором в мохнатой лапе-руке. Он зло смотрел на мамонта и, видно, хотел убить его и съесть. А мамонт мирно пасся и не смотрел в его сторону.

- Ма...А у первобытного человека была душа? Ма-ам?..

Вовка внимательно взгляделся в косматую фигуру и попытался представить, как из нее появляется маленький светлый мотылек. Но отчего-то вместо него представилась боль-

шая рыжая гусеница, которая вылезла прямо из живота человека и стала ощупывать усиками воздух.

Вовка мотнул головой. "Нет, наверное, у него не было души. Или она другая?" Он перевел взгляд на мамонта. Тот щипал траву и не ожидал смерти. "Сейчас этот как даст ему дубиной по башке, - вдруг подумал Вовка. - Мамонт умрет, а его душа...А у мамонтов была душа? Они же были живые. А какая она? Как у нас? И теперь живет на небе?" И Вовка представил облака, по которым, утопая в белом, бродили стада мамонтов, низко опустив хоботы. Ему захотелось спросить маму о душе мамонтов, но он побоялся, что она даст ему подзатыльник и скажет: "Не мешай и не говори глупостей".

Вдруг зазвонил телефон. Мама выбежала из кухни, на ходу обтирая руки о фартук, и взяла трубку: "Алло". Она заулыбалась и стала поправлять руками прическу.

"Это дядя Леша. Это надолго". Вовка обреченно сполз со стула и пошел в кухню попить водички. Он взял чайник, налил воду в чашку и вдруг замер, бросив взгляд на раковину. Там лежала курица. Она была без головы, с коротким бело-красным обрубком шеи. Вся она напоминала широкого человечка, который присел на корточки и согнул руки в локтях. Но середина человечка была разрезана пополам, и внутри что-то белело, краснело и чернело. Вовке стало страшно, но одновременно захотелось подойти поближе, посмотреть. Он поставил чашку, нагнулся над раковиной и стал рассматривать. Желтые пласточки жира нависали над двумя черными катышками. Вовка осторожно тронул их пальцем и отдернул руку - плотные, скользкие. Внизу, чуть обрызганные кровью, грудились желтые шарики, похожие на

маленькие яйца, одни - побольше, другие - совсем маленькие. Вовка, уже смелея, коснулся их пальцами и чуть нажал там, внутри, ощущая, какие они упругие, гладкие. "А у курицы есть душа? - вдруг пронеслось в голове. - Где она была? Может - тут, а может - тут? Она какая? А где она сейчас? На небе?" И опять перед его глазами возникли облака, а по ним разгуливали белые безголовые куры с красной разрубленной грудью, похожие на присевших человечков.

- Ты чего это? Ну-ка брысь отсюда! - мама вошла в кухню и шикнула на Вовку: - Чего смотришь?

- Мам! А где у курицы... душа?

Мама опустила руки и посмотрела сначала на Вовку, потом на курицу, потом снова на Вовку.

- У курицы?.. Да...наверное...нет никакой души. Ты что? - она сказала это так, как будто сама не была вполне уверена и боялась ошибиться: - У курицы?.. - она еще раз глубоко взглянула внутрь тушки и сказала: - Нет. Какая у курицы душа?

- Но ведь у нее вон, как у нас, внутри все есть. И глаза у курицы есть, и она ходит. И кричит. Значит, у нее есть свой куриный бог?

- Ну, если куриный, тогда... может быть, - мама как-то поновому посмотрела на курицу и вздохнула: - Тьфу, путаник, иди лучше уроки делать.

Вовка вышел из кухни.

3

Он долго ворочался в постели и никак не мог заснуть. Что-то мешало, будто он потерял ножик и не успел найти его, или хотел вспомнить слово, которое знал очень хоро-

шо, но это слово так и осталось невспомненным, просилось наружу, не могло найти выхода и стучалось, мешая спать.

Под окном выясняли отношения кошки, они шипели, плевались, вытягивали на все лады "мяу" и не хотели уступать друг другу.

- А у кошек... - успел подумать Вовка и уснул.

Ему приснилось, что он гуляет во дворе, в его знакомом дворе, с железной скрипучей качелью, с шинами, врытыми в землю, воротами, на которых висит ковер, высокими тополями, смыкающимися высоко-высоко над головой в один сплошной зеленый шатер. Вот пробежала Неска - соседская кошка - посмотрела на Вовку своими желтыми глазами, мякнула, вдруг встала на задние лапы и расстегнула себе грудь и живот. И Вовка увидел коричневые сплетения кишок, большое дергающееся сердце и какие-то черные, с красноватыми прожилками камушки по бокам. А Неска присела на корточки и стала совсем похожа на ту, из раковины, курицу. Вовка рванулся прочь от нее, а навстречу ему бежали две собаки. Увидев его, они остановились, присели на корточки и тоже расстегнули себя. Дворник дядя Толя, который невдалеке мел двор, подошел к Вовке, взял себя руками за грудь, распахнулся прямо с фуфайкой и стал показывать Вовке то, что в нем. Двор начал наполняться людьми, собаками, курицами и среди них - огромный мамонт, точь-в-точь как тот, из учебника "Естествознание". И все они задирали подбородки и расстегивались надвое, толпясь вокруг Вовки. А он уже не боялся, а внимательно смотрел в них и искал, искал, искал что-то, чего не было, но обязательно должно быть.

Появилась мама. Она растолкала всех и направилась к нему, поднимая руки к груди. Сердце у Вовки колотнулось, он дернулся - и проснулся.

"У них нет души. Я не видел. Нет! Но она должна быть, только надо внимательнее смотреть".

Он снова лег в постель, вытянул руки по швам и зажмурил глаза, ожидая, что сон вернется и он обязательно досмотрит, доищет. Но сна не было. Вовка лежал и думал:

"У Нески и собак в животе черное и красное, и у дядя Толи тоже, и у всех людей - тоже. Значит, они похожи, значит, у всех есть душа. И когда они умрут, то упадут и улыбнутся, потому что к Богу улетать приятно. А из них вылетит мотылек и уплывет в небо. Я хочу его увидеть. Я должен его увидеть. Должен.

...Перед Вовкой стояла бабушка. На плечах у нее была горстками насыпана земля, черная и мокрая. И руки были в земле. Бабушка улыбалась и манила Вовку. Но он толкнул ее в грудь и закричал: "Я не хочу в землю - там темно и страшно! Я хочу на небо и чтобы из меня вылетел мотылек. Я не хочу к тебе!

Бабушка покачала головой и исчезла.

Вовка снова проснулся. Ему было страшно, и он понимал почему. Мама сказала: "Умрем, но не насовсем", а мотылька не показала.

"Я не хочу туда, к бабушке, не хочу. Там темно и никого нет. Я хочу на небо. Душа! Мотылек! Где же она?" Вовка стал торопливо ощупывать себя, как тогда, но только плотнее: живот, бока, грудь, горло. Он вглядывался, вчувствовался в себя, пытаясь понять: где же она, где душа, где мотылек? Он должен быть, иначе невозможно, иначе страшно. А может, его вовсе нет? И Вовке стало пронзительно страшно

от такой мысли и захотелось рвануться и закричать во все горло, забиться, заколотить руками и ногами по кровати и звать на помощь ВСЕХ и просить их спасти его от того, что будет, от того, что, может быть, у него нет души. От того, что на его плечах когда-то будет лежать черная земля.

- А-а-а... - простонал Вовка, ткнулся в подушку и замер.

"Есть душа. Есть. Я узнаю, какая она". Он прокрался на кухню, открыл ящик серванта и достал широкий, короткий острый ножик, которым мама обычно резала мясо. Он сжал ножик в руке, прошел на цыпочках в коридор, нащупал свою куртку и спрятал его в потайной карман, проткнув подкладку, чтобы тот не выпирал наружу. А сверху положил перчатку, чтобы не нащупала мама. Потом так же тихо вернулся в свою комнату, лег в кровать и тотчас уснул.

- Вовчик! Вставай! Да вставай же наконец - тебе пора, - мама трясла Вовку за плечо: - Вставай! Вот как всю постель взбаламутил.

Он открыл глаза и ошалело огляделся. В окно сплошным золотым потоком лил солнечный свет, и в нем шевелились пылинки, поднимаясь вверх.

"Чьи это?.. - Вовка чуть дунул, и пылинки засуетились, занервничали и разбежались, но тотчас успокоились, собрались и продолжили свой неспешный красивый полет.

Вовка умылся и сел за стол на кухне в ожидании завтрака.

- А вот сейчас вкус-ненькое будет, - пропела мама. - И твоя знакомая тоже.

Она вынула из духовки куриную ножку, покрытую золотой хрустящей корочкой и ах! как пахнущую: чесночком, перчиком и еще чем-то острым, приятным, и положила на та-

релку перед Вовкой. Он взял за бульбочки-костяшки ножку, погрузил зубы в мягкую, истекающую жиром, ароматную, сочную плоть, оторвал кусок и стал жевать. И вдруг перед глазами возникла картина, та самая, из церкви: голова и кости под ней. Такие же, бульбочками, только побольше, но такие же. Вовка представил, как эти кости, еще с мясом, шкворчат на противне. И еще он вспомнил раковину, а в ней черно-красное чрево курицы. Этой самой.

"Курица умерла, дяденька умер, бабушка умерла".

И ему показалось, что он впивается, откусывает, жует жареную бабушкину руку. Оттуда, из земли. Вовка тяжело глотнул, удержал кусок в себе и положил ножку на тарелку.

- Ты что? Не вкусно?

- Да нет... Вкусно. Только лучше я бутерброд с чаем - чего не естся.

Мама обиженно пожала плечами:

- Не естся, так не естся. - И убрала ножку.

4

Вовка взял рюкзак, чмокнул маму в щеку, проверил, на месте ли ключ от квартиры и вышел на улицу.

Дядя Толя мел двор, кошка Неска сидела у подъезда на лавочке и умывалась. Вовка остановился, посмотрел на них, словно чего-то ожидая, а потом решительно зашагал в сторону от школы.

Метрах в пятистах от дома был пустырь, а на нем - старый, заброшенный фундамент, наполовину залитый водой и заросший дурной зеленоватой ряской. Здесь повсюду валялось битое стекло, обломки игрушек, рейки и всякая прочая гадость. Здесь же в несметном количестве водились

кошки, обжив эту территорию давным давно, когда Вовки еще и в помине не было. Их ловили, увозили на машине-фургончике, но кошки появлялись снова, будто из ничего.

Вовка спустился по исковерканным ступеням вниз, вглубь фундамента, нашел место, где воды не было и где свет проникал через недостроенное перекрытие, подобрал несколько кирпичей и сложил их рядом. Нашел короткий железный прут и положил тут же. Потом достал нож, потрогал лезвие пальцем - острое - и воткнул его в деревяшку, вымазанную цементом.

"Все".

Он выбрался наружу и огляделся. Слева слепила стеклами пятиэтажка, по тротуару шли редкие прохожие, глядя перед собой, еще дальше утренним веселым потоком бежали машины. Вовка посмотрел вокруг и увидел двух кошек, которые лежали друг возле друга, шевеля хвостами и не смотря в его сторону.

- Кис-кис, - Вовка достал из кармана завернутый в целлофан кусок курицы и на цыпочках пошел к кошкам, разворачивая пакетик: - Кис-кис...

Те повернули головы, напряглись и не поддавались угворам, тревожно глядя в его сторону. Но вот запах жареного долетел до них, кошки покивали мордами, нюхая воздух, и неуверенно замяукали. А Вовка подбирался все ближе, протягивая кусок на ладони. Одна из кошек, маленькая, рыжая, с линялой шерстью, в изнеможении от запаха сделала несколько шагов навстречу руке, коснулась носом куска и резко схватила его. Но Вовка тут же передернул руку и поймал кошку за шкуру. Та выпустила кусок и начала истошно мяукать и извиваться, стараясь задними лапами царапнуть Вовкину руку. Но он быстро скользнул по сту-

пенькам, прижал кошку носом к кирпичам, схватил прут и ударил ее по голове раз, два, три. Кошка дернулась и затихла. Лапы ее обвисли, хвост упал.

Вовка спешил. Он перевернул кошку на спину, прижал с двух сторон кирпичами, чтобы она не свалилась на бок, взял в обе руки нож и, чувствуя, что сейчас сам умрет от ужаса, от всего того, что он делает, воткнул нож в горло кошке и начал резать, резать, резать и смотреть, смотреть - где же? где? Кровь залила ему руки, в горле копился противный, сладкий комок, но он резал, резал и ждал - когда же? Нож уперся во что-то твердое и дальше не шел. Вовка раздвинул рану на груди кошки, сел и стал ждать. Но мотылька не было. Морда кошки запрокинулась и зависла, чуть оскалившись.

"Она улыбается. Когда улетаешь на небо - это приятно. Она улыбается. Но где же душа? Где мотылек?"

Вовка еще шире раздвинул рану, еще подождал - мотылька не было. Не было его и через полчаса.

"Значит, так?! Значит, у курицы, у кошки нет души?! И у мамонта нет?! А у нас есть! У людей есть! У меня есть душа! Я найду ее!"

Он вымыл в вонючей воде руки, толкнул ногой свой алтарь - и кирпичи коротко гроыхнули вниз, увлекая за собой то, что осталось от кошки. А Вовка, бледный, злой, смятенный, постоял еще с минуту, плюнул и решительно стал подниматься по ступеням.

5

- Тетя Даша! Вы Ниночки не видели?

- Нет, милая, не видала, не видала.

- Да где же она? Ведь все уже обегала. И у Юли нет, и в садике нет...

- Может, на пустырь ушла?

- Что вы - маленькая еще, испугается одна-то... Вова, а Вова, ты Ниночку не видел?

Вовка, белый, как мел, без кровинки на лице, весь какой-то каменный, шел мимо нее.

- Вова! Ниночки не видел?

- У нее нет...

- Что?

- Нет, не видел...

Вовка на паперти

Ценник на машинке не оставлял никаких надежд: 150 "Р" за "Волгу". Да это же просто наглость: немножко добавить - настоящую купить можно. Вовка уже видел, как он входит в класс, достает из рюкзака учебники, тетрадки и так - между прочим - машинку и начинает лавировать ею между "Чтением" и "Математикой", объезжая пенал и ручку. Открывает дверцы, багажничек... Эх! Мать сказала, что для такой игрушки он не в той семье родился и что ей и без того впору милостынню просить. Стоп!.. Милостынню... Вовка вдруг вспомнил, как они с мамой недавно были в церкви и как люди, выходя, бросали нищим монеты. Много, поди, бросают-то... А если?...

Назавтра у Вовки заболел живот и его пронесло (подсолнечное масло с солью действует безотказно). Мать всплеснула руками, засушила ему сухариков и велела сидеть дома.

Когда она ушла, Вовка достал из ниши старый отцовский пиджак, вышел на улицу, вывалял его в грязи, дал просох-

нуть и оббил комья, оставляя серо-бурые пятна. Для убедительности он оторвал две нижних пуговицы, а верхнюю, последнюю, распустил на длинную нитку, чтобы она жалостливо болталась посредине.

Затем надел свои прошлогодние штанишки, ставшие уже шортами-переростками, с дырками на коленках и вконец мятыми. Рубашку одевать не стал, напялив пиджак прямо на майку, в которой вчера весь день играл в футбол. Потом достал из кладовки отцовские штиблеты 43 размера, которые были припасены "для дачи", потому что давно уже "просили каши". Отрезал кусок бельевой веревки, подпоясался им, оставив концы на манер кушака, и подошел к зеркалу.

Жалко не было - было противно, словно его только что достали из мусорного бака.

Вовка всклокотал волосы, поставил их дыбом. Теперь на него из зеркала смотрел клоун-неудачник и вызывал не жалость, а смех и легкую брезгливость.

Тогда он достал пятак 1961 года, поскреб им по штукатурке, поплюнявил и нарисовал под глазом такой синяк, будто вчера дрался не на жизнь, а на смерть с самим Тайсоном. Стало жальче. Но еще не очень.

Он вытащил из дальнего угла старого плюшевого мишку, отодрал ему лапу, тут же на живую нитку пришил ее и сделал перевязь. Достал мамины маркеры и набросал небольшой плакатик: "Не бейте ваших детей и кормите их". Подошел к зеркалу, взял мишку на руки и сунул ему в лапы плакат. Стало совсем жалко.

Извлеки из ниши дедушкину шляпу зеленого покроя, которую моль уже устала есть, Вовка облачился окончательно

но и присел перед делом. Надо было бы еще поесть, но сытые глаза могли его выдать. "А - потерплю!"

Он выскользнул во двор и "задами" рванул по направлению к церкви. Ботинки слетали, мишка оттягивал пакет, шляпа сползала на нос. Но впереди - заветная "Волга", с открывающимися дверцами и всем-пре-всем остальным.

...У церкви на скамеечке из-под пива сидела еще вполне живая бабуся со скульптурно протянутой рукой. Около нее стояла маленькая баночка, вырезанная из бутылки "колы", в которой лежали пока две десятикопеечные монетки. Она не по-христиански зыркнула на Вовку и зашипела что-то сердитое. А он спокойно сел напротив, прямо на землю, подостлав две газеты "Речь", чтобы не так мерзла попа. Мишку он взял на руки, дав ему в лапы самодельный плакатик. И стал ждать.

Бабка шикнула было еще раз: дескать, чего тут - мал еще, и без тебя места в обрез - но, приглядевшись повнимательнее, мелко-мелко перекрестилась и шепнула через границу: "Хоть ел че седни-то?" Вовка грустно взглянул ей в глаза и честно мотнул головой. Старуха порылась в ржавой сумке и вытащила целлофановый пакет с печеньем: "На-ко, угостись..."

Вовка положил мишку, жадно схватил печеньюшку и стал глотать ее с такой яростью, будто отродясь ничего не ел. Бабуся еще раз покачала головой и вернулась наизготовку.

...С утра народ шел все больше "средний" : женщины с опечаленными, тревожными лицами, в темных платочках; еще не добитые старостью и страной старушки с одинаковыми коричневыми сумками; редкие полубеременные девицы. Они много и подобострастно крестились при входе и надолго исчезали в церкви. Проходя обратно мимо Вовки и старушки,

они замедляли шаг, делая выбор. Видно было, что решение доставалось им трудно. Вовка тем временем вел счет. К половине десятого было 11:4 в пользу детства и его, Вовки. Детей жалели больше. Один раз мимо прошла молодая мама с тоненьким, как свечечка, мальчиком. Она замедлила шаг, опустила на корточки перед сыном, что-то пошептала ему и сунула в ладошку бумажку, а потом показала в сторону Вовки. Мальчуган испуганно взглянул на Вовкин синяк и все остальное, но мать легонько подтолкнула его, прося о чем-то. Мальчик робко подошел к Вовке с протянутой, как у нищего, рукой, опустил в шляпу 20 рублей и заученно пробормотал: "Купи себе еды и никогда не болей, - а потом, видно, уже от себя добавил: - Как я". И ушел. Вовка сначала возликовал и обрадовался "двадцатке", но тут же почему-то ему захотелось встать, догнать мальчика и сделать ему что-то хорошее. Но пока он решал - что, мама с сыном медленно исчезли за поворотом. А бабка зашипела: "Прячь деньги! Прячь куда-нибудь: видишь - Михеич идет: враз отберет. Прячь!" Вовка, не успевши испугаться и понять, кто такой Михеич и почему его нужно бояться, - все же запихал все бумажки в карман, а прочую добычу сжал в кулачке.

- Да пяточка-то два-три оставь, дурень, - не унималась старуха, - а то не поверит. Вот и у меня раньше...

Вовка послушался и оставил несколько монеток. И вовремя: подошел Михеич.

То, что он Михеич, Вовка догадался сразу: ясно было, что ни имени, ни фамилии тот отродясь не имел, да и не нуждался в них. И еще было совершенно очевидно, что и деды, и прадеды его тоже были Михеичами.

- А этот че тут? - прищурился он Вовке. - Пошел отсель.
- Дяденька, - пропел Вовка.
- Пошел-пошел. Или гони монету.
- Да у меня... - Вовка развел руками над шляпой.
- А если потрясти, а?

Бабушка вступилась:

- Да отстань ты, ирод, от мальчонки. Вишь - оголодал, печенье-то вон чуть с рукой у меня не оторвал.

- Ну и что? - Михеич нависал над Вовкой. И тут Вовку осенило:

- Ой, дяденька, а я вас вчерась, вроде, видел. Это не вы вечером лезли по трубе на балкон пятого этажа во-он того дома? Вроде бы даже очень похожи.

- Че?.. - Михеич замер. - Никуда я не лез.

- Нет-нет, как же! А утром у того подъезда милиция стояла - квартиру, говорят, обчистили.

- Иди ты... - как-то неуверенно и трусовато ругнулся Михеич. - Да че он, Петровна, такое говорит?!

Но Петровна подозрительно молчала.

- Тьфу! - в сердцах плюнул Михеич и, матерясь, ушел.

- Неужто он? - зашипела заговорщически бабка, прищурив глаза. - Ну шельма.

- Может, он. А может, и не он... - посмотрел вслед мужику Вовка.

... К церкви подкатил свадебный кортеж, утроивший прибыль и Вовки, и его поделницы.

... Опечаленный грузин долго смотрел на Вовкину шляпу и мишку, будто вспоминая что-то, потом присел рядом с Вовкой на корточки и спросил: "Плехо, да?" Вовка кивнул. Гру-

зин засунул мишке за рану 50 рублей, вздохнул и укатил на своем "ниссане", как-то резко и грустно рванув со старта.

Очень хотелось есть, но Вовка терпел и все явственнее представлял, как завтра купит свою замечательную "Волгу", теперь уже точно - уже хватит.

... Прошла женщина, вся закутанная в черное, задержалась рядом с Вовкой, положила денежку и, то ли всхлипнув, то ли зарывав, быстро ушла прочь.

... Внесли и вынесли покойницу - и снова в шляпу упала мелочь.

Бабуся с уважением сказала: "Ты, милоч, к праздникам, к праздникам показывайся, вот и Пасха совсем рядом. Тогда хорошо подают. А я тебя не погоню - ты не бойся".

И вдруг Вовка заметил, как под руку с молодым человеком к нему приближается его "классная" Наталья Павловна. Он похолодел, вытряхнул все деньги из шляпы и нахлобучил ее аж до самых глаз, опустил взор долу и протянул руку. Они подошли, и Наталья Павловна покачала головой: "Боже мой, бедняжка. Наши-то зажрались, учиться не хотят, а этот - на хлеб просит. Виктор..."

Молодой человек понимающе кивнул и достал бумажник. Он передал Наталье Павловне "десятку", она опустилась перед Вовкой, пытаясь заглянуть в глаза:

- Тебе, малыш, лет-то сколько?

- Восемь.

- А почему не смотришь мне в глаза?

- Стыдно, - честно признался он.

- Ну ладно - вот твоему мишке, он, наверное, тоже голодный. - И она положила мишке под раненую лапку зеленую бумажку и конфетку.

"Скоро мать с работы придет, - совсем нерадостно подумалось Вовке. - Пора".

- Прощайте, бабушка.

- Прощай, прощай, милоч. Господь с тобою.

И Вовка, вспомнив о чем-то, поднял голову вверх - туда, где светились два золоченые креста, светились и словно плыли в облаках. Он неопытно поднял руку и медленно перекрестился. Бабуся смотрела на него и качала головой.

... Назавтра Наталья Павловна как-то очень значительно, торжественно вошла в класс, сделала должную паузу и сказала: "Ребята, у нас сегодня сочинение на свободную тему "Нужно ли подавать милостыню". Я расскажу вам маленькую историю об одном мальчике".

Вовка опустил голову.

...Он стоял перед витриной. Вот она, машинка. С багажничком, дверцами. И совсем не дорого: всего 150 рублей. Иди в кассу, плати деньги, бери и уходи радоваться. И еще на двадцать мороженных останется. Но он не мог. Постояв еще немного, Вовка вышел из "Детского мира", и ноги сами понесли его к церкви.

Бабушка сидела на том же самом месте в той же скульптурной позе "с ладошкой". Она пропела мимо Вовки: "Подайте Христа ради". Он остановился около нее, а старушка и не узнала в этом обычном школьном мальчишке своего вечерашнего товарища.

А Вовка вытащил из кармана все двести с лишним рублей, украденных у Бога, и положил в баночку. Бабушка встрепенулась и растерялась настолько, что забыла поблагодарить, лишь моргала да крестилась.

- Бабушка, вы помолитесь за того больного мальчика с мамой. Помните - что вчера приходили. Я не умею...

Он поднял голову вверх, как тогда. Крест так же мирно плыл в поднебесье, и небо как-то особенно спокойно обтекало его, искрясь солнцем на гранях. И в памяти Вовки сами собой всплыли подслушанные где-то строки:

И крест плывет под небесами
Безбожной родины моей...

ШКОЛЬНЫЙ РЮКЗАК

Когда тебе за сорок - в школу тянет, класс этак в шестой, седьмой, когда уже что-то начал понимать и еще от этого понимания не устал; когда вдруг начинаешь подозревать, что косички у девчонок - это не только для того, чтобы за них дергать, а классная руководительница Наталья Пална - не только страшное и громкое, но если взглядеться повнимательней, что-то оттуда, из твоих странных снов, после которых волнуешься и не знаешь, как это волнение избыть. Когда любой ржавый болт на дороге - драгоценная находка, а сэкономленный на обедах рубль - состояние. Когда жарить на прутике над костром стащенный из школьной столовой черный хлеб и, хрустя его пахнувшей дымком корочкой, чувствуешь себя на вершине блаженства. Когда впервые затягиваешься самой настоящей сигаретой и видишь, как все вокруг плывет и шатается. Когда...

Я решительно шагнул в комнату Вовки (это мой пятиклассыш), воровато огляделся - никого, схватил его рюкзачок, оторвал его после второй попытки от пола и быстро-быстро прошмыгнул к себе. Что там? Ну-ка!

На свет божий появились учебники. На "математике" как раз посередине было углубление, будто ей долго и точно били о чью-то голову. "Русский" напоминал бомжа средних лет: его обложка еще пыталась делать вид, что она на самом деле обложка, но уже заросла по краям бахромой. А на "географии", кажется, обедали всем классом. "Чтение" рассыпалось на части, после 15 страницы шла 58, а затем почему-то третья. Я прочел: "Серая Шейка сломала крылышко..." - перевернул - "...и закинула его высоко за облака". Бр - р - р... Я невольно представил себе этот акт мазохизма и захлопнул книгу. "Английский" чувствовал себя лучше - как "бакс" перед рублем. Он лежал в отдельном карманчике и не хотел ни с кем из наших знаться. Я вспомнил: "Нет кайфа в лайфе - хоть фэйсом об тэйбл" и, усмехнувшись, открыл наугад страницу. Там лежала бумажка-памятка со словами: бук, пис, риве, ай эм попил, ве, хуйс. Тьфу! До глубины души оскорбившись таким переводом, я захлопнул учебник. Чему учат! Чему учат! Хочешь вот так обучиться - иди к заводской проходной после смены и мужиков наших внимательно слушай - вот тебе и весь английский. Ученички!

Дальше на свет божий вылез англо-русский словарь. Он упирался и вылезать не хотел, но я поддел его с уголка и выудил. Казалось, он впервые смотрит на свет: такой холерный, толстый, новенький. Помнится, я подарил его Вовке еще в "третьем". Он очень обрадовался такой умной книжке и сразу навсегда запихал ее в рюкзак.

Тетради. Уголки потрошенные, мочалистые, вид похмельный. Они будто смотрели на меня и спрашивали: "Эй, мужик, чё за базар? " Базара не было, обложек на них - тоже. Я открыл одну, по истории. На листке стояли даты: 1380 - Барадинская битва, а под датой мултузили друг дружку дубинами, мечами и топорами человечки кавказской национальности и наши. Причем в руках одного из наших был флаг с пятиконечной звездой, а рядом стояла небольшая гаубица времен Второй Чеченской войны. Далее следовало: 998 - Крещение Руси и изображалось, как примерно все это происходило: огромный поп в черной рясе с глазами ~~Жириновского~~ Жириновского загонял маленькие фигурки в речку. В одной руке у него был огромный крест, которым можно было выгнать из Руси не только татаро-монгольские орды, но и всю армию Гитлера вместе с полчищами Наполеона. А в другой - мечище, с которого стекала в речку кровь ТАКИМИ каплями, будто батюшка только что зарезал диплодока.

Я с облегчением вспомнил, что крещеный, так как после такой наглядной агитации едва ли сподвигнулся бы переступить порог церкви.

Тетрадь по математике была озаглавлена следующим образом: "МАТ-И-МАТИКА".

Я попытался было представить себе эту супружескую пару, но дальше соседней слева моё воображение не шло.

У тетрадей по русскому языку были хронические критические дни, особенно у тетрадей для сочинений: все страницы тонули в подчеркнутых и перечеркнутых красным словами, буквах, знаках, Я вчитался в одно предложение: "Он шлепнул меня пониже спины между лопатками". Я попытался было вообра-

зять себе этого спиножоба, но не смог и перевел глаза на концовку следующего сочинения "Как я провел лето". Она гласила: "Когда папа лежал пьяным, а мама уходила к дяде Боре, мы с евоными девчонками шли на ночную рыбалку".

"Ах ты!.. Ах так?.. А эта б.... такая! И этот, мелкий, паразит! Ну я им! И что он там за рыбу с "евоними девчонками" ночью ловил?" - сплошным потоком пронеслось в голове. Ладно. Выкурив две сигареты, я продолжил обзор.

Из тетради по литературе выпала записка: "Нинка, а у тебя трусы черные". И ответ: "Не тебе их снимать".

В боковом кармане оказался дневник. Он долго не хотел вылезать, цеплялся уголками за молнию кармашка, но, видимо, осознав решительность намерений, сдался и уныло предстал передо мной. Полистав его, я убедился, что, оказывается, прилежно выполняю обязанности родителя: везде, во всех графах "Подпись родителей" была моя "закорючка", хотя с сим документом мы явно не были знакомы. "Замечен в курении" - подпись; "сорвал урок" - подпись; 15 двоек за неделю - подпись, "ругался матом на девочек" - подпись. Как будто я своей твердой рукой благословлял сына на эти подвиги и был с ними вполне согласен.

После декабря в дневнике шел март. Под чем я подписался в январе и феврале - останется тайной.

На дне рюкзака я нащупал что-то плоское. Это был мой старый портсигар, потерянный позапрошлым летом. В нем - две мои "примы" и пропавший презерватив без футляра и женина зажигался "с девочками". Все это, наверное, ждало своего часа, или было предметом меновой торговли, или деталями хорошего вкуса.

Я не стал более утруждать себя поштучным знакомством и вытряс из рюкзака всё оптом. Первым грохнулся кухонный нож с обломанным острием. На него с глухим зловещим звоном посыпались стреляные гильзы от "киллерского" ТТ и палочки от чупа-чупсов, а также роты две солдатиков. На них рухнула оббитая шайба НХЛ и маленькая ржавая монтажка. На все это зазвякали девальвированные полтинники и поверх распластался пенал с одной-единственной обгрызенной ручкой и памятной надписью на боку: "Мой - Коляна".

Я хлопнул рюкзачок по донышку - последним вывалился рисунок, по которому я убедился, что физиологи мой отпрыск знает плохо: на рисунке было изображено мохнатое мужское тело со следами видимого вожделения вниз, которое, распахнув руки, чего-то хотело от тела женского, имевшего руки-палки, груди матери-героини и таз для рождения бегемотов. А снизу стояла приличествующая подпись: "Вася любит Олю". Я вспомнил фигуру моей Нинки и испытал тихую радость за себя и сострадание к бедному Васе.

Да, мой сын явно готовился к настоящей жизни. Не той, где "Волга впадает в Каспийское море" и "пятью пять - двадцать пять", нет - к настоящей. Я потрогал гильзы от ТТ и мне показалось, что они еще теплые. Взял нож, но следов крови на нем не обнаружил. Хотя, судя по дневнику, парень предусмотрительный.

Я сидел посреди этого погрома и грустно курил. "И это мой сын?!" - спросилось во мне трагично. "А чё? Ты вот так сможешь расписаться за начальника? Нет! То-то - гордись", - бодро ответилось там же.

...Пискнула дверь за спиной. Я дернулся и сжался, вспомнив и гильзы, и огромного попа с мечом...

Один дома

- Никому не открывай. Спички не бери. Не сори. Никуда не лезь. Колбаса - в холодильнике. Чайник - на плите. Буду вечером. Если смогу, позвоню. Всё.

Чмок - хлоп - звяк. И Вовка остался один в тишине, которая была и страшной, и интересной, особенно в папином кабинете и маминной спальне, куда его не пускали.

Не теряя времени, на цыпочках, млея от страха и восторга, Вовка прокрался на запретную отцовскую территорию. Пахло книгами, пылью и большим потным мужиком. Вовка открыл ящик стола и ахнул: вот это богатство! Возле плотненькой пачки "десяток" лежала перламутровая зажигалка с инкрустацией, выкидной ножик, карты с голыми тетками, обойма плоских цветных шариков в прозрачной упаковке, раскрытый блок "Мальборо", какие-то таблетки и записные книжки. Всего этого Вовке показалось так много, что он решил поделиться с отцом: выудил из пачки две "десятки" поновее, отстригнул от обоймы три красные шарика и спер голую тетку, которая будто что-то искала на полу, чтобы завтра подразнить в школе Светку: "Это ты! Это ты!" Зажигалку он тоже прихватил, но на время - поиграть. И еще выковырял две приятно пахнущие "мальборины" с золотыми ободочками.

У мамы пахло мамой, но так, будто их было много: приторно и густо, аж в носу пощипывало. Ничего интересного не было: склянки, баночки-фиганочки. Вовка порылся в бельевом шкафу и увидел набор лифчиков. Он взял один, напялил на себя, подложив для балласта пару апельсинов из холодильника. "Господи, и как они это носят?! Как оттягива-

ет! Бедные, ох бедные". Вовке представилось, что эта тяжесть навсегда, и он еще больше пожалел маму и все женщин. "Возьму-ка я один - у Нинки на контрольную сменяю". И сунул добычу в портфель.

В комнату заглянула Муська. Вовка взял ее на руки, но сморщился: от кошки пахло пыльной шерстью и лежалым войлоком. "Ну, Муська, и вонючая же ты. Давай я тебя почищу". Он достал пылесос и, придерживая кошку рукой, включил его. Она заорала, словно почуяв свою судьбу, но Вовка крепко держал ее и ласково водил щеткой по шерсти, приговаривая: "Чистенькой будешь, пушистенькой". Но Муська пылесоситься не хотела, вопила и рвалась на волю. И вот наконец, оставив полшерсти в утробе пылесоса, она вырвалась и с бесноватым "я - я - а - у" заметалась по квартире.

"Не хочет. Ладно. Я её лучше в "Тайде" замочу: после него все такое чистое и свежее". Но в "Тайде" Муська замачиваться тоже почему-то не хотела, и, просидев с пеной на морде с минуту, она противу всякой инструкции рванулась из тазика, разбросав "замочку" по всей ванной. Глаза у нее из круглых стали почти квадратными, бедняжка забилась под ванну и сидела там, протестуяще урча, пока Вовка ходил за маминым феном.

Сделав Муську вполне красивой, Вовка бросил взгляд на полочку, где лежала папина бритва. Он взял ее и потерял свой подбородок. Хотелось бриться, но брить было нечего. И вдруг он вспомнил про мамин кактус у компьютера, который питался излучением и был похож на головку молоденького инопланетянина. Вовка принес кактус в ванную, взял помазок, намылил шершавую головку и с удовольствием её выбрил. Ах! Красота! Скорее бы и у меня...

Зазвонил телефон. Мужской голос поздоровался и попросил передать маме, что завтра в шесть у нее деловое свидание с Сергеем. Пусть не забудет реквизиты.

Тут же позвонила бабушка: "Вовчик, как ты там один? Мне не прийти: сердце пошаливает, неровен час - помру".

И сразу же позвонил женский голос, просивший передать папе, что на домне критическое состояние и без него не могут.

Вовка запутался и решил записать всю эту галиматью. Он взял листок и стал вспоминать: "Мама, у тебя в шесть свидание с Сережей, Не забудь взять... - как их... как её, ну эту: рекви... рекзи... рези...а! - резину". "Папа, у тетеньки Доны критические дни, она не может". "Наша бабушка умирает и пошаливает".

Но записки показались ему слишком скучными, бесцветными. Он взял фломастеры и сделал приличествующие иллюстрации: мама стояла под часами в коротенькой юбке с воздушными шариками в руке, а рядом с ней был тот самый деловой Сережа. Бабушка лежала в гробу и показывала из него огромный язык. А перед папой стояла тетя и виновато разводила руками, дескать - ну никак. "Во - теперь не скучно". Вовка укрепил записки скотчем на зеркале в прихожей, чтобы они сразу бросались в глаза.

Захотелось есть. Колбасу они с Муськой давно уже слопали, лифчиковые апельсины Вовка съел сам. Надо было искать пропитание. Вовка прошел на кухню и открыл холодильник. Там толком ничего не было, не считая опротивевшего масла и молока. Он открыл морозилку - курица! Ура! Вовка вспомнил, как мама включала духовку - и через десять минут по дому гулял ароматный душок жареной куриной корочки.

Он сглотнул, вытащил курицу, включил духовку и сунул тушку на противень. А чтобы поскорее сделалась, врубил газ на "полную". Полинявшая Муська одобрительно кивала вслед курице, благоразумно забыв о "парикмахерской".

В дверь позвонили. Вовка вздрогнул. Ключи - у родителей. Бабушка - помирает. Кто бы это был? Он на цыпочках пробрался в коридор и прислушался. Позвонили снова. Вовке стало страшно, но интересно. Открывать было нельзя, но говорить-то можно. "Кто?.." - робко спросил он. "Телемастера вызывали?" Вовка подумал: "Ага, а есть еще телеграмма, слесари и милиция. Дудки - нашел дурака. Ясно дело - ворюга". И ответил: "Нет, не вызывали". "Это квартира Гусевых?" - просили из-за дверей. "Нет, Гусевы напротив. Только там бабушка старенькая, вы стучите громче, а то она почти ничего не слышит". Бабушки в квартире напротив не было, но была хорошая сигнализация... Когда через полчаса парни из "Торнадо" потащили брыкавшегося и отбившего кулаки о дверь телемастера по лестнице, Вовка с чувством выполненного гражданского долга вернулся на кухню.

Там пахло. Но не курицей. Из духовки валил дым, а Муська, прижав уши, нюхала запах катастрофы, Вовка испугался, выключил газ, открыл духовку, отпрянул от смердящего чада и, налив в кастрюлю воды, бухнул ее внутрь. Уф-ф-ф! - кухню вмиг заволокло паром.

Когда все это безобразия рассеялось по квартире, Вовка достал курицу. Цветом она была вроде потомственного негртенка из Конго. "Да... Жаль. А может..." Он вспомнил, как однажды в Сочи сгорел на пляже и как мама растирала его кремом "После загара"... Когда крем впитался в курицу

полностью, Вовка решил попробовать блюдо. До туалета добежать он не успел, разрешившись по ходу следования прямо на ковер.

Уставший после уборки, он сел в кресло и тотчас уснул. Проснулся он от громких голосов в коридоре:

- Ну и с... же ты!

- Сам такой - не видишь! Боже - мама же помирает!..

И Вовка услышал, как кто-то рванул телефонную трубку.

Один дома-2

- Не-е-е-т! Не останусь я! Я ма-а-аленький! - Вовка цеплялся за мамино пальто, дернул за рукав, отчего помада в маминой руке сделала "вьють" - и родительница стала похожа на недорисованную индианку. Вовка на миг перестал реветь и хохотнул, но тут же получил подзатыльник:

- Нет! Останешься! Сидеть с тобой некому, а мне к... подружке надо. Я через часика три, ну - четыре, вернусь. А к тому времени и папа, может, появится. Всё - пока.

Дверь хлопнула - и Вовка снова остался дома один. А тут еще эти фильмы. Ему сразу вспомнился Фредди Крюгер со страшными пальцами-ножами и хрящеватой мордой. И мерзкие привидения, которые вылетали из отдушин. И рой тараканов, волной захлестывающий комнаты и объедающий его в мгновение ока до молодых косточек. И толстые крысы, которые быстрой цепочкой выныривали из унитаза. И воры в чулочных масках или переодетые милиционерами. Ох!

Он вбежал в детскую и громко включил свой телевизор. На экране высветилась во-от такая рожа инопланетянина, вытянула губы, похожие на клюв, и под заунывную мелодию сосала какого-то человечка, который отбивался и хотел жить. Нет! Вовка выдернул шнур и включил в отместку приемник: ему хотелось, чтобы рядом был человеческий голос. С ним не так страшно. Из репродуктора кто-то строгий и встревоженный произнес: "Пропал мальчик. Семь лет. Приметы..." Вовка дослушал и прикинул: приметы сходились. "Неужели они все заранее знают?.." Он дернул колесико на другую программу. "Двери "Редут" - украсть не дадут!" - раздалось бодро и сурово. Вовка вспомнил о своих деревянных дверях и понял: если уж придут, то обратно - только прихватив его. Лучше если не по частям. А еще лучше живого".

Он забрался в нишу и закрылся на крючок, отгородив себя от этого страшного мира. Но вспомнил, как папа поучительно сказал как-то: "Клаустрофобия! - и, подняв палец вверх, со значительностью добавил: - Это, дружок, такая штука, когда стены на тебя давить начинают". И стены сразу начали давить на Вовку, сходитья и сжиматься прямо на глазах. Даже полочки потрескивали.

Он пулей вылетел из ниши и остановился посреди комнаты. "Пропал?.. Ну уж нет. Ну уж дудки! Надо защищаться!"

...Папа открыл первую дверь и удивился: вторая была полуоткрыта, и свет в прихожей, противу правил, не горел. "Непорядок!" Он взялся за ручку, двинул дверь вперед - на голову ему обрушился поток ледяной воды, после которой шла большая алюминиевая кастрюля. "Ах ты б..." - кратко, но точно резюмировал ситуацию папа.

Он попробовал встать и принятаться действовать, но рука

от дверной ручки не отрывалась. Он принялся и совсем приуныл: в ноздри шибал знакомый запах суперклея. Посидев с минутой в мокром пальто, с шишкой под шляпой и рукой на ручке, он вдруг вспомнил, что мужчина и решил бороться. С трудом, оставив полкожи на ручке, он отодрал себя от дверей и, заливаясь матом, протянул руку к выключателю. Мат пропал сразу, вместе с сознанием. Последнее, что помнилось: красноватая вспышка и трясун во всем теле.

Придя в себя через полчаса от боли в руке, он встал на карачки и принял боевую позу аризонского быка. Мысль "за что?" в голову не приходила: раз бьют - значит, так надо. Поэтому совершенно по-русски решив позже выяснить причину, он стал готовиться к бою со следствиями. Медленно, чуть пригнувшись, он сделал два шажка в полной тьме. Правому колену мешала какая-то веревочка. Он брыкнул ногой и через миг понял, что зря, поскольку позавчерашняя каша, забытая на плите, была очень вонючей и противно текла по ушам, капая за воротник и шибая в нос.

Медленные действия успеха не имели, тогда он решил сразу идти на пролом и с отчаянным "бля-я-я-я!" рванул на четвереньках в комнаты. Но тут же поскользнулся всеми четырьмя лапами и рухнул в лужу подсолнечного масла "Идеал". Полежав чуток, он снова решил сменить тактику и начал понемножку подниматься, покапывая маслом и кашей, которые, смешавшись, образовали запах, заставивший бы бежать скунса.

Мат - кончился. Боевой порыв - тоже.

- Света-а... Вовка-а, - протянул он пораженческим голосом. - Где вы? Что это?

Тишина.

Нести себя и все, что на себе, в квартиру не хотелось, а

поэтому он ретировался по знакомому следу в ванную, пятясь задом, ретировался, чтобы смыть следы позора. К выключателям папа притрагиваться больше не решался, поэтому, на ощупь раздевшись и сбросив все, включая трусы и майку, в ванную, хотел было включить воду. Но струсил. Тогда он нащупал зубную щетку и неуверенно потыкал вентили крана. Вроде, ничего. Тогда, осмелев, он включил воду - и получил точную струю прямо в морду из душа, укрепленного как раз напротив, прилепленного изолентой к скамейке.

Разминировав сооружение, нервически покашливая, папа все-таки сумел отмыться и, набросав по ходу недавнего следования тряпок, сделанных из костюма, голый и бледный, решил на вторую атаку. Он тихо вошел в зал, чуть задев ногой ниточку. Раздалась пулеметная очередь, два выстрела из "базуки", над ним спикировал истребитель и сбросил бомбы, потом раздался залп из "града". Отец ничком, как учили в армии, упал на пол и прикрыл от осколков затылок. Стреляли минут десять, пока не кончилась пленка в магнитофоне. Наконец все стихло. Осторожно поднявшись, родитель решил на всякий случай вооружиться и попятился в кухню, высоко поднимая ноги. Пятился он до тех пор, пока в задницу ему не воткнулся большой кухонный нож, укрепленный на стуле уже известным способом. Чуть-чуть побегав кругами по большой комнате, пытаясь зажать рукой ранку, отец с ужасом и тихой радостью представлял себе, что было бы, если бы он двигался в кухню иначе. Но тут под ногами заелозили гутаперчивые шарики. Сделав в воздухе красивое "па" на манер Брюса Ли, папа рухнул на пол раненой задницей, взвыл от боли, снова вскочил - и снова под ногу ему подкатился услужливый шарик.

Оставляя за собой кровавый след, он дополз до Вовкиной комнаты, рыча и урча не своим голосом: "Убью! Доползу - но убью и сожру!"

И вдруг во мраке раздался голос, идущий словно из подземелья, ровный и страшный:

- Кто ты? Зачем ты тревожишь меня?

Отец как-то вдруг сник и проямлил:

- Я - это - живу я здесь... живу, значит.

- На колени! - посоветовал голос.

Папа покорно последовал совету, чувствуя, как кровь из попы багрит его пятки, в которых молоточком бьется сердце.

- Готов ли ты принять смерть? - еще более убедительно спросил голос.

- Нет... не готов, - честно признался отец.

- Тогда...

Родитель не стал дослушивать - вскочил с колен и с пороссячим криком понесся прочь из квартиры, разметывая все на ходу. Поскользнулся в том же масле, шлепнулся в него кровоточащей задницей, вскочил и в чем мать родила вырвался на лестничную площадку.

Перед ним стояла соседка Зина. Она выронила все что было в руках, и это "все" грохнулось, кокнулось, расплываясь яично-кефирной лужей. А папа упал Зине на плечо, обнял её и по-идиотски, но счастливо расплакался. А она расставила руки и с круглыми-прекруглыми глазами слушала его истерический радостный смех.

По ступенькам поднималась жена Света.

А Вовка выглянул из-за дверей и виновато протянул: "А-а-а, это ты, папа. А я-то уж думал..."

Трус

- Они смеялись. Они надо мной смеялись. Ленка что-то шептала Оленьке, косясь в мою сторону и прыскала смешками, будто плевалась, а Оля слушала, тянувшись ушком к ее губам, будто по телефону разговаривала (да-да, вот так, чуть склонив голову набок). И ей было интересно и радостно. Она стала тоже покалывать меня глазками, а в уголок рта поползла ядовитая улыбочка. Да, им было весело, а еще, кажется, немного противно на меня смотреть. Да - весело и противно. Так на жука смотрят, у которого лапки и усики оборваны: ну-ка, ну-ка, а что теперь эта козявка делать будет? Ах, как извивается, ах, как дергается! Б-рр, как здорово! А я и был этим жуком.

Вовка, как на экране телевизора, вдруг увидел себя, брошенного на пол около классной доски, брошенного прямо на крошки мела и грязные следы. На нем сидел Витька-куча и елозил по Вовкиному лицу жмаканой тряпкой, которой только что вытирали доску. От тряпки противно несло чем-то сортирным, унитаэным, рвотным. "А вот сейчас мы чистенькими будем, умоемся, прилижемся, Ну не брыкайся, не брыкайся, не надо, что же ты, гаденыш, дергаешься?" - Витька прижал коленкой одну руку Вовки, а вторую крепко держал Павлик, отчего можно было только мотать головой, выть и отплевываться, спасаясь от тряпки. Но не получалось. "Да она совсем сухая - непорядок!" - Витька громко плюнул на тряпку и втер плевков в Вовкины губы - "Вот теперь самое то, вот теперь мы и умытенькие. Будешь, сучонок, еще дергаться?" Витька вжал напоследок тряпку в Вовкин нос, медленно поднялся, бросил Павлику: "Пошли - хватит с него", - и победно вышел из класса.

Несколько секунд Вовка неподвижно лежал в той же скрюченной позе, в которой его оставили, лежал молча. Что-то тяжелое, каменное стало в горле и не давало выдавить из себя ни звука. Но вот слезы нашли в этом комке щелочку и с глухим воем просочились наружу. Он изогнулся, встал и тупо обвел глазами класс.

Юрик-радость моя и Сашенька-шептун сидели на своей первой, "внимательной" парте для "хорошеньких" и испуганно, но с интересом смотрели на Вовку. "Боятся, что их так же..." - мелькнуло в его голове. Колька-псих и Пашка-пузо замерли в той же полупозе, в которой застала их драка: один передавал другому мяч, а тот только коснулся его. Они были похожи на стоп-кадр из мультика. И все тоже были похожи на стоп-кадр. Девчонки парами прижались друг к дружке, и в классе повисла тишина, тупая, жуткая тишина. И Вовка вдруг увидел, почувствовал, как все разбилось на пары и потянулись друг к другу, словно искали друг у друга защиты, словно животным, первобытно понимали, что с двумя справиться труднее, чем с одним.

Вовка обвел класс глазами, и ему вдруг стало стыдно, нестерпимо стыдно, будто это он во всем виноват, будто его застали за подглядыванием в девчоночьем туалете, будто он один получил двойку за контрольную и Анна Павловна поставила его перед классом и потрясает его тетрадь, разрисованной красной пастой; будто с него на пляже стащили плавки и забросили их на высокие ветки. Вовкины щеки полыхнули, ком выкатился из горла и взорвался животным, гортанным "а-а", распугав тишину.

"Никто...- пронеслось в голове. - Почему никто?...Сволочи!" - и Вовка бросился из класса.

...Дома было пусто и тихо. Папа с мамой еще не пришли с работы. Бабушка дремала в своей комнатке. День сочился мутным мартовским светом сквозь тусклые, заляпанные прошлогодним дождем окна. Вовка сидел за столом и расставлял солдатиков. Один, два, три, четыре... десять...пятьдесят. Он то ставил их строем, то вытягивал в длинную атакующую фалангу. "Их много, они один за всех и все за одного. Им не страшно - они смелые. И если убьют одного (Вовка уронил солдатика), то его подберут свои и отправят в госпиталь, а сами отомстят за него (он взял двух солдатиков, поставил возле убитого, а остальных бросил в бой). А в школу я больше не пойду. Ни за что не пойду, пусть меня хоть живьем в землю закопают. Я не хочу их видеть. Никого. Они - гады. Все... Ну почему я не ударил Витьку сразу, почему ждал и пятился, когда он кулак свой под нос мне совал и к доске толкал? Почему? Надо было так! (Вовка выкинул кулак вперед: раз - два - три - четыре! Вот тебе! Вот так! И еще! И еще!). Тогда бы он не полез. Я же сильный, почему я не смог?"

Вовка подошел к зеркалу, согнул руку в локте - получилась маленький, но крепкий бугорок. Он еще напрягся - бугорок стал заметнее, грознее, уважительнее.

"Почему же я не смог? Я трус?.. А за что он меня, я ведь просто шел мимо, я его не трогал". Вовка снова увидел перед собой гнусное, дебильное лицо Витьки и услышал его голос: "Эй, ты, умник? Как оно, а? ", и снова почувствовал, как Витька толкает его и дает "саечку".

"Надо было ответить. А я не смог. Я не пойду в школу! Не пойду!.. Нет... Пойду. Надо убить его. Убить! Войду в класс,

вытащу нож и вот так ему, вот так! Это правильно, правильно, правильно! Его надо убить! Я не трус!"

Сердце у Вовки сразу застучало, запрыгало где-то у горла. Он пошел в кухню, рванул ящичек с посудой, достал два больших, похожих на маленькие мечи ножа. Какой взять? Один - с широким, ладным лезвием, похожий на отточенную лопатку; второй - узкий, хищный, длинный. Этот. Конечно, этот. Вовка потрогал пальцем острое и чуть нажал. Тоненькая боль потекла по пальцу и исчезла где-то в плече. Этот. Вовка спрятал нож на дно рюкзака и заложил сверху учебниками. "У школы, за углом, достану и суну за пояс. Пусть пока здесь..."

...Пришли папа и мама. Проснулась бабушка. Сонный день перетек во влажные сумерки и вечернюю дрему. Пора спать. Но не спалось. Совсем. Вовка лежал закутавшись с головой в одеяло и ждал сна. "Поскорей бы. Уснуть, проснуться и..." Он представил себе, как входит в школу, сдает в гардероб курточку, идет по коридору, медленно идет, входит в класс. А там у подоконника стоит Витька и чем-то меняется с Павликом (это их место, туда никто даже и подходить не смеет). Вовка видит глаза девчонок, которые, конечно же, помнят вчерашнее; видит, как Витька замечает его и как насмешливо кривит уголок рта, а в глазах "а, пришел, соплячок, ну иди-иди". Видит, как Юрка и Сашка, быстро скользнув по нему взглядом, прячут глаза и начинают что-то сосредоточенно учить, шевеля губами. Вот Вовка подходит к своему столу, кладет рядом с ним рюкзачок и не открывая его (зачем теперь-то?) медленно идет к Витьке. Медленно. Быстро не получится. Все вполглаза следят за ним - он это чувствует. Вот он за три шага от Витьки. Он засовывает руку за пиджак,

нащупывает круглую, гладкую рукоятку ножа. Вот он за два шага. Он начинает вытягивать нож. За шаг. Надо вытаскивать. Ну же! Ну! Вовка хочет представить, как рука его поднимется и в ней сверкнет лезвие. Ну же! Но не представляется. За два шага - представляется, а потом - никак. Он не может вытащить нож. "Трус!" - кричит себе Вовка там, внутри себя. - "Трус!". И рука медленно, но тянет нож из-за ремешка. "Трус!" - и рука уже над головой, над Витькой, с лица которого к подбородку сползает улыбка, а глаза становятся напряженными, удивленными. А Павлик делает движение в сторону, но ему мешает Олина парта, и он начинает переламываться налево. А Оля сейчас закричит, сейчас. Крик уже близко, где-то в горле. Он застрял, но сейчас вырвется. Надо скорей. Надо! Что же ты?! Ну же! Трус! И Вовка чувствует, как весь покрывается потом под одеялом, как бешено бьется сердце, как горит лицо, как ногти до боли впиваются в ладонки, сжимая воображаемую рукоятку ножа. "Трус!Трус!" - молнией проносится в голове. "А...а..." - вырывается у него и пронзает вечернюю квартиру. "Господи! Что такое?" Это мама. Вовка слышит, как резко стучит табуретка и как спешат к нему мамины шаги. Сейчас она откроет дверь. Тогда он не сумеет, ни за что не сумеет. Трус! "А!.." - коротко вырывается из Вовкиного горла крик, и он - раз-два-три - там, в классе, бьет ножом в Витькину грудь и здесь, под одеялом, чувствует, какая она плотная и неподатливая. Кулачок Вовки трижды стучит в подушку и, обессиленный, падает.

"Вовочка! Что такое, что случилось? - мама наклоняется над ним и прикладывает свою мягкую ладонь к его лбу: - Да ты весь мокрый! Приснилось что-нибудь?" - "Приснилось..." - тянет Вов-

ка. - "Ну, ничего, ничего," - мама целует его лоб, в щеку, гладит по головке, держит в своей доброй руке его ручку, и Вовка понемногу успокаивается, затихает. "Ну спи, дружок, спи. Всё хорошо. Плохое только раз снится, потом - только хорошее". Она кутает Вовку в одеяло, подтыкает края и мягко уходит.

Надо спать. А Вовка думает: "Интересно, как приходит сон? А если подождать и поймать его приход. Как это: сна не было - и вдруг я уже во сне. Надо почувствовать эту секундочку, увидеть её. Это как дверцу открыть куда-то. Надо подождать... подождать... Вот сейчас...сейчас..." И Вовка, сам того не замечая, проходит через эту дверцу и уже там, во сне, думает: "Сейчас я засну, надо лишь поймать, увидеть..." А вокруг него уже парты. Они расставлены совсем неправильно: не рядами, а в кружок. За партами - все свои, третьеклашки: Оля, Юрка, Леночка, Оля, Владик. Они сидят молча и внимательно, испытующе глядя на Вовку. А он стоит в середине, в самом центре этого круга и не понимает, зачем так. Но вот Оля прищуривает свои красивые глазки и спрашивает: "Вова, ты взаправду трус?" И Леша спрашивает: "Ведь трус?" У Вовки дрожат губы: "Я не..." - "Трус-трус," - утвердительно кивают Саша и Юра. "Тру-ус," - тянет Леночка. Появляется Витька. В руке у него тряпка. Он молча подходит к Вовке, туда же, в серединку круга, и, выжидая чего-то, стоит напротив, презрительно щурясь. Сейчас - тряпкой. Нет! Вовка выхватывает тряпку у Витьки из рук, валит его на пол и хочет размазывать её по ухмыляющейся роже. Но что-то мешает, не получается. "Трус," - коротко бросает папа, который почему-то сидит за одной партой с Павликом и презрительно усмехается. Вовка снова тужится воткнуть тряпку в Витькину морду, но двери отворяются, и он выплывает, вытягивается из сна.

За окнам утро. Оно просачивается сквозь облака мутно-белыми кисельными пятнами и ложится на больной мартовский снег рядом с желтыми квадратами света из окон соседнего дома. И всё такое сонное, мутное, скучное.

"Надо вставать. И идти в школу. И убивать Витьку," - как-то спокойно, без паники и страха возникли в Вовке эти слова. И были, слова эти, такие крупные, будто на афише или рекламе над "Алмазом". В них не было ничего лишнего, все просто и ясно: надо идти в школу и убить Витьку. От них было скучно и тоскливо, как будто записываешь в дневник домашнее задание, которое делать вовсе не хочется, но почему-то делать обязательно нужно.

Вовка вылез из-под одеяла, умылся, позавтракал, оделся, взял свой рюкзачок, чмокнул маму в щеку и пошел в школу убивать Витьку.

...Скоро должен был прозвучать звонок на урок. Вовка вошел в открытую дверь класса и увидел, как Оленька кольнула его глазами, как, кинув быстрый взгляд, Юрка и Сашка еще усерднее забубнили под нос какое-то правило, как насмешливо-открыто от подоконника глянул на него Витька, как Павлик, прижавшись боком к Олиной парте, держал в руках какую-то игрушку для меня.

Вовка медленно и спокойно подошел к своей парте, поставил портфель и пошел к Витьке, занося правую руку за полу пиджака.

За три шага ему не было страшно.

За два шага ему не было страшно.

За один шаг от Витьки ему совсем не было страшно.

Было - никак. Пусто. Заученно. Неинтересно. И убивать

Витьку ему совсем не хотелось. Но Вовка знал, что он трус, и трусом быть не хотел и что для того, чтобы не быть им, нужно убить Витьку. Нужно - и все тут.

Он спокойно посмотрел Витьке в глаза, спокойно вытащил из-за пояса нож и поднял его над головой.

Витька увидел Вовкины глаза, и вопросительная ухмылка на его лице окаменела. Он так до конца и не понял ничего - не успел. И только Павлик надломился над партией, и только по школе пронесся Оленькин крик.

"Ну и что, что не трус," - подумалось в Вовке.

Вор

У Вовки была тайна: он любил деньги. Особенно железные, увесистые пятирублевики и бумажные "десятки". Если бабушка давала ему на день рождения сто рублей, он немедленно менял их на десять бумажек и просил, чтобы дали негрязными и немятыми. А если попадались и такие, то Вовка аккуратно отмывал их, бережно промакивая мыльной тряпочкой, а потом сушил на веревке и проглаживал через бумагу утюгом. Они становились как рубашка после первой стирки - даже почти незаметно. Тогда он брал свою любимую книжку про Тома Сойера и через страничку вкладывал "десятки" - одна, вторая... двадцатая, на манер закладок. Получалось очень солидно и уютно. Раз в месяц он аккуратно вынимал их и складывал в пачечку. Ах, какая это была пачечка - ровненькая, прямоугольненькая, как маленький брусочек. Так приятно было взять ее в руки, ощутить, какая она плотная, надежная - лучший друг.

Наигравшись, Вовка возвращал "десятки" домой, вздыхая и думая, что это, конечно, хорошо, но лучше бы было, если бы последняя "десятка" лежала не на странице 21, а на... ну, на тридцать первой или, лучше, на сорок первой, а еще лучше... И Вовка, замирая, уже видел, как вкладывает на слово "содержание" последний зеленый листочек. Ах, неужели это когда-нибудь будет?!

А пятирублевки были слугами, солдатами "десяток". Вовка держал их в жестяной коробочке из-под монпасешек, разделив ее на восемь отделений. В каждом отделении жило по десять "солдат", и регулярно раз в неделю Вовка проводил смотр - утром в воскресенье, пока мама и папа спали. Из восьми были полными только шесть отрядов и еще один на две "головы" ниже остальных.

Стопочки стояли красиво: ровненько, одинаково. Вовка выстраивал их то полукругом, то в одну шеренгу. Но лучше было, когда они все лежали рядом перед ним: монетка к монетке, ровными шеренгами и Вовка с удовольствием читал: пять-пять-пять-пять - и чувствовал, что это его солдаты и если он им прикажет, то они сделают все, что он захочет. От этого на сердце становилось покойно и гордо, как после выигрыша в фишки "покимон", когда они, уставшие от битвы, уже лежали в коробке и ждали приказа.

Это было счастье. А счастья, как известно, никогда не бывает слишком много. И еще за него нужно было бороться. И Вовка боролся. Он всегда носил с собой полиэтиленовый пакет и по ходу в школу делал небольшой крюк по тем местам, где, как грибы, всегда в одном и том же месте и в одно и то же время вырастали бутылки из-под пива. Он со-

бирал их, затыкал пробками, чтобы не воняли, обворачивал в свое старое трико, чтобы не бренчали, и шел в школу. А на обратном пути с уроков делал другой крюк, побольше - и бутылок прибавлялось. Особенно хорошо росли они у дорожек рядом с детскими садами, что в глубине дворов и у "Алмаза" после хоккейного матча. Но тут нужно было держать ухо востро: "грибников" и без него хватало и можно было получить по шее, а то и более прицельно, особенно если "грибники" объединялись в поисковые бригады по 3-5 человек. Но Вовка не унывал: синяк проходил, а добыча оставалась.

Однажды он заглянул во двор у магазина "Шексна", и сердце его забило: на скамеечке у песочницы сидели мужики, человек пять, и пили пиво. Бутылки стояли таким плотным строем, что Вовка, в нарушении всех территориальных законов, загулял недалеко от песочницы, делая вид, что его очень интересуют качели и лесенка. Было около двух часов дня, и во дворе, кроме быстроглазого, верткого мальчишки, которого очень интересовали перекладина и "тарзанка", никого из конкурентов не наблюдалось.

Пили мужики споро, по очереди отлучаясь за гаражи, и через полчаса в песочнице стояло 12 пустых бутылок. Вовка понимал всю остроту ситуации: как только мужики уйдут, тот, быстроглазый, и бабулька, которая замерла на скамеечке, вмиг слетятся на жертву и тогда... Он не стал ждать: бросил качели и подошел к мужикам, сделав глаза грустными-прегрустными. Подошел и стал рядом, ничего не прося. Дядька, с ладонью, в которой уместился бы весь Вовкин портфель, поймал его своими красными глазами и спросил: "Тебе чего, пацан?"

- Дяденька, а можно я ваши пустые бутылки соберу? Так мороженого хочется.

Мужики перестали перебрасываться словами и разом посмотрели на Вовку.

- Бери. Все - твои. - Теплый огонек появился в глазах большерукого. Он взял одной лапой три пустые бутылки и поставил перед Вовкой, и остальные молча поставили свои.

- Спасибо, - со слезами в голосе сказал Вовка и аккуратно уложил все двенадцать бутылок в пакет, а две добавочные, которые еще хранили тепло и запах ладоней, - в рюкзачок.

- Чё ж тебе мать и на мороженое дать не может? - спросил большерукий.

Вовка вздохнул:

- Не может. На обед - пока может. А на мороженое - нет. - И Вовка грустными, честными глазами встретился с глазами большерукого.

- И-и-и-их, блин, твою! - мотнул тот головой, потом забрался лапой в свой карман, вытащил потную "десятку" и сунул ее Вовке в нагрудный карманчик. - Иди - ешь свое мороженое.

Вовка обомлел. Он несся домой, к родному приемному пункту, позвякивая бутылками и постукивая сердечком. "Четырнадцать умножить на восемьдесят... четырнадцать - на восемьдесят, - стучало в его голове. - Не догонит! Не догонит!"

Быстроглазый пацан бросился было ему вслед, но Вовка успел выбежать за границу двора, здесь они были на нейтральной полосе, и пацан решил не рисковать.

"Бутылочных" в неделю получалось 30-50 рублей, не больше - как повезет. Экономил Вовка и на обедах. "Десят-

ку", которую мать давала ему в школу, он не тратил. Вечером, улучшив момент, он забирался в холодильник, отрезал себе кусок сыра или колбасы, делал внушительный бутерброд, помещал его в пакетик и запихивал поглубже в рюкзачок. А утром съедал всю тарелку каши и просил еще, чем всегда радовал маму. Такого энергетического запаса хватало на все уроки, и за неделю Вовкина казна увеличивалась еще на пятьдесят рублей.

И в магазин он бегал охотно, особенно когда нужно было купить всякого-разного. Честными глазами Вовка смотрел на маму и говорил: "Ты не бойся, я всего-превсего куплю, ты только список напиши". Мама отвечала ему взглядом и вздохом: "Какой ты у меня уже большой," - писала, и подавала "сотню". А Вовка искал, где подешевле, на 20, 30 копеек, продается колбаса, пельмени, хлеб, картошка, но отчитывался по "экстремальным" ценам. Таким образом, от закупок он прихватывал еще "десятку".

Как-то в классе собирали на подарки "осенникам", собирали по десять рублей, чтобы купить приятную мелочь: записную книжку, ручку, брелок, чтобы радостно перед всем классом, зачитав самодельное стихопоздравление, вручить все это. Вовка пришел домой грустный и задумчивый и на вопрос мамы: "Что с тобой?" ответил, что у них не школа, а сплошное разорение и что вот именинникам по 25 рублей собирают. Мама рассмеялась: "Какое же это разорение - людям приятное хотят сделать, и эти люди - твои товарищи". И сразу же вручила деньги.

А еще у этих товарищей в карманах водилась мелочь, водилась и забывалась, влезая в складки и уголки. Там, пус-

тяк - 10, 50 копеек. Она вообще готовилась впасть в зимнюю спячку, но Вовка не мог этого допустить. Он, вешая свою одежду в гардеробе, быстро проверял карманы 3-4 соседних курток и не гнушался копеечной добычей. Он тут же зажимал ее в руке, вспоминая слова отца: "Без ерша и уха не сладка".

Когда он ходил в гости, то, улучшив минуту, "нырял" в карманы "взрослых" пальто и шуб, что чинно висели в коридоре. При этом он старался не брать всё, а только немного. Уже там, в кармане, он мгновенно взвешивал ладошкой весь улов и оставлял себе только треть, чтобы не заметили.

Свои старые игрушки он ремонтировал, подкрашивал и шел играть с ними на подоконник перед первым классом. Малыши, видя, как он важно водит туда-сюда старым грузовичком и - пых! - палит из старенькой, но такой-претакой пушечки, без затвора, с погнутым стволом, проникались завистью и уважением. А он снисходительно подмигивал им и усмеялся: "Что? Хотите такую?" - "Ага-а..." - хором тянули они, понимая, что это счастье и оно несбыточно. А Вовка дружески хлопал малыша по плечу и говорил: "Ладно уж, так и быть - продам". И назначал умеренную цену.

Таким образом, все старые игрушки перевоплощались в пяти- и десятирублевых солдат Вовкиной гвардии. А мама не могла нахвалиться на порядок в его комнате.

За 25 рублей он пропустил решающий гол, когда 5-Б играл в финале с 5-А, и потом плакал, лежа на траве у ворот, а все мальчишки из его класса утешали его - ладно уж, бывает.

Да, Вовка любил деньги. Он с завистью смотрел на девчонок - продавцов газет, которые мерзли на крылечках ма-

газинов. И на бабушек, продававших солености-морености на маленьких базарчиках.

Самыми лучшими кадрами в кинофильмах для него были те, когда бандиты открывали чемоданчик с долларами и хрустко проверяли их на подлинность. Тогда у Вовки захватывало дух и его рука сама тянулась пощупать эти пачечки, ровненькие, одинаковые, плотненькие. Ах! После таких фильмов он вставал ночью, доставал заветную книгу и шел в ванную - считать и пожимать в руке маленькую пачечку - свою! Но - было мало: всего 515 рублей.

Однажды вечером папа пришел с работы пьяным - на заводе давали получку. Он ввалился в прихожую, сдернул с себя куртку, свалил ее в угол и, разбросав по прихожей грязные ботинки, доштался до дивана. Постоял перед ним, глубоко икнул и, по-дурацки усмехнувшись, упал на него, будто нырял в глубокую воду. Мама заругалась, запричитала, начала стаскивать с него брюки, рубашку, носки, а он только постанывал и выдавливал из себя какие-то звуки, утробные, глухие.

Вовка не любил смотреть на это. Когда папа приходил пьяным, Вовке постоянно хотелось мыть руки и держать их как-нибудь так - ни до чего не дотрагиваясь. Он по привычке пошел в ванную и на ходу заметил папину куртку, а рядом с ней бумажник из черной кожи. Как-то сама собой Вовкина рука поддела его. Он быстро отщелкнул кнопочку - и бумажник распахнулся. А в нем... Вовка быстро выхватил плотную, с загибом, пачку денег, застегнул бумажник, положил его в карман куртки и, зажав добычу в кулачке, заперся в туалете. Деньги жгли руку, врастали в нее - не отодрать. Их надо было сейчас же куда-нибудь спрятать. В стиральную машину? Нет - мама может

заметить. Под бачок? Нет - намокнут. В отдушину? Не достать. Вовка отдернул край линолеума и быстро, "листочками" раскидал бумажки. Вернул линолеум на место, спустил воду в унитазе, чтобы не ничего заподозрили, и вышел из ванной.

А мама уже стояла над полуголым отцом с бумажником в руке и кричала: "Где? Гад! Пропил! Всё пропил!" Отец пытался было качать головой, но не мог. А мама докрикивала: "Ну я тебе завтра покажу!"

...Завтра было плохим: папа ходил грустный, больной и виноватый. Он то и дело пил воду из чайника, робко подходил к маминной комнате, чуть-чуть стучался согнутым пальцем и тянул: "Зин... ну Зин...", потом садился рядом с Вовкой, прижимал его к себе, ерошил ему волосы и говорил: "Потерпи уж - чё уж, теперь уж... Блин!.. А я тебе автоматик хотел купить. И маме - сумку. Ты не сердись, я - через месяц, ладно?"

А Вовку драло на части. Ему хотелось сейчас же встать, пойти в ванную, откинуть проклятый линолеум и выложить перед папой деньги. Вот он уже приотрвал попу от дивана, но... что-то не пускало.

Когда он вернулся из школы, родителей дома не было. Вовка запер входную дверь на цепочку, быстро отдернул край линолеума - ф-фу, всё на месте - сгреб деньги и с бешено стучащим сердечком вбежал в детскую. И стал считать. Сотня, еще сотня, пятьсот, еще пятьсот. Десятки. Их было много. Мятые, потные, кое-где надорванные и склеенные скотчем. Вовка быстро разгладил их, достал Тома Сойера" и - листочек за листочком - разложил все. Поставил книгу на место, зажав ее плотно-плотно слева Луи-Бусенаром, справа - англо-русским словарем. Пусть расправятся, потом можно и поменять.

"2950 рублей... 2950 рублей! И все - мои! Вот это да! Я богатый! Я счастливый! Теперь я все могу купить, все, что захочу! Захочу - танк на радиоуправлении, который стреляет и вертит башней. И винтовку с пульками. И даже "Сегу". И могу каждый день покупать мороженое. Или кататься на лошадке. Или..." Вовке вдруг захотелось, чтобы все узнали о его счастье. Да-да, завтра он принесет "Тома Сойера" в школу и так, небрежно, полистает страницы перед Юркой и Светкой, а потом закроет и положит в портфель, как в сейф. Но нет... покупать ничего не хотелось. Покупать? Это ведь надо отдавать эти родные бумажки в чужие руки, отдавать навсегда. И страницы "Тома" опять опустеют. Нет! Невозможно! Показать ребятам? Еще отберут или расскажут кому. Нет - пусть уж лежат здесь, тут им надежно и уютно.

"2950... Это ведь и много, и мало. Есть еще 3950, 5950". От мысли, что есть на свете такие числа и они могут стать его числами, зелеными бумажками, в сердце Вовки стало приятно и ласково, весело и сладко. Он еще раз мысленно представил, как откроет страницу "содержание", и как-то само собой подумалось: "А ключ от учительского гардероба всегда в дверях... Да... всегда в дверях".

... Шел четвертый урок. На первых двух Вовка сидел бледный и неподвижный, с трудом понимая, о чем говорит Анна Викторовна. Голос ее звучал откуда-то издалека и не проникая в Вовку, а окутывал его каким-то ватным облаком. "Сегодня, сегодня, - стучало в голове. - Надо сегодня". Да, надо было именно сегодня, и Вовка знал - почему: он видел, как из школьной бухгалтерии, что на втором этаже, выходили учителя, и движения их были другими, не как всегда,

а спокойными и радостными. И лица совсем не были похожи на учительские - на них жили хорошие, ясные глаза и легкие, почти ангельские улыбки. Они получали зарплату.

Мама в разговорах на кухне часто расстраивалась, жалая учителей: "За такие-то деньги с вами, лоботрясами, целый день возиться, а потом еще вечером над тетрадками сидеть. Бедные, бедные..." - и в знак солидарности с проблемами российского просвещения качала головой. И папа качал, хмурясь и громко рассуждая, что дети - самое ценное государственное имущество и за ними догляд нужен, а в догляд за имуществом надо самых сильных мужиков ставить и платить как следует, не то что эти козлы (тут он кивал куда-то в сторону окна и чуть выше). Они, говорил он, только о себе и думают.

Вовка пытался представить себе этих думающих козлов, и они выходили у него одетыми в хорошие черные костюмы с галстуками. Они сидели за длинным столом друг против друга и, покачивая рогами, все думали и думали.

А вот бабушка говорила, что лет сорок назад в Череповце учитель был первым человеком, и все его уважали и побаивались.

Но сейчас Вовку интересовало только одно: где-то внутри выходящих жили деньги, и денег было много. Они ходили по коридорам внутри пиджаков, сумок и, казалось, просвечивались сквозь них и издевались над Вовкой. "Видишь, вот мы, вот мы", - и он чувствовал, что это несправедливо: деньги должны быть у него и ни у кого больше. Они ему нужнее, им у него уютнее.

Вовка сжался и поднял руку: "Можно выйти?"

Анна Викторовна строго глянула на него и, кивнув, продолжила шевеление урока.

... В рекреации было пусто и приятно, как будто тебе разрешили сделать то, что другим запрещено. И эти другие сейчас сидят на скучном уроке и делают совсем не то, что им хочется, а он... Как хорошо в течение этих пяти "туалетных" минут забыть о своей парте, товарищах, тетрадках и ощутить сполна грех краткой свободы.

Но Вовка думал о другом - он шел "на дело". Еще на второй перемене он глянул на расписание и запомнил, что на четвертом уроке у 8-А и у 11-В физкультура, в классах ничего не будет. Быстро, на цыпочках скользнул он по коридору, зыркнул вокруг - ни души - и шмыгнул в открытые двери 8-А класса. Одним броском достиг учительского стола. В верхнем ящике - ничего. В среднем - какая-то ерунда: ручки, скрепки, пачки тетрадей. В нижнем - то же самое, лишь у краешка ящика в щелочку трусливо забились две десятикопеечные монетки. Ну их - некогда.

11-В - через класс. Вовка выглянул в коридор - чисто - и сделал быструю перебежку. Верхний ящик - пусто. Средний - пусто. Нижний... Неужели тоже? Какие-то тетрадки, альбомы. И вдруг Вовка заметил, как из-под тяжелой пачки тетрадей выглядывает черный уголок. Вовка потянул - есть! Кошелек! Привычным движением он расстегнул его и вытащил пачку новеньких купюр. Он отсчитал треть, остальные вернул обратно, положил кошелек тем же "уголочком" на место и закрыл ящик. И тут из конца коридора послышались шаги. Цок-цок - по-учительски медлительно стучали они в урочной тишине и приближались - цок-цок.

Сердечко у Вовки сжалось в комок и застряло где-то в середине груди. Он скользнул по классу взглядом - куда? В шкафах - ребристые папки, толстые рулоны ватмана, учебники и прочий школьный вздор. Столы - прозрачные, заметят. Больше некуда.

Цок-цок - раздалось совсем рядом. Вовка метнулся к первой парте, сел, раскрыл какую-то книгу и принял умный вид.

Цок-цок, и в класс вошла незнакомая учительница. Она посмотрела на Вовку и спросила: "Дружок, а ты что тут делаешь?" - "Вот, - он кивнул на книгу. - Читайте". - "А-а, ну читай, читай. Ты случайно Ольгу Петровну не видел?" - "Она недавно вышла", - ответил Вовка и опустил в книгу глаза.

Учительница вышла из класса. Вовка захлопнул книжку и на обложке прочитал: "Астрономия".

"Засекли, - мелькнуло в голове. - Надо вернуть обратно".

Он подошел к столу, вытащил кошелек и вернул деньги на место. Очень хотелось оставить у себя на память хотя бы одну бумажку, ну хотя бы одну. Или две. Вовка на секунду поколебался, потрогал синюю пятидесятирублевку, но не решился. "Нет - слишком много - заметит". Он шевельнул купюры, вынул из серединки две "десятки" и сунул в карман, не в силах противиться какому-то колючему, настойчивому желанию, которое жило отдельно от него и было сильнее.

Через минуту он уже сидел за своей партой.

"Заметят? Не заметят?" Он что-то писал под диктовку, а скорее, не он сам, а его рука. В воздухе плыл ватный голос Анны Викторовны, а в кармане лежали две горячие, колющие десятки. Они прожигали брюки своим грешным огнем, и Вовка явственно чувствовал их на своей ноге.

...Ночью он спал плохо. Ему снилось, что к ним домой приходит Анна Викторовна и та учительница. Они кричат на маму, прямо в обуви проходят в его комнату и сразу достают с полки "Тома Сойера" с начинкой. И начинают листать. А из книги дождем сыплются деньги. Анна Викторовна ловит из этого дождя зеленую "десятку" и кричит: "Вот она! Вот она! Это ты ее взял!"

Вовка вздрагивает и просыпается. Он долго лежит с открытыми глазами, облегченно понимая, что это только сон. И сон снова проникает в него. Перед ним в кресле в трусах и своей вечной зеленой майке сидит папа и читает "Тома Сойера". Вовка замирает, не понимая, как можно не заметить... А папа читает и читает страницу за страницей, потом встает и ставит книжку на место, говоря: "Хорошая, умная вещь". И уходит. А Вовка вскакивает с кровати и выхватывает "Тома" с полки. Но там... пусто, там нет ничего... Как?! И там, во сне, ему становится так одиноко и горько, как три года назад, когда умер их кот Барсик и ничего-ничего нельзя было поделать.

И Вовка опять спасительно просыпается. Он встает с кровати, вытаскивает "Тома", и сердечко растворяется в приятном тепле - здесь, все - здесь.

... А в школе все тихо: никто ничего не ищет, никто никому не нужен, не шныряют по классам строгие, озбоченные завучи, выпытывая: "А вы, Анна Викторовна, ничего не замечали?" Всё тихо. И через неделю Вовка успокаивается окончательно, а в его головке поселяется уверенная мысль: если понемногу - то ничего. Будем понемногу.

Режиссеры

1

Программа "Сам себе режиссер" закончилась. Петька и Вовка помолчали с минуту и хором вздохнули: - Да-а...

- Вот, - с досадой сказал Вовка. - Везет же людям: и по телевизору показывают, и призы дарят.

- Дарят... - грустно согласился Петька и добавил: - Я тоже хочу в телевизор. Вот бы все наши увидели, на меня улыбаться начали: это тот самый, из нашего дома.

- Ага. И Татьяна Петровна двоек бы не ставила: она была бы тогда просто так, а мы - из телевизора, - Вовка кивнул на экран, в котором суетилась реклама.

- А ребята со двора, - мечтательно улыбнулся Петька, - меня - капитаном, тебя - нападающим...

- Это почему тебя капитаном? - возмутился Вовка.

- Ну ладно, тебя капитаном, всё равно: передача-то там, а мы - здесь.

- Да-а... - опять грустно протянули они.

- Слушай, Петька, - встрепенулся Вовка, - помнишь, как тот кот на передних лапах ходил и все ему аплодировали?

- Ну, помню, ну и что?.. Ах! - Петька понял. - Барсик?!

- Он самый! Давай заставим его сделать что-нибудь такое, чтобы и нас взяли.

- Давай!

Барсик мирно спал на кресле и совсем не подозревал о своей будущей карьере телезвезды, а между тем его звездный час приближался вместе с Вовкой и Петькой, которые на цыпочках, чтобы не спугнуть кота, крались к креслу. Они сели рядом на ковер и во все глаза смотрели на Барсика.

- Так, - сказал Вовка, - давай думать, что он делать будет - такое, что никто и никогда не видел.

- Можно сделать из простыни парашют, привязать к нему Барсика и запустить с балкона, - блестя глазенками, зашептал Петька.

- Хорошо. Одна идея есть. Что еще?

- Давай возьмем мамину плойку и папину бритву, побреем и завьем Барсика. Но побреем не всего, а только на животе и спине, а остальное сделаем мохнатым, - сыпал идеями Петька.

- Царапаться будет, - нахмурился Вовка.

- Не будет - мы ему лапы скотчем склеим.

- Ну - побреем, ну - завьем, а что в этом интересного?

- Как "что"? - громко зашептал Петька. - Это уже будет не кот, а котопудель - неизвестное в природе животное!

- Хм, - покачал головой Вовка, - интересно. Что еще?

- А еще, а еще, - задыхался идеями Петька, - можно, наоборот, сделать ему завивку маминой плойкой, подкрасить губы и нацепить бантики и заколочки.

- Стой! - возразил Вовка. - Он же кот, а не кошка.

- А какая разница - лишь бы в передачу попасть. - махнул рукой Петька.

Вовка, соглашаясь с таким веским доводом, только пожал плечами:

- Ладно. Еще?

- А давай... а давай мы его перекрасим в красный цвет, а? Представляешь, кот красной масти. Такого на самом деле никто и никогда не видел.

Вовка с уважением посмотрел на Петьку:

- Ну, ты и голова. На самом деле такого никто и никогда. А дальше?..

- А дальше... Можно его в большую кастрюлю посадить и закрыть в холодильнике ненадолго. Ты наводишь камеру, я открываю холодильник, достаю кастрюлю, открываю крышку и говорю: "У нас сегодня суп с котом".

- Но ведь, Петька, в холодильнике, то есть в кастрюле, супа не будет - не поверят.

- М-да...А вот что - мы сделаем суп из "галины бланки" и нарежем туда морковки с картошкой, но нальем наполовину, чтобы Барсик не захлебнулся. Ты снимаешь крупным планом: Барсик в супе - всё натурально.

- Ну, не знаю, - покачал головой Вовка и с тайной жалостью посмотрел на кота. Но жажда славы была сильнее: - Ладно. Дальше?

- Хватит пока, по ходу дела что-нибудь еще придумаем. Так с чего начнем?

- С покраски. Я пошел за камерой, а ты тащи мамины краски, воду и тазик.

2

Барсик во сне пошевелил ухом, нервно дернулся, будто догадывался о своей трудной судьбе.

- Тс-с-с!.. - зашипел Вовка. - Не спугни.

И оба режиссера сделали первые шаги навстречу славе: Вовка за техникой, Петька - за красками.

...Через полчаса Барсик со связанными скотчем лапами сох у батареи, протестуяще мяукая. Вовка с жутью смотрел на кроваво-красную шерсть кота и такого же цвета потеки на ковре и кресле, где Барсик пытался спастись от славы. Петька тем временем мастерил из старой простыни парашют, привязывая к ее концам стропы из бельевой веревки.

- Так! - радостно подытожил он. - Кадр два. Тащи его сюда и привязывай под лапы веревками, а под них тряпочку, чтобы не жало. Я иду с ним на балкон, ты - во двор с камерой. Я пускаю, ты снимаешь - всё очень просто.

Вовка заморгал:

- А не убьется, все-таки пятый этаж?

- Не бойся - простынь легкая. Одной рукой держу Барсика, другой расправляю купол парашюта. Ты в телевизор хочешь? - строго посмотрел он на Вовку.

- Хочу... - глотнул тот, взял камеру и побежал вниз.

Через пару минут Петька был на балконе с ошалевшим Барсиком в одной руке и парашютом в другой. Стropy-веревки аккуратно свисали от кота к полотнищу-куполу. Петька глянул вниз:

- Ты готов?

- Го-о-тов! - заорал снизу Вовка и прицелился в объектив.

- Пускаю! - Петька подкинул Барсика наискосок от себя и освободившейся рукой крепко перехватил купол парашюта, чтобы расправить его перед полетом. Барсик же, пролетев полтора метра, завис на уровне четвертого этажа, извиваясь и оря благим матом.

- Ничего-ничего, сейчас-сейчас. - Петька перехватывал парашютную простынь так, чтобы она не запуталась в воздухе.

На четвертом этаже раздался пронзительный женский визг - это соседка-пенсионерка тетя Валя посмотрела в окно, заинтересовавшись криками. Вероятно, вид красного кота, извивающегося на веревках на уровне её носа, произвел на тетю Валю сильное впечатление. Но тут Петька от испуга выпустил простынь, и Барсик ухнул вниз. Но купол, на удив-

ление, раскрылся, и кот более или менее плавно поплыл по воздуху в сторону детской песочницы. Полет продолжался недолго, и вскоре из песочницы раздался визг, от которого дрогнуло бы сердце самого Фреди Крюгера.

- Ты успел? - крикнул Вовке выбежавший из подъезда Петька.

- Успел - всё заснял! Здорово! Пошли за котом, - сияя, ответил Вовка.

Выпустав Барсика из простыни и веревок и отряхнув от песка, мальчишки побежали домой. Глаза их блестели: еще немного - и слава распахнет над ними свои белые крылья. Оставалось самое простое: сделать из Барсика котопуделя и приготовить суп.

Пока Вовка гладил, успокаивая, кота и совал ему в рот подушечки "вискас", Петька готовил инструменты. Барсик нервно ел, заглатывая подушечки целиком и пытаясь облизаться. Отчасти это ему удалось, и, хотя Вовка настойчиво отводил его морду от шерсти, вскоре язык Барсика стал зловеще красным, да и вся морда кота, с полубезумными от полета, зелеными, с дурной искоркой глазами, красным хаером и такого же цвета языком вызвала в памяти фильм о князе Дракуле. Вовке стало немного не по себе, но он успокоительно думал о подобном же впечатлении у будущих зрителей и терпел во имя известности, крепко держа кота.

- Готово! - В комнату вошел Петька, с засученными рукавами, горячей плойкой в одной руке, большими портновскими ножницами - в другой и тяжелой расческой-массажкой за поясом. Кроме этого, за ухом у него торчала старая отцовская "опасная" бритва. Видуха у Петьки была такая гестаповская, что Вовка похолодел и сильнее прижал кота к груди.

- Слышь, Петька, а может, не надо, может, ему больно будет?

- Не дрейфь, я потихоньку, по кусочкам резать буду. Ты только крепче ему лапы держи.

Барсик, увидев Петьку в полном снаряжении, замер в нехорошем предчувствии, предсмертно мяукнул и закрыл глаза.

Через час все было кончено: Барсик, с обритой аж по самую кожу тушкой, красной львиной гривой, мохнатыми, взбитыми плойкой лапами и завитым хвостом, лежал на Вовкиных коленях и больше не рыпался. Красные ключья шерсти зловеще валялись вокруг, придавая квартире нехороший вид. Вовка посмотрел вокруг и тихо сказал:

- Скоро бабушка придет - надо бы убрать.

- Да уберем, уберем - давай сперва все до конца сделаем.

Было решено снимать Барсика на белом фоне, на котором его новая масть смотрелась бы контрастнее, выгоднее. Петька взял из бельевого шкафа белую, с вышивкой скатерть и постелил ее на диване, переняв у Вовки кота. Вовка взял камеру и стал наизготовку: - Начали!

Петька резко отпустил Барсика и отбежал в сторону, а Вовка, гудя камерой, обошел кота слева и справа, потом решил сделать съемку крупным планом и медленно пошел на Барсика, который вяло сидел на скатерти и ждал очередной пытки. Когда Вовка "наехал" камерой почти на Барсикову морду, тот зевнул прямо в объектив. Вовка дрогнул и чуть не бросил технику - кадр получался жутким: зверь неизвестной породы, с красными клыками и обгаренной кровью шерстью хищно улыбался в лицо.

- Ур-ра! - запрыгал на месте Петька. - Да за такой ролик нам первое место обеспечено - кот-вампир!

- Да- а... - покачал головой Вовка, опуская камеру. - Наверняка дадут. Ну, что там еще осталось?

- Суп. Который с котом. Это совсем просто.

В кладовке была найдена старая семилитровая кастрюля с крышкой. Суп делали быстро, раздавив "галину бланку" в теплой воде и накрошив в эту жижу картошки с морковкой. Лук решили не класть, пожалев кота, который в это время забился под кресло и затих, наивно полагая, что его могут забыть.

- Хороший, хороший Барсик, - Вовка извлек кота из-под кресла и гладил по лохмам на его голове и бритому пузу, похожему на цыплячий пух. - Хороший. Потерпи еще чуток - и ты с нами в телевизоре.

Но Барсик уже не верил и, тревожно щуря глаза, робко пытался удрать. Но удрать не дали. Петька принес кастрюлю с супом к холодильнику, передвинул полки так, чтобы кастрюлища помещалась, открыл крышку и скомандовал Вовке: "Вперед!"

Почувствовав бритой задницей теплую жижу супа, Барсик заорал и впился Вовке в руку.

- Медленней, медленней опускай, пусть потихоньку привывает, - кричал Петька.

Но Барсик привыкать не хотел и бил по супу хвостом и задними лапами, блаженно оря.

- Дай-ка я, - сказал Петька, перехватил у Вовки кота и профессионально зачихал его в кастрюлю "по шейку".

- Крышку! Крышку скорей! - скомандовал он Вовке. Тот подал. Петька утрамбовал кота и поставил кастрюлю на полку холодильника, заклинив крышку верхней полкой.

- Всё! Закрываем, ты целишься камерой, я открываю, снимаешь Барсика - и кончено. Начали!

Вовка нацелился, нажал на спуск, но жужжания не было.

- Петька... Аккумулятор сел. Что делать?

- Что делать, что делать - у тебя деньги есть? Надо купить - магазин за углом.

- Нет у меня денег, - прошептал Вовка, представляя, каково сейчас Барсику в кастрюле.

- Блин... - ругнулся Петька. - А может, у соседей зайдем?

- Попробуем.

Они рванули в прихожую, мгновенно оделись и, забыв закрыть дверь на замок, позвонили в квартиру напротив.

Тетя Маша была дома. Услыхав суматошный звонок, она поспешила открыть. Увидев нетерпеливые, блестящие от волнения глаза Вовки и Петьки и узнав, что по пустяковой причине может сорваться великое дело киносъемки, она сразу же достала 100 рублей и вручила ребятам:

- Вот, вечером отдадите.

- Спасибо-о-о-о... - и мальчишки скатились вниз по лестнице.

3

Бабушка подошла к квартире, доставая из сумочки ключи. Она хотела было уже вставить ключ в замочную скважину, как вдруг заметила тонкий лучик света, вытекающего из-за дверей. Нехорошее предчувствие зашевелилось у бабушки сначала в животе, потом подползло к сердцу. "Господи!" - пробормотала она и, войдя в дом, остановилась. Предчувствие поднялось еще выше - к самому горлу и застряло там тяжелым комом: в прихожей горел свет, никого не было слышно, ребячьей одежды тоже не было, пахло паленой шерстью и катастрофой. "Господи..." - еще раз выдохнула бабушка и не разуваясь медленно прошла в комнату.

На диване, вся в красных пятнах, лежала скатерть; по ковру были набросаны клочья не то волос, не то шерсти. Все они были в крови. На столе хищно валялись портновские ножницы. Кота не было. "Господи," - пробормотала бабушка в третий раз и опустилась на стул. "Убили!" - пронеслось в ее седой голове.

Со стороны холодильника вдруг послышались странные звуки. Бабушка, собрав себя в кулак, встала со стула, зажала в руке ножницы на манер меча и на цыпочках подошла к холодильнику. Звуки усилились. Дрожащей рукой бабушка открыла дверцу. Звуки приобрели, на удивление, какой-то знакомый оттенок. Бабушка вытащила кастрюлю со звуками и трясущимися руками дотронулась до крышки. И вдруг крышка сама подпрыгнула, из кастрюли выскочило нечто и с диким криком взметнуло красные брызги и дух курино-кошачьего бульона.

- А!.. - бабушка выронила кастрюлю из рук и с поросычьим визгом бросилась вон из квартиры.

Навстречу ей, радостные, с новеньким аккумулятором, поднимались Вовка и Петька...

4

Они стояли в углах, каждый в своем..

- Да... - вздохнул Петька. - Сорвалось, теперь нас не покажут по телевизору.

- Да... - отозвался Вовка, почесывая зудящую от ремня попу. - Жалко.

- А слышь, Вовка, - уже совсем не обреченно шепнул Петька. - Помнишь, как в "Режиссере" один мужик воздушный шар сделал и летал на нем?

- Ну?

- А если нам не один шар сделать, а сто вместе собрать? Как думаешь, поднимут они тебя?

- Меня? Почему сразу меня?

- Ты на два килограмма меньше моего вешишь. Так как? Сперва ты, а за тобой я. В крайнем случае мы еще десяток шариков прикупим. И друг друга на камеру снимать будем.

- Какую камеру?! Папа ее на ключ закрыл в сервант.

- Ну и пускай. Я знаю, где он ключ прячет - у мамы в верхнем ящике под пачкой писем. Ну что - соглашаешься?

Вовка вздохнул:

- Соглашаюсь.

Черт

- Истинно, милочка, истинно: нечисть у вас в доме - я как вошла, так и обомлела, и руки - вот те крест - задергались, задрожали. За дверьми-то еще легохонько на сердце было, а как вошла - все: как камень кто на грудь положил и ноги свело, и вроде как тень вон из того угла дернулась - и на кухню. Ох, нечисто, матушка, бес у тебя. Спаси и сохрани нас, грешных.

Тетка Лукерья, повывая: "Свят - свят", перекрестила сначала себя, потом Галину Юрьевну, потом начала метать кресты по стенам, углам, прокладывая себе дорогу в кухню. В глазах ее светилась неукротимая решимость дать бой всем чертям на свете.

Галина Юрьевна с ужасом огляделась и с опаской засемила за знахаркой, как пехотинец за броней танка на поле боя - стараясь быть к ней поближе. А тетка Лукерья додвигалась, рассыпая знамения, до кухни, остановилась в дверях, округли-

ла глаза, хищно понюхала воздух и возопила: "Да-а-а! Здесь он! Здесь! Рот поганый, хвост хлестучий! Здесь! У-у-у!" - Рука ее широко, истоиво, наотмашь крестила газовую плиту, мусорное ведро, стол, холодильник - крестила, раззя нечисть.

Галина Юрьевна сомлела вконец, ей стало жутко и захотелось в туалет по полной программе. Но от знахарки она отойти боялась: ей представилось, как из унитаза вытягивается мохнатая ручища и хватает ее за мякоть. А то еще хуже... Перед мысленным взором Галины Юрьевны возникла возможная процедура этого "хуже", и положение стало вовсе критическим.

- Лукерья Павловна...вы... это ... не могли бы... Вот и в туалете он, кажется, есть...

Знахарка перестала метать кресты и понимающе заглянула хозяйке в глаза, бросив:

"Пошли уж. Где он там у тебя? " Войдя в уборную, она зорко постояла чуток, принюхиваясь, потом растерзала тремя огромными яростными знаменьями ванну, унитаз и стиральную машину. "Теперь можно". Но Галина Юрьевна недоверчиво засмушалась:

- А он...оттуда...не?.. - она обреченно посмотрела в глаза Лукерье. - Я понимаю, что, может быть, так нельзя, но... страшно - бес все-таки...

Лукерья качнула головой - ладно уж - нагнулась над унитазом и мелко выкрестила черную сырую дырку и дважды смыла воду: "Не бойся теперича - крест-то, он внутрь прошел, всех убил - садись смело".

Галине Юрьевне полегчало и расхотелось. Она заулыбалась и запела: "Пойдемте, Лукерья Павловна, пойдемте - чайку попьем, конфеток с тортиком и еще чего-нибудь, чем

Бог послал, откушаем". - Она провела гостью на кухню и захлопотала, выволакивая все, что было.

...Черт сидел за батареей и мучался: "Вот принесла же не-легкая - еле успел спрятаться, едва не задела". Ему представилось, как широкий крест перечеркивает его прямо посередине и - пшик! - нет его, только в воздухе чуть провоняет.

"Бр-р-р! - он передернулся, но горячие ребра батареи вре-зались ему в тощие бока. Черт тихо взвыл и запричитал про себя: - Ну дура! И что я ей сделал? Мужика у нее увели! Да был ли мужик-то: 1000 рублей в месяц и три запоя в неделю. А я-то, дурак, старался: думал, дай шугану его из дома - ей же и полегчает. Ну и подсунул ему по знакомству стервочку одну, напоил обоих, да будильник на пол уронил, чтобы вовремя не вскочили. Вот Галка их - ха! - и застучала спящими в обнимочку. А теперь воет: "Пусть бы он пил - только лучше б он был". Загрустила баба, аж мне жалко стало. И что только ни делал, чтобы развеселить: и лапкой во-от так легонько по спинке поглажу ночью, и из очка усиками попку пощекочу, а то при ней, когда борщ варит, газ выключу и о кастрюлю стукну - орет, дура, как оглашенная - не понимает внимания. Глаза выпучит и орет. А вчера взял и свет в ванной включил и воду в унитазе спустил, когда она перед теликом сидела. Что бы-ло! Вот так, в одном халатике за двери выскочила, весь дом перепугала, каких-то мужиков с топорами притащила. Ну дела-а... А вот дочка ее - Юленька - спит и хоть бы хны. За ножку ее пощекочешь - улыбнется. Колечко спрячешь - ищет, меня поминает: "Черт - где же оно?" А тут недавно ключ от серванта, где вино у мамы спрятано, спер и Юльке в тапочек положил. Ух, девка! Третью коньяка с пацаном своим выдула, а то, что осталось, крепким чаем разбавила. Так опять же я виноват остался: эта-

то на ночь рюмочку заглотишь захотела - да как заголосит: "Юля! Юля! Опять бес - вот ведь только вчера бутылку купила!" Ладно, - черт выглянул из-за батареи. - Будем ждать, когда эта убивица сгинет".

Лукерья Павловна допила чай, доела торт и засобиравалась: "Ну, матушка, пойду я: что могла - сделала. Живи теперича спокойно, значит. Был бес - нет беса: измучался, нечистый, сгинул. Ничего не бойся, живи тихо да правильно. Но помни - грешить будешь - снова придет.

- Что вы, что вы - и подумать страшно, - замахала руками Галина Юрьевна. Она взяла знахарку за локоток, довела до дверей, помогла одеться и, благодаря, сунула в руку "сотенную": "Уж спасибо! Уж так спасибо!" - и мягко затворила за ней двери.

- Ф-фу, - Галина Юрьевна облегченно вздохнула и перекрестилась. - Все.

- Ф-фу, - черт выполз из-за батареи и поднял лапку ко лбу: - Слава тебе, Г...Ой! -

Он вовремя одумался и тряхнул лапками: - У, черти - чуть до самоубийства не довели. Вот уж верно: с кем поведешься...- Он хотел было в знак протеста открыть холодильник да так его открытым и оставить, да раздумал: опять кого-нибудь притащит - снова пряхься.

Повернулся в замке ключ. Вошла Юлька - смазливая девича-десятиклассница. Вошла, постояла, сбросила-сковырнула с ног ботиночки, бухнула рядом пакет с учебниками и каменно прошла в свою комнату. Не снимая шубу, рухнула ничком на кровать и зарылась лицом в подушку. "Бросил... Собака! Козел! Скотина! Зверь! Животное! - она колотнула кулачками по одеялу и с животных перешла на сексуальное меньшинства: - П.....! Г.....! М.....!" - Когда и эти кончились, Юлька перевер-

нулась на спину и утонула в стенку. А со стенки на нее с усмешкой смотрели "Стрелки", выставив полуголые задницы, а рядом выкатил оливковый бицепс Арнольд, и паскудненько-слоняво улыбался Ди Каприо, свесив на лоб белобрысую челку и красиво выставив ножку. А чуть выше на большой фотографии - она, Юлька, вместе с Павликом. Беззаботная! Глупая от счастья! Шальная! Беззащитная! И над всем этим - плакат, нарисованный разноцветными фломастерами: "Помни! Секс без мужчины - повод для кручины! "

Она резко вздернулась с кровати, схватила, сдернула, разорвала в клочья плакат. Плюнула в морду Шварценеггеру и растерла плевков по его самоуверенной роже. Схватила с полки маникюрные ножницы и отстригла Ди Каприо все, на ее взгляд, лишнее вместе с ногами и частью пиджака. Хохотнула, схватила красный маркер и совокупила всех "Стрелок" с огромным многочленом, оттянув их груди до земли, и размашисто вывела: "Все бабы - ДУРЫ!" Потом рука ее сама собой потянулась к фотографии - сейчас она дернет ее, искромсает, изнасилует, бросит на пол и будет плясать на обрывках своего счастья. И хохотать.

Но тут погас свет.

Юлька вздрогнула и отдернула руку:

- Ма - а - ам! Снова отключили?

- Нет - у меня горит, - донеслось из кухни. - Может, лампочка. Бог с ней - иди сюда, у меня блинчики с курагой и "Кагор".

Юлька швырнула шубу в угол и заскользила на кухню:

- Ух ты! "Кагор-чик!" А по какому случаю? И вообще - чего это ты такая тормозная сегодня?

- А у нас теперь все хорошо будет, Юленька. Все хорошо. С сегодняшнего дня и будет.

- Да - разбежалась, - Юлька вспомнила: "Я устал от тебя" - и поскучнела.

- Будет! Будет! Вот увидишь. Сама Лукерья сегодня приходила - дом чистила. Тебе по такому случаю тоже причитается. Немножко...

Галина Юрьевна налила Юльке сладкий, тягучий, приятно-приторный "Кагор", и та выпила - сразу, залпом вбросив в себя фужер.

- Что ты, доченька, так "Кагор" не пьют. Им - радуются. Это вкусно. А то, что вкусно, надо понемножку - надолго хватит.

- Да, мам, - Юлька усмехнулась. - Надо понемножку. А он меня - ложками. Вот и переел.

- Да ты о ком? О Павлике?

Юлька не ответила, взяла бутылку со стола, отбулькала треть прямо из горлышка и, оставив мать с открытым ртом, решительно направилась к себе - мстить! мстить!

В мелкие клочки! В пыль! Сжечь!

Она достала из ящика в коридоре запасную лампочку, вошла к себе, вскочила на кровать, дотронулась до плафона и хотела было... но свет зажегся сам по себе, ослепив Юльку.

- Черт! - она, уже хмелея, села на кровати и посмотрела в последний раз на фотографию. Но той на стене не было. Юлька мотнула головой, зажмурилась - не было. Она нагнулась поискать на полу - там тоже не было.

- Бред!.. - шепнула она и откинулась на постель, все еще сжимая зачем-то лампочку.

2

Черт сидел на кресле, закинув ногу на ногу, и разглядывал фотографию. Перед ним на столе стояли бокалы с потеками

кагора на стенках, пепельница с горкой окурков и грязные тарелки. "М-да. Грязнули, - подумал он. - Да и вообще: странные твари эти люди: пьют, курят, жрут, любят - а от всего этого одни неприятности: или понос, или похмелье, или кашель, или - как у моих - завихрения в башке. Собственно, я уже вроде как и ни к чему: или сами сдохнут, или чокнутся. Впрочем, я тоже хорош! Ну на кой мне было вчера спасать эти морды? На кой? Вот сейчас как возьму, как в крошки их расфуфырю. - Он взялся за края фотографии и хотел рвануть. Но рвануть не получалось. Он вздохнул и спрятал фотку обратно за шкаф, за отставшие обои, и уныло заковылял по комнате.

- Ушли. Скучно. Что бы такое поделать?

Черт огляделся. На всем: на диване, на плите, на люстре, на унитазе - алели метки крестов. Трогать их было нельзя. Оставалось кресло, которое не задела рука Лукерьи, да половина Юлькиной спальни, которую знахарка вообще забыла пометить. Черт спонялся по комнатам, стараясь не задеть метки, и скучал.

Вечерело. Скоро придет из школы Юлька, а через час - Галина Юрьевна. Он свернулся калачиком на Юлькиной постели и уснул. И приснилось ему, что он в церкви. А там Юлька в белом подвенечном платье с красивыми висюльками и кружевной фате. Красивая такая. А рядом с ней Павлик, но почему-то голый. И торс у него как у Шварцнегтера - бугром, мышцы аж прут - вот-вот лопнет. А Юлька берет его под руку и пытается сдвинуть, подтолкнуть к алтарю, а он упирается, не хочет. Тогда черт подкрадывается к нему сзади и тычет булавкой в голую задницу. И вдруг Павлик лопает, как пузырь: пух! - и нет его, как и не было. А Юлька стоит и будто не замечает. Тогда черт становится на место Павлика, берет ее за руку и ведет к алтарю. А перед алтарем стоит Лукерья в золотой ризе и жрет торт, жрет,

причмокивая, кусок за куском. Нажравшись, вытирает рот золотым рукавом и говорит: "Объявляю вас мужем и женой. Поцелуйтесь". Черт снимает с Юльки фату и мягко целует в губы. И она целует его и даже чуть прижимается. Они обмениваются кольцами, и черт видит ее маленькую ручку в своей черной лапке с розовой ладошкой. Но вот Лукерья поднимает руку и заносит над ними: "Во имя отца..." - его скрючивает, ему надо бежать, пока не поздно, но он не может, не хочет отпустить Юлькину руку: - Сына... - Бежать! Но как оставить ее одну, только что поцелованную им, беззащитную? Черт зажмуривается и загораживает собой Юльку от Лукерьи. А та довершает: - И святого духа", замыкая на его груди крест. Боль мечом пронзает его. Он начинает плыть, таять, но не отпускает ее руки. Вдруг острая боль пронзает его хвост. Черт дернулся, стукнулся рожками о дно кровати, чуть не заорал и - проснулся.

- Поразбрасывали веревки всякие, - раздался мужской голос. - Опять бардак у тебя - а еще в жены просишься. Где тебе - в жены. - Павлик пнул по хвосту, попал носком ботинка черту по костистой заднице, взвыл вместе с ним, заматерился и сел на кровать.

- А зачем пришел? Зачем пришел? Не нравится - проваливай - я не звала! - Юлька стояла перед Павликом руки в боки, чуть выгнувшись вперед, со злым, перекошенным лицом и плевалась словами: - Проваливай! Проваливай! Обойдусь!

"Вот гад! - черт завозился под кроватью. - Сукин сын. Бросил - еще и доводит. Ну я тебя сейчас! - он потер крепко-крепко ладошка о ладошку, так что они стали красные, каленые, и коснулся ноги Павлика. Тот взвыл и запрыгал по комнате на одной ноге, пытаясь задрать штанину:

- Блин! Что это?

Юлька расхохоталась:

- Что, Пашенька, нервишки?

А черт поднатужился и шепотом пукнул. "Пук" мигом заполнил комнату, Юлька сморщилась и зажала носик:

- Фу, вонючка. И как с тобой Светка спит?

Лицо Павлика стало пунцовым, он зло процедил сквозь зубы: "Это не я. Это ты...", но в его голосе не было уверенности. Павлик зачем-то заглянул за штору, открыл дверцы шкафа, пригнулся к полу, чтобы заглянуть под кровать.

А Юлька заржала еще громче:

- Да-да, там у меня любовник. Он лежит и гадит от ужаса: а ну ты его застукаешь!

Но Павлик все-таки нагнулся, заглянул под кровать и встретился глаза в глаза с остренькой мордочкой черта, который страшно оскалился и показал во-о-от такой язык. Павлик замер, дернулся и от ужаса пукнул сам. Юлька взвилась от смеха. Она хваталась за живот, падала на колени, корчилась: "О-хо-хо! О-хо! Ой умру! Лопнул. О-хо-хо! Сруляка!

Павлик выскочил из комнаты, схватил в охапку свои шмотки и пулей вылетел из квартиры.

- Ф-фу...- Юлька хохотнула еще раз, но уже не так весело - прощально, встала с пола, потянулась - аж косточки захрустели - и запела: "Отречемся от старого ми-и-ира. Отряхнем Пашкин прах с наших ног. Хо-хо-хо ", - и ушла на кухню.

3

В доме напротив один за другим зажигались окна. Из открытой форточки тянуло ранней весной, и этот дух бродил по квартире, и томил, и звал куда-то. Сонно на душе, неподвижно, и не поймешь, чего хочется больше: зарыться носом в

подушку и лежать так неподвижно, ни о чем не думая, не мечтая. То ли одеться и идти шляться по рыхлому тротуару, неспешно меся снежную жижицу, и смотреть, как текут ручьи, пробиваясь в ледяных скалах. Весенние потягушечки...

Галина Юрьевна в знак протеста против весенней хандры творила котлеты по-киевски - процесс вялотекущий, требующий вдохновения и жертвенности: делаешь два часа - съедаешь за минуту. В кухне витали божественные ароматы первой поджаренной корочки и сладковато-душистого белого соуса. Все это смешивалось в воздухе и растекалось вкусным дымком по дому, отчего сам воздух хотелось не только вдыхать, но и немного пожевывать.

Юлька делала тригонометрию. Но тригонометрия не делалась, а издевалась над ней: строчки формул сливались в бессмысленный поток цифр, значков, символов и упирались в знак равенства, за которым не было ничего. Юлька вытаскивала ручку изо рта, вдохнула котлетный дух и по ту сторону равенства нарисовала маленькую жопку. И как-то облегченно подумалось: "Раз задачи мы решаем - мужики пускай рожают. И нужна мне эта математика, как Павлику "О-БИ". Спишу. А сейчас пойду-ка жрать котлеты". Она закрыла все это безобразие, кинула стопкой на тумбочку и легко засеменила по струйке аромата на кухню.

Черт высунул мордочку из-под кровати, тоже потянул носом воздух, и глазки его приятно посоловели - все не сожрут, пара штук перепадет. Галина Юрьевна будет думать на Юльку и радоваться: кушает доченька, А Юлька...а она вообще ничего думать не будет - это не в ее стиле.

Он потянул к себе лапкой тетрадь, открыл страницу с той самой задачей и от скуки начал вспоминать что-то,

шевелия губами. Ага! Черт быстро схватил ручку и после "жопки" набросал Юлькиным бегучим почерком рядок цифр. Хохотнул, положил все на место, мягко спрыгнул с кровати и стал красться к кухне, плотоядно раздувая ноздри. Вот он чуть не задел осколок креста, который за два дня уже притупился, стал обколупываться, крошиться. "Ах ты! Сгинь - здесь я живу!" - и стал прислушиваться к разговорам за трапезой.

- Нет - есть что-то! Есть! - Галина Юрьевна протестующе прикрикнула на дочь.

- Ну и где оно это твое "что-то"? Какое? С рожками и хвостиком, с копытцами и пяточком? (Черт занервничал и, потеряв осторожность, подполз вплотную к двери).

- Не знаю - с чем там он, а только есть. Лампочка у тебя позавчера зажглась. Раз. Пашку твоего из дому кто-то шуганул - два. Дверь я вчера захлопнула, когда за почтой ходила, а она сама открылась - три. И куда, скажи на милость, подевались все тараканы? Вон их сколько было - ничем не выведешь. Нет, оно, конечно, хорошо, но...Хочешь не хочешь - а не одни мы с тобой тут живем, не одни.

- А Лукерья?

- Оно-то так - знахарка она хорошая, да, видно, здесь священник нужен. Позову, ей-ей позову.

Черт pokrылся испариной и отполз в комнату. "За что? Ну не люблю я тараканов, не люблю - вот и выгнал. А дверь - что же ей, дуре, в одном халатике по подъезду расхаживать - не май месяц, простынет. Для нее же старался. Ну люди! Ну люди!"

Он забился в угол и обиженно затих, поглядывая в щелочку на дверь спальни.

Юлька вернулась в комнату, стала перед зеркалом, пощупала себя за живот: "Толстая стала - вот и не любят". Она скинула халат, отстегнула лифчик, сбросила все остальное и начала изгаляться перед зеркалом: то боком станет, живот втянет, то зад выставит и из-за плеча на него смотрит, то ладошками груди подержит, глаза паскудненькими сделает и язычком так губки оближет: "А-а-а-а..."

- Сбегу, точно сбегу! - черт, глядя на нее, томился в углу и страдал: - Да нельзя мне, нельзя! - он зажмурил глаза, но и там, в темноте, перед ним стояла Юлька и выгибалась, выгибалась. Черт окаменел и сжался, чувствуя, что тела у него стало больше, невыносимо больше: - Все, не могу! - он пошептал что-то в раскрытые ладошки, покивал головой, поводил ушками и потом тихонько толкнул это варево в сторону Юльки. Она еще раз выгнулась, потом зевнула, потянулась и полезла в постель, на ходу заворачиваясь в одеяло. Через минуту она спала. Волосы ее разметались по подушке, губы чуть-чуть отворились, открывая белую полоску зубов. И приснилось ей странное.

Снилось ей, будто лежит она в своей постели, такая вся красивая и разметанная, а из угла, из-за шкафа, выдвигается черная тень и крадется к ней. И вот это уже и не тень вовсе, а этакое - маленькое, мохнатенькое, с рожками и большими кариими глазами. А ушки остренькие, и шевелятся. И носик, как у поросеночка, нюх - нюх, нюх - нюх - в две дырочки дышит-волнуется. Вот он подходит и смотрит на нее. Долго смотрит и, кажется, улыбается. Вот он нагнулся к ее лицу, что-то хотел сделать, но неуверенно отпрянул. И стал ходить по комнате, поцокивая по полу и что-то нервно бормоча. Остановился. Обреченно кинул лапки вниз, замотал головой и вдруг быстро подошел к ней, нагнулся и ткнулся теплым рыльцем в ее губы. Затрепетал весь,

напрягся, сдернул с нее одеяло - и Юлька ощутила часть его в себе. И ей было странно и приятно, будто она знала это существо давным-давно и была уверена в том, что все, что он ни сделает, - правильно. Она лежала и тихонько покачивалась ему в такт, чуть постанывая и покусывая губки. Но вот он содрогнулся, вытянулся - и снизу ее пронзила горячая струя, будто она залпом выпила стакан водки. Это было и больно, и сладко.

А он полежал еще на ней, вернулся в себя, ткнулся еще раз теплым рыльцем в ее губы. Глаза его - большие, карие, печальные - задержались на ней - и темная тень исчезла в углу, как и не было.

4

Будильник нахлестал Юльку по ушам своим противным "пи-пи-пи". Она вздернулась и дала ему затрещину. "Пи..." - он отлетел, упал кверху лапками и затих.

- Вот гад! Но... Я не ставила будильник. Или ставила?.. Или это мама? Наверное... Ф-фу, какой странный сон, - она осмотрела себя, встала и заглянула за шкаф, в темный угол, куда никто не заглядывал, наверное, уже лет десять. Никого.

Под кровать. Никого. Юлька села на одеяло и стала вспоминать. Странная улыбка зависла на ее лице: сон быстрым потоком пробежал перед ней, потом еще раз, еще. Кто это был? Черт? Мамин черт? Да ну ее со всеми этими разговорами - во сне насилуют. А почему "насилуют"? Я и сама... - И снова ей представились большие грустные глаза и мягкое рыльце, и вдруг ей стало тепло и захотелось улыбаться. И еще захотелось, чтобы сон повторился. И она знала, что будет ждать ночи, и будет тревожиться и надеяться.

- Ужас! О чем это я?! - Юлька вскочила на пол, метнулась в ванную, набросала в лицо пригоршни холодной воды, рванула на кухню, вбросила наскоро в себя две холодные "киевские" и, запихав в пакет "винегретом" все учебное, оделась и выпорхнула за дверь.

5

Черт уныло слонялся по дому, почти не обращая внимания на обломки крестов, Один раз он чуть не дотронулся до одного, остановился и странно посмотрел на его алеющие грани. "А может быть, лучше... - пронеслось в голове. - Все равно - кто я ей? Сон. Только сон." Он поплелся дальше, вошел в кухню, остановился перед сковородкой с котлетами. Есть не хотелось, ни сколечки не хотелось. Перед ним стояла Юлькина тарелка с вилкой. Он взял вилку в лапку, понюхал ее, лизнул и прижал к груди. "Дурак! Какой дурак!" - подумал он, но вилку не положил и снова стал бродить из комнаты в комнату, не в силах ни думать, ни делать что-либо. Подошел к Юлькиному зеркалу, сделал себя видимым и стал рассматривать. "Урод. Страхуилище. Мутант. О Г... - он снова чуть не обратился не по назначению, но успел сдержаться: - Что делать? Что делать?" Черт плашмя рухнул на кровать и завыл. Слезы текли по его мохнатой мордочке, стекали на подушку, текли, текли из самого сердца, а он и не сдерживал их. И, как Юльке тогда, было ему и больно, и сладко, и хорошо, и невозможно.

А весенний влажный дух блуждал по комнате, томился сам с собой, не зная, как избыть это свое томление. Вот он коснулся черта, его косматой спинки, погладил его по лбу, дал вдохнуть себя. И черт уснул, прижимая к груди Юлькину вилку, уснул на мокрой от слез подушке, уснул, обессиленный своим счастьем.

Юлька шла домой. Шла очень прямо и медленно. Шла на "автопилоте", не смотря под ноги и не отвечая на короткие "привет" знакомых. А в глазах у нее было словно написано: "Вот так ни фига себе..."

Примерно с такими же глазами сидел у себя в кабинете математики Борис Ефимович и тупо смотрел в Юлькину тетрадь. А перед ним светился экран компьютера с надписью: "Решение принципиально невозможно. Нехватка объема памяти".

И в московском НИИ с точно такими же глазами сидел после звонка из Череповца товарищ Бориса Ефимовича - Соломон Давыдович - и та же надпись горела на экране его компьютера, связанного с Главным вычислительным центром страны.

...Юлька вошла в подъезд, дождалась лифт, механически ткнула кнопку, доехала до своего восьмого этажа и подошла к дверям квартиры. Она вставила ключ в замочную скважину и повернула его. И вдруг ей стало страшно. У нее дома, в ее спальне, живет кто-то, Невидимый, странный. Она знала это теперь наверняка.

Ей вспомнилось, как Борис Ефимович вызвал ее к доске. Она открыла тетрадь, мысленно ругая себя за "жопку" и то, что не успела списать. Но в тетради, после ее художества ее почерком была выведена какая-то длинная, замысловатая формула.

"Это еще откуда? Что-то я не помню...А - ладно: "пара" так "пара", - и, взяв мелок, она списала все закорючки точь-в-точь. Списала и виновато повернулась к Борису Ефимовичу. А он глянул на доску и через полминуты начал бледнеть. Зажмурился, мотнул головой, резко встал и молча заходил по классу. Потом выхватил у Юльки тетрадь и долго смотрел в нее, а потом - на Юльку. Сказал: "Так..." и быст-

рым шагом вышел до конца урока из класса. А когда ребята, довольные таким оборотом дела, весело схлынули после звонка на перемену, Юлька, словно что-то начиная понимать, тяжело опустилась за парту. И у нее защемило сердце. Вспомнился сон, пропавшая фотка, лампочка, Пашка... Вернулся Борис Ефимович, сел напротив Юльки и странно посмотрел ей в глаза:

- Откуда это у тебя?

- Н...не знаю. Наверное, я сама.

- Сама, говоришь. А знаешь ли ты, что в решении ты использовала принцип, разрушающий все представления о современной математике. И не только математики. Все...

- Я решила...неправильно?

- В том-то и штука, что ты решила правильно. Но лучше бы ты...ошиблась. Если это ты...

- Почему "лучше ошиблась"?

- Твоя задачка парализовала процессоры такой мощности, которую ты даже представить себе не можешь.

- Почему?

- В твоем решении другая логика. Понимаешь...вообще другая. Не наша, - он снова словно издали посмотрел ей в глаза.

- И что же делать? Я же не виновата.

- Иди, Юля, домой. Иди.

...Она взялась за ручку двери, зажмурилась и, глотая бьющееся где-то в горле сердце, вошла, затворила за собой дверь и прислонилась к ней спиной, не смея открыть глаза и сделать хотя бы шаг.

В доме было свежо и тихо. На кухне бормотало радио, оставленное мамой против воров. Покапывала вода из кра-

на. Юлька медленно открыла глаза. Никого. Она опрометью метнулась на кухню, дернула ящик стола и выхватила большой кухонный нож, которым мама обычно разделывала мясо. Сжав его в руке крепко-крепко, она подошла к своей спальне, взялась за ручку, подождала пару секунд, набирая воздух в легкие - и с животным криком "А-а-а-а" ворвалась, разбрасывая удары ножом налево-направо, налево-направо, кромсая воздух в клочья. Но - тихо. Никто не кричал, не капала кровь - вообще ничего не было, ни страшного, ни какого. И - тишина. Юлька потыкала ножом за шкаф, поскоблила под кроватью, вышла из спальни и проткнула все щелочки в доме, заглянув и в духовку, и в смывной бачок. Ни-ко-го. Уставшая, измученная, она рухнула на кровать и ткнулась лицом в подушку. И отпрянула, холодея: наволочка была мокрой.

- Господи! Да кто это? - она потрогала ладонью подушку - да, мокрая, словно на нее плеснули стакан воды или кто-то долго плакал. - Может, мама? Нет - она на работе. Да и не стала бы в моей постели... Тогда кто?

Юлька положила нож, встала, распахнула руки, как крылья, и спокойным, требовательным голосом произнесла: "Появись. Я знаю, что ты здесь. Я знаю. Я тебя не трону. Появись - это мой дом. Я устала".

Сердце ее колотилось: Юлька была уверена, что сейчас все непременно разрешится: он появится. И пусть будет страшно, но не так - в неизвестности, как под невидимым прицелом - не так! Пусть она увидит, пощупает свой страх. Иначе жить нельзя.

Черт сидел в торшере, держась за патрон, и смотрел на Юльку, которая так красиво и странно стояла от него в двух шагах. Сидел и не мог разжать лапки. А перед глазами стояла фото-

графия: Юлька и Павлик. Павлик, такой гладкий, сильный, высокий. Такой достойный ее. "Не выйду. Не покажусь. Никогда," - черт зажмурился и еще крепче прижался к ножке торшера.

- Трус! - закричала она. - Выходи! Что тебе от меня надо?!
- Юлька всполохнула руками и заорала: - Вы-хо-ди! Я сейчас тут все сожгу! Все!

Черт молчал.

- Ах так?! - она рванулась в кухню, схватила полотенце, намотала его на веник, метнулась в прихожую и, схватив одеколон, которым Галина Юрьевна пользовала ранки, вылила его весь на этот импровизированный факел. Вытащила из своей сумки зажигалку и стала в дверях спальни.

- Ты - здесь. Я знаю! Считаю до трех. Потом - гори оно все ярким пламенем - я здесь жить не буду. Раз...

Черт впервые понял, что у него есть сердце. Оно беспомощно заныло и стало плотным комком.

- Два...

"Что делать? Что делать? Мне нельзя! Мне нельзя!"

- Три! - Юлька чиркнула зажигалкой.

- Стой! - услышала она рядом с собой.

Зажигалка выпала у нее из руки, краешком пламени коснувшись веника. Тот полыхнул голубоватым пламенем и вмиг занялся. Юлька завизжала, бросила его перед собой, прямо к кровати, и метнулась из квартиры, хватая на ходу шубу и сумку. Она выскочила за дверь, рванула вниз по лестнице, пролетела три пролета и вдруг поняла: горит ее дом, ее любимый дом, и это она подожгла его. Юлька дернулась обратно, но вспомнила - "Стой!". Да, она это слышала, слышала совсем рядом. Он - там. Туда нельзя! Но ведь все сгорит. И

Юлька потащила себя обратно, наверх, потащила, обливаясь потом. Надо обратно - надо. Она потянула дверь на себя, ожидая увидеть яркое пламя, и уже закрыла рот, чтобы не задохнуться в дыму, но... в коридоре было свежо и спокойно. Веник аккуратно стоял в углу у трюмо, а полотенца не было вовсе. Юлька еще раз взглянула вокруг, вышла из квартиры, закрыла дверь на оба замка и ушла звонить матери.

7

- Она не вернется, пока не уверится, что меня здесь нет. Ни за что не вернется.

Черт стоял у окна и смотрел на весну, которая бежала мутными ручьями по мостовой, и вдыхал ее сладковатый запах. На подоконнике стояли банки из-под сметаны, наполненные жирной землей: Галина Юрьевна уже проращивала рассаду для дачи. Черт подержал лапку над баночками, пошевелил пальчиками - и из земли сонно полезли стебельки, маленькие, робкие. Он вырастил их так, чтобы можно было понюхать и потрогать их клейкие, младенческие росточки. Тронул ладонью.

"Нежные. Ласковые. А она больше не придет По крайней мере, сама".

Стемнело. Никого не было. Не пришла и Галина Юрьевна. Покричали и стихли соседи. Зажглись и погасли окна в доме напротив. Не стреляли в телевизоре. Не пели в радио. Не гремели тарелками. Не хлопал с отдачей холодильник. Не мурлыкала свою "попсу" Юлька. Даже тараканы не жили своей тихой, тайной жизнью. Звуков не было. Никто не придет.

Черт открыл холодильник, достал недопитую бутылку водки и шпроты в масле. Нарезал хлеб и ветчину тонкими ломтиками

тем самым ножом, которым Юлька гоняла его по дому. Отволок все это в спальню, поставил поближе к изголовью и удобно устроился, подложив под спину все подушки. Трапезничать так трапезничать. Теперь можно. Напоследок. Да, он знал - напоследок. После "третьей" стало просторно и ясно. А-а-а! - черт прошел по квартире и включил везде свет, даже в ванной и туалете - пусть смотрят. Зачем-то дважды слил воду в унитазах и остановился перед зеркалом, на полке под которым еще стоял помазок с бритвой от мужа Галины Юрьевны. "Побриться что ли? А ну..." - он включил воду, взбил пенку, намылил мордочку и хотел было уже пройтись лезвием по шкурке. Но что-то мешало, не пускало сделать это. "Нет, - подумалось ему. - Черт должен быть мохнатеньким. Какой же иначе он черт: так, человек с рыльцем. Видно, на что родился - на то и сгодился". Он вымыл мордочку, все протер и аккуратно поставил на место. Вернулся в спальню, допил прямо из горлышка бутылку водки. И почему-то весь задор его иссяк, а на его месте воцарилась тоска, лютая тоска.

Черт выкинул мусор в ведро, запустил бутылку в форточку, с удовольствием услышав ее глухой "кок" внизу, вытащил из-за шкафа фотографию, разгладил ее и прилепил "скотчем" на прежнее место. Лег на Юлькину кровать и наповал заснул.

7

Проснулся он оттого, что в прихожей тихо переговаривались люди, как у постели безнадежного больного: "бу-бу-бу, бу-бу-бу". Черт потрянул с себя остатки хмеля и спрятался к себе, за шкаф.

- Здесь он, батюшка, здесь где-то. Только прячется. Вот чаще в спальне его и видели.

Двери - пи-и-и-и - неуверенно запищали, и на пороге показался священник в черном. В руке он защитно держал большой позолоченный крест, держал как саблю, чуть отстранив его от себя наискосок. По всему было видно, что ему неуютно и жутковато и адски хотелось уйти. Но уйти было нельзя: за его спиной плотно стояли Лукерья и Галина Юрьевна, чуть подпихивая батюшку вперед. А за ними жалась Юлька, и глаза у нее были большие-пребольшие и тревожные.

Священник набрался духу и шагнул вперед, читая что-то грозное. А рука его с крестом кромсала спальню вверх-вниз, направо-налево, вот тебе, вот тебе, затворяя черта за шкафом ярким пылающим распятием:

- Во имя отца...

И черту вспомнилась Юлька в подвенечном платье. И он рядом с ней.

- И сына...

И черту подумалось, что зря он выгнал тараканов.

- И святого духа!

"Сволочи!" Он вылез из-за шкафа и шагнул в перекрестие под последний взмах руки священника.

- А! - яркий луч ударил его в грудь, и Юлька взглянула в большие грустные глаза черта. Он еще мгновение стоял посреди комнаты, глядя на нее поверх плеч Лукерьи, священника и Галины Юрьевны, а потом стал расплываться маленьким черным облачком, которое вскоре вытянулось в форточку и смешалось с весенним ветром.

Они стояли и не могли шевельнуться. А Юлька вдруг прижала руку к груди и начала задыхаться от слез, которые скопились у нее где-то у сердца и не могли найти выхода.

Записки школьного врача

1. - У меня живот болит по пятницам.
- А по понедельникам?
- Готовится.
2. - Ой! У меня бровь в глаз попала.
3. - А мне Витька понос в животе устроил.
4. - Мне Валька в лицо чихнула. Она не ядовитая?
- Почему это?
- У нее в прошлом году скарлатина была.
5. - Наталья Пална, дайте мне слабительного.
- Зачем тебе?
- Для Петьки. Он дерется. Я ему в чай подсыплю - пусть ослабнет.
6. - А у меня сердце кончилось.
- Как это?
- Я его не слышу.
7. - Ты зачем рубль проглотила?
- А наш биолог сказал, что в животе все расщепляется.
- Ну?
- Может, расщепится - и два получатся?
8. - Наталья Павловна-а-а! Я бере-ме-нная-я-я!
- ?
- Меня Петька поцеловал.

9. Вовка заглядывает в дверь:
- Наталья Павловна, вам зубы нужны?
- Еще бы! А что?
- Да вот тут у меня вчера выпал. Давайте я его вам продам за рубль - кому-нибудь вставите.
10. Юра, плача:
- Я щеку отморозил!
- Ну не плачь, сейчас мы ее вылечим.
- Да-а-а! А теперь я навсегда отморозок.
11. - Наталья Павловна, а где хребет?
Она показывает.
- А там у меня есть что-нибудь?
- Нет.
- А папа сказал, что я захребетник.
12. - Наталья Пална! Я умираю!
- Надолго?
- Нет, только на контрольную по чтению.
13. Коля подает записку:
- Мне мама велела сделать...от...вивку от гриппа.
- Может, прививку?
- Н-нет - отвивку. Она же ОТ гриппа.
14. Маша ревет в три ручья:
- Наталья Пална! У меня спид!!!
- Господи! Да откуда?
- Витька мне кнопку подложил, а она некипячена-а-а-я!!!

15. Коля с огромной шишкой на лбу торжественно входит в кабинет. Лицо его сурово.
- Боже мой! Где же ты так? И ведь не плачешь - молодец!
 - А мы с Генкой поспорили на пять рублей.
 - Это как?
 - Он даст мне клюшкой по башке. Если я не заплачу - пять с него. Вон в щелочку подсматривает.
16. Ой-ой! Мне что-то в глаз попало!
Наталья Павловна смотрит:
- Нет там ничего.
 - Есть-есть-есть.
 - Да нет же!
 - Да? А сколько сейчас времени?
 - Десять минут первого.
 - Все - теперь уже на самом деле нет.
 - ?
 - Мария Львовна не велела без уважительной причины на урок опаздывать.
17. - Наталья Павловна, а от "Витафона" не умирают?
- Пока случаев не было.
- Вовка, вздыхая:
- Теперь будут. Бабушка просила выключить, если заснет, а я в школу ушел - так до сих пор и лежит. Теперь уже холодная, наверно.
18. Юрка гордо:
- А я Муську витафонил.

- И не брыкалась?
 - Еще как. А я скотчем к "Витафону" примотал.
19. Маша обреченно:
- Наталья Павловна, а чупа-чупс - наркотик?
 - Нет.
 - А почему мне папа сказал, что я наркоманка?
- 20.
- Наталья Павловна, что-то у меня голова кружится, да и вся я как-то не могу.
 - Это, милочка, возрастное.
 - А лекарство против этого есть?
 - Да - старость.

Устами младенца

- А у нашего Мурзика тоска.
 - Как это?
 - Он все таскает.
- А Митька слизняк: он у бабушки из кринки всю сметану слизал.
- Папа, а ты - пододеяльник.
 - Почему?
 - А ты с головой одеялом укроешься и спишь.

- У меня дома страна есть, там столько всего интересного!
Поддивания называется.

- Мама, а ПАПСА - это модный отец?

- Мама сегодня себе у зеркала мозги пудрила.

Вовка показывает на мамин парик: "Ты зачем у тетеньки скальп сняла?"

Таня кивает на спящего пьяного в стельку отца: "Папа у нас - вино-водочное изделие".

- Неправильно говорят: "Кошка ОКОТИЛАСЬ", правильно - ВЫКОТИЛАСЬ. Вон из нашей Муськи двое котиков выкотились.

- А в Думе сидят выдумщики?

- Мам, а почему чеченцы говорят по-русски, они ведь наши враги.

Даша расплакалась: "Мама - "Дева", папа - "Рыба". А я кем буду - русалкой что ли? У меня что - хвост вырастет?"

Отец вернулся из командировки. Леша его спрашивает:

- Папа, а ты в шкаф заглядывал?

- А зачем?

- Ну... так полагается.

Юра рассуждает: "Люба - влюбляется. Женя - женится. А мне что - втЮРИваться?"

- У нас перед выходом в гости папа одевается, а мама издевается.

- Картошка "фри" - это блюдо из трех картошек?

- Мам, а проститутка - самая добрая из женщин?

- С чего ты взял?

- Она всех прощает?

- Папа, а рыбы и звери перед нами виноваты?

- Нисколько.

- А за что же мы их едим?

- Почему "душ", ведь он для тела?

- Бабушка, а во Вселенной всегда воскресенье?

- Это еще почему?

- Ну как же, ВСЕ-ЛЕННАЯ, то есть там все ленятся.

Даша смотрит на выступление Винокура и говорит: "Как точно дяденьку назвали".

- Папа, а реалист - это тот, кто болеет за "Реал"?

- А я знаю, почему назвали "трусы" - потому что в них трусят показываться - стыдно.

- Общее между матрасом и матросом то, что оба они в полосочку.

- Бабушка, а "бульварный роман" - это книга, которую берет с собой мама, когда мы с ней гулять идем?

- Не пойду к стоматологу - он ужасно ругается.

Витя в церкви внимательно осматривает лицо священника. Мама спрашивает:

- Ты что?

- Интересно, этот бы после третьего щелчка выжил?

- Мам, а "дурак" - это ругательство?

- Да.

- А если на самом деле?

- Тогда диагноз.

- Папа, хочешь расскажу, что о тебе мама с бабушкой говорили?.. За два мороженных...Нет - за три.

- Танька, дай рубль на жвачку, а то скажу маме, что ты беременная.

- Я не беременная!

- Ты лучше дай - так тебе спокойнее будет.

- Мам, а дурдом - это когда вместе много дурочек живут?

Егор съел свое мороженое и просит: "Ленка ты уйди в другую комнату есть свое, а то я ПРИСЛЮКИВАТЬСЯ буду".

- Мам, а звери в сказках где изучали русский язык?

- Папа, а морг так назвали потому, что там глазами "морг" и больше не откроешь?

- А почему артисты кланяются после выступления - они просят, чтобы им чего-нибудь подали?

Егорка учит пословицы: "Что посеешь - то и... пожрешь".

Национальный вопрос "устаами младенца"

- Моя мама - украинка, а папа - узбек. Значит, я мутант?

- А меня сегодня "шеварнадзе" из класса за то, что списывал.

- А почему японцев прозвали "узкоглазыми" - потому что на Россию из-за Курил косо смотрят?

- А Витька сегодня крылья бабочке оторвал. Он что - чеченец?

- Папа, а юрист - это национальность?

- Ну, почти...

Мама поправляет Вику: - Не "французинки", а "французенки".

Вика не соглашается: - Не-е-ет, францу-зин-ки: они ведь все такие тоненькие, щупленькие.

- А почему американцы всегда улыбаются?

- Радуются, что живут не у нас.

Таня спрашивает после урока географии: - Наталья Пална, а в Австралии женщины тоже сумчатые?

- А я знаю, какая самая жаркая страна на свете: Потогония!

- Мой папа недавно был в Италии. Теперь он папа Римский!

- Мама, а украинцы - воры?

- С чего ты взял?

- Ну как с чего: вот они у нас и Севастополь... укра... укра... сукраинить хотят.

- Папа, а тех, кто из Москвы, на Украине всегда бьют?

- Нет.

- А я по телевизору видел, как дяденька кричал: "Бей москалей!" А если я туда поеду, меня не тронут - я ведь из Череповца, а не из Москвы.

- А немцы и ненцы - союзники?

- А Евросоюз - это союз всех евреев на свете?

- А белорусов пускают на Киевский вокзал?
- Папа, а за что сегодня на рынке грузин кричал на русскую тетеньку-продавщицу? Они что - нас завоевали?

- А что делают в Бразилии кроме того, что пьют кофе и играют в футбол?

Саид Шарыбаев тяжело вздыхает, глядя на спящего пьяного отца: "Вот мы и обрусели".

- Пап, а мы татарам и монголам дань платили?
- Да, лет двести.
- А сейчас?
- Нет, сейчас они слабые.
- Так надо пойти к ним и отобрать.

Вовочка сердится на маму: "Вот как заберу папу с собой в Ингушетию к этому... ну как его... Он там мне еще одну маму подберет, которая супом кормить не будет".

- А в Израиле одни женщины живут?
- Нет, и мужчины тоже.
- А говорят, там... это... все, что есть, начисто обрезают.
- Мама, а тамогоч японки рожают?

- А почему на долларах - дяденьки, а у нас или лошади, или мосты, или дома? Наверное, в Америке людей больше любят.

Юра швыряет учебник английского языка: "Не хочу! Придумали англичане себе язык - вот пускай сами его и учат. А я русский учить буду!"

- Гутен морген. Хенде хох. Вас из дас. Тьфу! Ну и слова - будто консервную банку языком открываешь.

- А почему в Китае так много людей?
- Размножаются быстро.
- Они что, яйцекладущие?

Вовочка смотрит "Клуб кинопутешественников" и делает заключение: "Все - я понял: негры - это наши предки. Сначала - обезьяны, потом - негры, потом - мы".

Вопрос на уроке истории: "Анна Пална, а когда немцы на нас в следующий раз нападать будут?"

- А маугли водятся только в Индии?
- А как называются жители Осло - ослы?..
- Почему китайцы едят только палочками - талию берегут? А у них "первое" бывает? И как они его?..

Юра после просмотра индийского фильма:

- А индусы говорить умеют?
- Конечно.
- А я думал, что они только поют.

Устами младенца - 2

- Ты чего хохочешь - все уже давно отсмеялись?
- А я про запас - все равно дома уши драть будут.

- "Меткомбанк" - это такой бо-ольшущий железный ящик, а в нем деньги толстыми пачками напиханы.

- А какая получка у гениев?
- Петька, а Петька, с тебя теперь три жвачки за домашнюю - бензин-то, слышь, подорожал.

- Пап, а как называются щенки чи-хуа-хуа: чи-хуа-хуенки... чи-хуа-хуята... чи-хуа-хуишки?.. Ой, что-то я не то говорю...

- Вон у них в Америке: Шварц с базуккой, Сталоне - с автоматами, Брюс Уиллис - хоть и в майке, но с пистолетами. А наши "менты" то с водкой, то с пивом. Обидно.

- А Мурзилка - это самка Чебурашки?

- Таня, включая телевизор: "Посмотрим-посмотрим, кого там сегодня убили и взорвали".

- А как зовут жену зубра - зубрилка?

- Бабашка, можно я немного за тебя пенсионеркой поработаю.

- Папа, а куда люди умирают?

- Леночка шепотом? "А я сегодня была в учительском туалете!.. Странно: оказывается, у них то же, что и у нас. Ну и ну..."

- Егор, гневаясь, кричит старшей сестре: "Не смотри на меня - я не хочу видеть себя на твоём лице!"

- Двое русских похмельных мужичков в мятой одежке тащат тачку с овощами на рынок. Сзади идет вальяжный грузин и подгоняет их. Вовочка спрашивает: "Папа, они его рабы? - и вдруг добавляет испуганно: - А когда я вырасту, он не заставит меня катить тележку?"

- Саша, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

- Американцем.

- Я - гуманоид. Папа - алкоголоид. Дедушка - геморроид. А бабушка - сумчатое.

- А сучок - это щенок мужского пола?

- Папа, "Спартак" - это древнеримский футболист?

- Маша наказывает куклу Катю: "Вот не положу сегодня с тобой клоуна Мишку - всю ночь сама ворочаться будешь".

- Бабушка, хочешь - я твои очки найду... За вознаграждение?

Семилетняя Маша - маме:

- Мама, можно я утоплюсь?

- С чего вдруг?
- Петька сказал, что на мне никогда не женится.

- Мама строго спрашивает семилетнего Сашу: "Где ты взял 50 рублей?"
- Нашел... Случайно... В папином кармане...

- Опять двойка? И зачем ты ходишь в школу?!
- А давай я ходить не буду - тогда и двоек не будет.

- Папа, дай мне волосинку из твоих усов.
- Зачем тебе?
- На рассаду - я тоже хочу усы.

- А я вчера ледоход на реке устроил: кинул с моста камень - и сразу река треснула и по ней льдины, льдины.

- Мама, можно я с тобой посплю?
- Нельзя - брыкаться будешь.
- А я... а я в другую сторону.

- Соплименники - это мои друзья из детского садика.

- Я понял - тамогочи вымерли, а вместо них народились покимоны.

- Когда выключаешь свет, становится прохладней.

- А какая высота до глубины Шексны?

- Мама: - Сынок, как тебе суп?

Петя: - Хреновый.

Мама: - Петенька, так нельзя говорить. Ну скажи - плохой.

Петя: - Какой же он плохой, если хреновый.

Устами младенца (пасхальные)

1. Витя смотрит, как мама раскрашивает яйца к пасхе:
- Мама, а что - Бог из яйца вылупился?
2. Леша засыпает бабушку вопросами: "А сколько лет Богу? А он женат? А у него есть дети? А кем он работает? А сколько получает?"
3. Вова гордо, входя в класс: - А мой папа - Бог! Да-да, мне так бабушка вчера и сказала: "Чадо ты Божье" .
4. Когда "Северсталь" выигрывает - салют. А почему звонят колокола - Бог тоже у кого-то выиграл?
5. В церкви мама тихо обращается к сыну:
- Ты тихонько попроси у Бога о чем-нибудь самом важном.
- Неужели сбудется?
- Конечно.
Саша зажмуривает глаза и шепчет:
- Господи! Отмени школу! Отмени школу!

6. Мам, а почему Христос такой худенький, а священники такие толстенные, они же его ученики?
7. Учительница: - Саша Павлов! Почему ты не сделал домашнее задание?
Саша: - У меня пост, Марь Ванна.
8. Мама покупает в церкви свечи. Юра внимательно смотрит на нее и говорит: - А я-то думал, что Бог бесплатный.
9. Мама, а как звали Адама по отчеству?
10. Бабушка, а где учат на Бога - я тоже хочу.
11. Бабушка: - Вот не будешь кушать кашу - боженька как рассердится, как накажет!
Витенька: - Пусть только попробует! Я тогда верить в него не буду и всех ребят подговорю, чтобы не верили. Вот пусть один и остается с тобой, беззубой.
12. Толя, заглядывая в холодильник: - Господи! Скорее бы ты воскрес, а то с голоду подохну.
13. Леночка раскрашивает пасхальные яйца и рассуждает:
- Это - отдам маме, а она мне - шоколадку. Это - папе, а он мне - бутылочку колы. Это - бабушке, а она мне - мороженое. Слава тебе, Господи!
14. Юра чокается яйцом с бабушкой и побеждает: - Ура! Моя взяла! Я пойду в рай, а ты - в ад.

15. Витенька спрашивает: - Баб, а баб, тебе скоро к Богу?
- Ох, скоро, милоч, ох, скоро. - А ты, это, попроси его там, чтобы мне велосипед купили. И давай поскорее, ладно?
16. Саша хнычет на уроке: - Анна Пална, я нехристь?
- Что ты, Сашенька, ты добрый, очень добрый.
- А почему бабушка нахлестала меня тряпкой, когда я на ее иконе дорисовал голому Богу пиджак и штаны? Ему ведь холодно и стыдно.
17. Звонок с урока. Вова важно захлопывает учебник: -
Аминь.
18. Миша подходит на пасху к соседке Леночке:
- Христос воскрес.
- Ну и ладно.
- Конечно - ладно. А поцеловать?
19. - Ну, как дела в школе?
Леночка вздыхает, как бабушка: - Ох, тяжки грехи наши, тяжки.
20. - Петров, почему ты списываешь с Ивановой?
- Ох, Марья Петровна, бес попутал, ей богу - бес.

Что такое ад и рай

(ответы с парты)

РАЙ

- В раю я буду делать то, что захочу, а не то, что нужно.
- Там, свесив ножки вниз, друг друга называют по имени.
- Там примерно так же, как летом на рыбалке.
- Там все медленно, плавно и белоснежно.
- Там нет взрослых.
- Я лягу на край облака и буду смотреть вниз на землю, как в телевизор.
- Там все бесплатно - надо только подумать или представить.
- Нет, в раю мне будет скучно без моих родных и собаки.
- В раю никто никого не обижает и все улыбаются. А Бог сидит на белом троне, и борода у него белая и длинная, облачная. Как у Льва Толстого, наверное.
- Рай похож на шалаш, и там все с милыми.
- Туда по благу попасть нельзя. Значит, папе там не бывать.
- Бабушка говорила, что только мученики попадают в рай.

Значит, Бог не велел, чтобы мы в жизни были счастливы? А я хочу, чтобы мне и здесь было хорошо и в рай попасть тоже хочу. Неужели так нельзя?

- А как все узнали, какой Бог? Или он принят за условную единицу?

АД

- Как-то нас водили на экскурсию на завод, в мартеновский цех - очень похоже.

- Там увядшие деревья, черная трава, все горит и черт с ослиными ушами и рогами бегаёт и хохочет.

- В аду скучно.

- Там я никогда не увижусь с папой и мамой, а перед глазами будут мелькать Мишка Сидоров и Ленка Минина. Они и здесь надоели.

- В аду говорят хриплым голосом.

- Там не пускают гулять и надо постоянно делать домашнее задание.

- Там варишься-варишься и никогда не сварисься.

- Что ваш ад - вы бы дома у меня пожили.

Строки из школьных сочинений

- Был Базаров - и нет базара.
- Облом - это результат жизни Обломова.
- Замочив старуху-процентщицу, Раскольников хотел выйти сухим из воды.
- Сонечка Мармеладова любила всех на свете, всех без разбору - это была ее работа в обществе.
- Рахметов спал на гвоздях вместо того чтобы спать с Верой Павловной.
- Пушкин безо всяких рук воздвиг себе памятник и протоптал к нему народную тропу.
- В стихе "Я вас любил" Пушкин хочет, чтобы его бывшую любовницу любили так же хорошо, как и он сам.
- Все, что любил Толстой - это пахать землю и писать романы.
- Тургеневской девушке всегда мало, она всё ищет и ищет кого-то.
- Татьяна Ларина думала по-русски, а писала по-французски. Так было принято.

- Татьяна заманила своим письмом Онегина в одинокую беседу, а он не понял и начал отказываться.

- Чацкий говорил то, что думал. А думал он неприлично.

- Царское правительство не пустило Пушкина за границу, боясь, что он там сделает Великую французскую революцию.

- Илья Муромец ка-ак свистнет Соловья-разбойника по морде!

- Пугачев предлагал Гриневу тридцать три года пить свежую кровь.

- Пугачев разъезжал по крепостям и развешивал царских офицеров.

- Пушкин в своих стихах рассказывает о том, где, как и кого он любил.

- Печорин разъезжал по Кавказу и совращал девушек.

- Онегин вскинул пистолет и быстренько убил Ленского.

- Пьер Безухов думал-думал, думал-думал, а потом плюнул да и женился на Наташе Ростовоной.

- Андрей Болконский, лежа на поле боя, встретился с Наполеоном.

- На Бородинском поле русские солдаты обагрятся французской кровью.

- Толстой - фаталист, он показывает, как Кутузов сидит и ничего не делает, когда идет сражение. Так и надо.

- Тарас Бульба любил пить горилку и курить трубку, поэтому был таким сильным казаком.

- Лермонтов говорит о полной антисанитарии в своей стране: "Прощай, немытая Россия".

- Тучка переспала с утесом-великаном и полетела дальше.

- Данко разодрал руками грудь, выхватил сердце и понесся через лес.

- Мы радуемся смерти Данко и думаем: "Побольше бы таких".

- Чацкий не дурак - он сумасшедший.

- Илья Муромец стоял на развилке и задумчиво изучал знаки.

- Я от страха стал таким бледным, что аж покраснел.

- Он послал меня на три буквы на все четыре стороны.

- И пошла Герда за своим Каем - черт знает куда.

- Королевич Елисей реанимировал спящую царевну с помощью поцелуя.

- Золушка и после замужества с принцем будет вкалывать как папа Карло.

- Если из литературы убрать всех подлецов, негодяев, злодеев и убийц, то и читать будет нечего.

- Рассказы Чехова похожи на анекдоты из жизни, только без мата.

- Наташа Ростова перепробовала всех: и Николая, и Болконского, и Курагина, и Пьера Бехухова, а вы говорите - положительный образ.

- Катерина послала всех подальше и утопилась.

- Когда я прочитала в стихе Некрасова такие строки: "Он до смерти работает, до полусмерти пьет", то сразу представила себе моего папу.

- Пьер Безухов был настоящим лохом, когда женился на Элен.

- Чтобы быть настоящим поэтом, надо обязательно застрелиться, или повеситься, или, по крайней мере, быть убитым на дуэли.

- Тургенев был противником крепостного права и всю жизнь жил за его счет за границей, потому что не выносил его запах.

- Патриот - это человек, которому не живется спокойно.
- Маяковский кричал свои стихи в публику и махался руками.
- Стихи Есенина такие мягкие, нежные, поцелуистые.
- Стихами, посвященными женщинам, Пушкин доказал, что лучше быть любовницей поэта, чем его женой.
- Островский не любил женщин: Катерина утопилась, Ларису застрелили, Снегурочка растаяла. Может быть, тут дело в ориентации и надо внимательней изучать биографию драматурга?

Записки под ёлкой

1. Хочу есть пирожные, мороженое, конфеты и булочки - и не толстеть.
2. Хочу, чтобы меня знали все на свете, ну все-все, даже Клинтон и Путин.
3. Хочу, чтобы у меня была своя комната с замком и чтобы туда никто, кроме меня, не входил и не командовал моими вещами.
4. Хочу, чтобы запретили домашнее задание: детство кончается, а его будто и не было.

5. Хочу, чтобы мальчишки дрались из-за меня на шпагах и пистолетах, а если не умеют, то хотя бы били друг другу морды.
6. Хочу сегодня посмотреть передачу "Лото-миллион", которая будет лишь через месяц.
7. Дед Мороз! Дай мне сил не сказать Ленке, что я люблю Юрку.
8. Хочу, чтобы наша классная руководительница Ирина Васильевна поскользнулась и сломала ногу. Но так - немножечко, месяца на два. И сама, кстати, от нас отдохнет.
9. Хочу, чтобы папа стал импотентом. Тогда бы я спала с мамой - одной страшно и скучно.
10. Дед Мороз! Сделай меня Бэтменом с во-от такими ручищами и с во-от такой машиной. Я бы тогда набил морды Петьке, Вовке, Юрке, Сашке и удрал бы от них на этой машине.
11. Хочу столкнуться с Вовкой Петровым в дверях и случайно его поцеловать.
12. Хочу, чтобы Муму выплыла и убежала от всех этих.
13. Хочу, чтобы в "Алмазе" не продавали пиво - дышать нечем.

14. Хочу встретиться с папой и мамой 3001 год.
15. Хочу, чтобы ко мне пришел Бог и сказал мне, что я потом еще раз буду.
16. Хочу побыть денек девочкой - интересно, как это у них...
17. Дед Мороз! Подыщи моей маме такую работу, чтобы мне можно было получать от тебя подарки.
18. Дед Мороз! Не надо мне игрушек и конфет - сделай так, чтобы у меня был папа.
19. Дед Мороз! Найди моего Ваську, который недавно потерялся: я без него скучаю.
20. Дед Мороз! Попроси мою маму не бить меня.
21. Дед Мороз! Помоги Ирине Петровне уйти в декрет - подальше со своими арифметикой и чтением.
22. Хочу золотое колечко - от папы, золотые сережки - от мамы, сапожки - от бабушки, комбизик - от дедушки. И еще по сто рублей от каждого - на всякое-разное. Лучше пусть сбудется, а то...

Не хочу быть бедным (дети и деньги)

- Как только я подумаю о деньгах, так их уже нет.
- А я не буду зарабатывать - я буду выигрывать.
- Я боюсь поднимать мелочь на улице - она заговоренная.
- Да, я жадный, и мне оттого хорошо и полезно.
- А если застраховать Шарика в страховой компании "Шексна", а потом его... того? Вроде, жалко и немножко стыдно, но... выгодно.
- Когда мне мама дает рубль "просто так", у меня на сердце тепло и приятно делается.
- Взрослые для того и зарабатывают, чтобы дети тратили.
- Помою посуду - три рубля от мамы. Схожу за хлебом - два рубля от бабушки. Получу "пятерку" - пять рублей от папы. А сколько, интересно, стоит перевести старушку через дорогу?
- За деньги можно купить и любовь, и дружбу - надо только заплатить по-настоящему.
- Эх, мне бы 100 тысяч рублей. Я бы тогда подкупил всех моих учителей, чтобы не мучили. Согласятся - с их-то заработком.
- Быть бедным стыдно и скучно.

- Когда я запускаю руку в папин карман, мне становится страшно и приятно: будто вот-вот сокровище найду, а сзади погоня.

- Бабушка, дай почитать твою сберкнижку. Ух, ты! Дай половину.

- Не люблю, когда мне дарят подарки - лучше деньгами. А сколько - я сама скажу.

- Я знаю, что больше всего не любят куры - деньги, они их даже не клюют.

- Банкомат - это дяденька такой за окошечком. Он деньги выдает и ругается страшно, потому что очередь большая.

- Папа, а скоро я стану наследником?

- Мама, вот ты говоришь, что учеба - это моя работа. А почему мне тогда за нее не платят деньги?

- Нет, наши деньги лучше долларов - их тратить легче.

- Рубли - это на сейчас, доллары - на потом.

- Анна Павловна, ну что вы так расстраиваетесь из-за моей двойки за такую-то зарплату?

- Зачем мне образование - я не хочу быть бедным.

- Бабушка, а зачем ты деньги все копишь да копишь - тебе же они скоро не нужны будут.

Дети точат топоры (по следам школьной темы)

Со школьной скамьи мы знаем, что был в русской литературе такой Федор Михайлович Достоевский. И написал он роман "Преступление и наказание", и в этом романе некто Родион Раскольников убил топором старуху-процентщицу. Убил, чтобы проверить, способен ли он вершить судьбы людские. Убил, чтобы потом творить добро по своему усмотрению. Старая история, старая...

Любопытно, что и мы, череповчане, причастны к этому убийству. Дело в том, что учился в стенах нашего реального училища, что на Луначарского, некто Дмитрий Карокозов, который стрелял в государя Александра II. Покушение не удалось, но Достоевский увидел в Карокозове образ убийцы-идеолога, взявшего на себя право судить и казнить во имя блага людей. А стены училища по приказу свыше были окрашены в черный цвет: ненадежных людей выпускаете, господа, неблагонадежных.

Смотрю я на своих десятиклассников и думаю: "А может, вон там, у окошка, сидит будущий Раскольников. И зреет в его сознании умысел. Тем более время такое - неблагонадежное, благодатное и для теории, и для ее реализации. Время, когда "все дозволено", когда одним "некуда больше идти", а другие на все и вся "право имеют". Когда за одной партией - ребенок, имеющий все, и ребенок, ничего не имеющий. Когда так хочется быть не хуже других. Когда потребность сравнивать свой достаток с достатком ближнего стала "воздухом времени". Когда убийство обыденно. Когда ложь и насилие возведены в ранг государственной политики. Когда... Когда...

Время такое - РАСколотое, РАСколовшееся. Нет гармонии ни в обществе, ни в душе человека. И - самое страшное - похоже, никто эту гармонию уже и не ищет. Неблагонадежное время. И мы неблагонадежны. И в этом времени из наших детей медленно, но неуклонно вырастают "раскольниковы". Вырастают незаметно, но неизбежно. Послушаем их...

...Он прав в том, что разделил всех людей на тех, кто может позволить себе убивать, не испытывая угрызений совести, и тех, кто боится переступить закон. Так и сейчас: одним ничего не стоит обмануть, унижить, даже убить, если это нужно для достижения цели. А вторые - "твари дрожащие": и хотели бы, да не могут.

...Раскольников прав: я - это я. И все остальные - для меня. И мне нет никакого дела до их страданий, как и им до моих. Они - мое стадо.

...Слабак этот Раскольников: уж если решился убивать, убивай с толком, с пользой, а не распускай нюни.

...Странные люди жили в прошлом веке: для того, чтобы убить, надо было еще и теорию изобретать. Сейчас некогда тратить время на теории - убивают без них.

...Чтобы быть "властелином", не надо никакого убийства-эксперимента. Надо просто ощутить его в себе. Вот так: посмотреть на всех сверху и увидеть их маленькими-маленькими, ничтожненькими-ничтожненькими. Они ведь такие и есть.

...Добреньких и слабеньких забывают. Злодеев помнят. И чем больше они злодеи, тем больше их помнят и больше восхищаются. А восхищаются потому, что эти злодеи - мечта о силе. Мечта, которая сидит в людишках. Мечта

неосуществленная, тайная. Слюнки текут, когда читают или смотрят о "властелинах" - Цезаре, Сталине, Гитлере. Читают и невольно думают: "Эх, и мне бы вот так !"

...Проливать кровь - вообще в природе человека. И при чем тут теория. Это так же естественно, как родиться.

...Вокруг нашей школы строят виллы. У меня ее нет и никогда не будет. Но я знаю, что я не хуже тех - их будущих хозяев. И я тоже имею право жить достойно. Раскольников прав: надо отнять у тех, у кого много, и раздать тем, у кого мало. И как можно быстрее. Надо только решиться и сказать себе: "Я прав".

...Раскольников не прав не в том, что убил, а в том, что до конца не доделал: его помощь была так нужна униженным хорошим людям, а он взял деньги и не сумел раздать. Я бы раздал.

...Достоевский пугает нас совестью: дескать, убьешь - замучает. Не слабо - не замучает.

..."Властелины" на каторге не сидят.

...Как бы я не хотел чувствовать себя "тварью дрожащей". Но как представлю, что кого-то надо обидеть, унижить, даже убить... Нет, не могу: не пускает что-то. Значит, я "тварь"... А мама говорит, что я добрый и чуткий. И мне нравится быть таким. Но и "тварью" я быть не хочу.

...Все правильно: чтобы быть свободным, надо учиться убивать.

...Я помню, как хорошо было играть в солдатики в детстве: захотел - они погибают, штурмуя крепость, захотел - выживают. Быть хозяином чужой судьбы всегда приятно. Мне было жаль солдатиков, так почему же я должен жалеть людей?

...Нам талдычат: "Не убий! Не укради!" Как же - заповеди! А мне наплевать. Я хочу жить хорошо, уважая себя. А если эти заповеди мешают мне - к черту!

...У моего друга убили отца. Убили те самые, "властелины". Потом купили судей, милицию - и остались на свободе. Вовка все это знает. Помню, как он сквозь зубы и слезы шепнул: "Я вырасту..." Только теперь я поняла, что он хотел сказать: "Вырасту - и отомщу". Он отомстит - я знаю. А топоров у нас хватит.

...Еще Пушкин сказал: "Паситесь мирные народы...", "Их нужно резать или стричь". Ну уж если Пушкин...

...Милосердным может быть только сильный. А сильный он уже потому, что сильнее других. И он им это доказал. Значит, сильный силен насилием. И милосердие - результат... насилия. Какое же это тогда милосердие? Но все ведь сходится. Страшно.

...Мне противен пьяный Мармеладов, лезущий ко всем со своей душой. Мне противна Сонечка: взялась быть б...ю - нечего строить из себя святую. Мне противен Раскольников: не мужик, а тряпка. Убил - так действуй!

...Раскольников боится самого себя. А себя не надо бояться - себе надо служить.

...Зачем спасать тех, кто сам спасти себя не может, а только воеет от жалости к себе: ах, униженный! Ах, оскорбленный! Ах! Ах! Хочешь выплыть из этих слез и соплей - забудь, что у тебя есть душа, милосердие, сострадание и прочая обуза. Забудь и - вперед! К счастью! По головам! А если надо - и топор с собой прихвати.

Эх, Федор Михайлович, Федор Михайлович... Куда вам до нас.

Содержание

Мамонт	4
Всяк сверчок... ..	41
Дневник тихой дурочки	59
Третья мировая.....	93
Выборы	94
Бартер	97
Вовка как зеркало русской революции	98
"Как упоительны в России вечера..."	101
Свидание	104
Крыша	108
Ж у к	111
Больно	116
Чашка	119
Письмо Богу	122
Познание	123
Вовка на паперти.....	135
Школьный рюкзак	142

Один дома	147
Один дома-2	151
Трус.....	156
Вор	163
Режиссеры	176
Черт	185
Записки школьного врача	206
Устами младенца	209
Национальный вопрос "устаами младенца"	213
Устами младенца - 2	217
Устами младенца (пасхальные)	220
Что такое ад и рай (ответы с парты)	223
Строки из школьных сочинений	225
Записки под ёлкой	229
Не хочу быть бедным (дети и деньги)	232
Дети точат топоры (по следам школьной темы).....	234

**Сидоренко
Александр Михайлович**

**НАШИ ДЕТИ.
Рассказы.**

Авторская редакция.

Набор текста А.М.Сидоренко.

Оригинал-макет ООО «Полиграфист»
г.Череповец, ул.Ленина, 80, оф.6. Тел.:57-33-99
Лицензия ИД № 03655 от 09.01.2001
Формат 70х100/32. Тираж 500 экз. Заказ № 2563.

Отпечатано в ПФ «Полиграфист»
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев,3. Тел.:(8172) 72-55-31